

II.

Свѣтскіе архіерейскіе чиновники въ древней Руси были трехъ родовъ: одни изъ нихъ завѣдывали различными отраслями епархіальнаго управленія, другіе—управленіемъ архіерейскаго двора, земель и крестьянъ, жившихъ на нихъ, третьи занимали извѣстныя только придворныя должности. Къ чиновникамъ перваго рода принадлежали: а) бояре, б) дьяки, с) намѣстники, д) десятильники, е) тиуны, ф) праветки и доводчики, г) приставы или недѣльщики. Къ чиновникамъ втораго рода принадлежали: а) дворецкіи, б) волостели, с) пригацики, д) стряпчие. Къ чиновникамъ третьяго рода: а) стольники, б) кравчіе или крайчіе, с) конюшіе, д) чашники.

Чиновники, завѣдывавшіе различными отраслями епархіальнаго управленія:

а) Бояре. Боярами въ древней Руси первоначально назывались лица, принадлежавшія къ семействамъ родоначальниковъ, составлявшія коренное, старшее населеніе городовъ, ихъ аристократію, сильную богатствами и обширностію своихъ владѣній; они постоянно жили въ городахъ, сосредоточивали въ своихъ рукахъ всю власть и управленіе городомъ, это, такъ называемые, городовые или княжескіе бояре ¹⁾. Со времени появленія на Руси княжеской власти явился и новый родъ бояръ—дружинниковъ. Знаменитѣйшіе княжескіе дружинники еще при Игорѣ стали называться боярами. Въ дружинѣ боярство было не столько наследственнымъ, сколько личнымъ, ибо княжескія дружины постоянно пополнялись не только туземцами, но и пришлецами изъ разныхъ странъ, которые поступали въ ряды княжескихъ бояръ или бла-

¹⁾ Вѣляева: «герода на Руси до монголовъ», журн. минзет. (народ. просвѣщ. 1848 г. Генварь. Пассека: «Новгородъ самъ въ себѣ» и «княжеская и до княжеская Русь». Чт. общ. ист. 1869 г. кн. 4; 1870 г. кн. 3. Затиркевича: «о вліяніи борьбы между народами и сословіями на образованіе Русскаго государства въ домонгольское время». Чт. общ. ист. 1873 г. кн. 1, стр. 38—41.

годаря своему знатному происхожденію, или же просто благодаря только своимъ личнымъ какимъ либо качествамъ, какія особенно цѣнились въ дружинникѣ ¹⁾. Такимъ образомъ боярами назывались въ древнѣйшее время всѣ лица или принадлежавшія къ знатнѣйшимъ и богатымъ фамиліямъ, или же просто важнѣйшіе княжескіе дружинники, причемъ боярство давалось не за принадлежность только къ знатной фамиліи, но и за личные качества дружинника, такъ что до боярства могъ дослужиться всякій свободный человѣкъ, поступившій въ княжескую дружину. Этотъ первоначально широкій смыслъ слова «бояринъ» съ теченіемъ времени сталъ суживаться и прилагаться все къ меньшему числу лицъ. Еще съ XII вѣка мы встрѣчаемъ раздѣленіе бояръ на большихъ и малыхъ ²⁾, при чемъ большими назывались первенствующие сановники государства, малыми — всѣ вообще, принадлежавшіе къ старымъ боярскимъ родамъ, но не имѣвшимъ первенствующаго положенія въ государствѣ. Съ XV вѣка собственно боярами стали называться только думные люди, самые знатные и близкіе къ князю; всѣ же лица, называвшіяся прежде вообще боярами и потомъ боярами малыми, теперь получили названіе дѣтей боярскихъ, такъ что собственно бояръ въ то время было очень немного ³⁾. Со времени Грознаго до временъ Петра Великаго названіе бояринъ означало высшій чинъ и первое достоинство при московскомъ дворѣ, и боярское достоинство, въ силу господствовавшаго мѣстничества, обыкновенно жаловалось членамъ очень не многихъ знатныхъ фамилій ⁴⁾. Впрочемъ, слово бояринъ употреблялось въ широкомъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ свободного служилаго человѣка, принадлежавшаго къ знатной фамиліи послѣ того, какъ московское правительство пріурочило названіе бояринъ только къ высшимъ сановникамъ государства. Такъ, Іоаннъ III пишетъ: «се азъ великій князь

¹⁾ Вѣляева: «о служилыхъ людяхъ московскаго государства и боярахъ въ частности». Времен. кн. III. Солов. т. I, стр. 249, 245—247.

²⁾ Въ обширной редакціи Ярославова устава упоминаются бояре большіе, — за безчестье ихъ митрополиту полагается пять гривенъ злата, меньшіе — за ихъ безчестье одна гривна злата. Ист. рус. церк. Макарія т. II, стр. 354, прим. 453. (Прав. соб. 1861 г. кн. 3 стр. 465). Митр. Кипріянь въ своемъ духовномъ завѣщаніи преподаетъ благословеніе и прощеніе «боярамъ же великимъ и малымъ» (А. Э. Ю. Б. I, № 83). «о различіи бояръ большихъ и малыхъ» (Солов. IV, стр. 199).

³⁾ Іоаннъ III-й получалъ отъ отца только трехъ бояръ.

⁴⁾ См. списки бояръ при московскомъ дворѣ. Древн. Вивл. кн. XX.

Иванъ Васильевичъ пожаловалъ есмь Василья Остаѣевича Ознобишу санничимъ въ путь, и вы бояре и слуги и всѣ люди того пути чтите его и слушайте». Упоминается о существованіи такихъ мелкихъ бояръ и въ западно-русскихъ областяхъ ¹⁾. Это показываетъ, что на ряду съ боярами сановниками существовалъ другой родъ бояръ малыхъ, бояръ въ широкомъ смыслѣ этого слова. Даже и въ XVII в. слово бояринъ употреблялось въ двоякомъ значеніи: въ смыслѣ высшихъ государственныхъ сановниковъ и въ смыслѣ господъ относительно холопей ²⁾.

Если такимъ образомъ названіе бояринъ въ различное время понималось различно и означало или вообще человѣка, принадлежавшаго къ богатой знатной фамиліи, или старшаго дружинника при князѣ, или высшаго сановника при московскомъ дворѣ, или, наконецъ, просто всякаго свободного человѣка въ противоположность несвободнымъ холопьямъ; то что же такое были такъ называемые архіерейскіе бояре, какой именно смыслъ имѣло усвоенное имъ названіе; были ли они равны государственнымъ боярамъ, или же носили это названіе по противоположности къ холопамъ и вообще людямъ несвободнымъ?

Названіе архіерейскіе бояре въ различное время имѣло не одинаковый смыслъ и измѣнялось сообразно измѣненію этого слова въ государственномъ употребленіи. Какъ на государственномъ языкѣ первоначально боярами назывались всѣ высшіе служилые люди при князьяхъ и вообще лица знатныхъ, богатыхъ фамилій, такъ и у архіереевъ боярами первоначально назывались всѣ служилые люди, занимавшіе сколько нибудь важную въ какомъ либо отношеніи должность при дворѣ архіерея и принадлежавшіе къ болѣе или менѣе знатнымъ фамиліямъ. Древнѣйшее дѣленіе всѣхъ служилыхъ людей при архіереяхъ было на бояръ и слугъ ³⁾; бояре всегда были благороднаго, знатнаго происхожденія, имѣли свои родовыя вотчины, занимали различныя придворныя и епархіальныя должности и отбывали военную

¹⁾ Солов. V, стр. 224.

²⁾ Улож. гл. XX, ст. 10 и 12.

³⁾ Съ Митяемъ въ Константинополь отправились: люди дворныя митрополи дутчія, и слуги пошлыя, сирѣчь лучшія митрополичи и казна митрополича и бояре» (Ник. лѣт. IV, стр. 73 и 74). Въ уставной грамотѣ Василія Димитріевича съ митрополитомъ Кипріяномъ служилые люди митрополита раздѣляются на слугъ и бояръ (А. Э. I, № 9). М. Кипріянъ въ своей духовной грамотѣ поручаетъ своихъ служилыхъ людей бояръ и слугъ великому князю (А. до Ю. б. I. № 83).

повинность съ архіерейскихъ земель. Слуги раздѣлялись на три разряда: къ первому принадлежали лица свободныя, которыя отличались отъ бояръ только своимъ происхожденіемъ. Они занимали различныя должности при архіерейскомъ дворѣ, вмѣстѣ съ боярами должны были по призыву князя являться на войну; какъ лица свободного происхожденія, они имѣли право свободного отъѣзда, т. е. могли во всякое время оставить службу при дворѣ архіерея и перейти на службу къ другому лицу. Ко второму разряду принадлежали такъ называемые въ грамотахъ слуги «подъ дворскимъ», такъ какъ они находились подъ вѣдѣніемъ дворскаго; къ нимъ принадлежали разнаго рода промышленники и ремесленники. Наконецъ, у архіереевъ были и слуги не свободного происхожденія, которые обыкновенно носили названіе холопей ¹⁾. Съ XV вѣка, когда слово бояринъ на языкѣ государственномъ стало означать высшаго сановника государства, а всѣ именовавшіеся прежде боярами получили названіе дѣтей боярскихъ, а потомъ дворянъ, тогда и архіерейскіе служилые люди строго разграничены были на бояръ и на дѣтей боярскихъ. Названіе бояръ удержалось только за высшими ближайшими къ архіерею чиновниками, которые постоянно находились при немъ, были ближайшими, непосредственными исполнителями его распоряженій, давали судъ и расправу по всѣмъ дѣламъ, которыя, помимо низшихъ инстанцій, — окружныхъ чиновниковъ, шли на непосредственное усмотрѣніе архіерея. Всѣ же прочія лица, какъ принадлежавшія къ прежнимъ боярскимъ фамиліямъ, такъ и относившіяся къ слугамъ перваго разряда, получили теперь названіе дѣтей боярскихъ, такъ что служилые люди при архіереяхъ съ XV вѣка стали раздѣляться: на бояръ, занимавшихъ высшія должности при дворѣ архіерея, на дѣтей боярскихъ, которые назначались на низшія придворныя и епархіальныя должности: судебныя, финансовыя, полицейскія, и на слугъ въ тѣсномъ смыслѣ, которые составляли обыкновенную домашнюю прислугу архіерея. Послѣ стоголаваго собора, архіерейскими боярами назывались царскіе чиновники, которые назначались царемъ на службу къ архіереямъ и которые, не переставая быть царскими чиновниками, носили званіе бояръ во все время своей службы у архіерея, хотя бы въ лѣстницѣ государственныхъ чиновъ они занимали и не особенно высокое положеніе. Служба бояръ у ар-

¹⁾ Это дѣленіе слугъ и самыя ихъ названія (люди вольные, люди дворные) заимствовано архіереями у князей (Солов. IV, стр. 201—202).

хіереевъ за это время состояла главнымъ образомъ въ томъ, что они производили судъ по всѣмъ гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ, какія поступали на разсмотрѣніе архіерея. Со времени учрежденія архіерейскихъ приказовъ бояре были въ нихъ предсѣдателями.

Архіерейскіе бояре въ древнѣйшее время ничѣмъ не разнились отъ бояръ княжескихъ какъ по своему происхожденію, такъ и общественному положенію. Къ архіереямъ, какъ богатымъ землевладѣльцамъ, ради различныхъ выгодъ службы у нихъ, охотно поступали на службу многіе знатные роды, подобно тому, какъ они поступали на службу къ разнымъ князьямъ. Курбскій въ своихъ сказаніяхъ говоритъ, что къ митрополитамъ поступали на службу «мужіе благородные свѣтлыхъ родовъ», которые получали отъ митрополитовъ въ пользованіе земли, за что обязаны были нести службу при дворѣ архіерея и отбывать военную повинность съ его земель¹⁾. Въ уставной грамотѣ великаго князя Василія Димитріевича съ митрополитомъ Кипріяномъ говорится: «а про войну, коли азъ самъ князь великій сяду на конь, тогда и митрополичимъ бояромъ и слугамъ, а подъ митрополичимъ воеводою, а подъ стягомъ моимъ великаго князя; а кто будетъ бояръ или слугъ не служивалъ Алексѣю митрополиту, и приказался ново митрополиту, а тѣ пойдутъ подъ моимъ воеводою великаго князя, гдѣ который живетъ, инъ подъ тѣмъ воеводою и есть»²⁾. Очевидно, что архіерейскіе бояре были одинаковаго происхожденія съ боярами княжескими и что они поступали на службу къ архіереямъ точно также и на тѣхъ же условіяхъ, какъ и къ князьямъ, т. е. съ обязательствомъ отбывать военную повинность и нести службу при дворѣ архіерея, за что получали отъ него въ пользованіе земли. Какъ съ переходомъ отъ одного князя на службу къ другому бояринъ не терялъ чрезъ это своего боярскаго достоинства, такъ онъ удерживалъ его во время службы при дворѣ архіерея; такъ что бояре княжескіе и архіерейскіе были одно и тоже, не различались

¹⁾ По убіеніи же митрополита (Филиппа Іоанномъ Грознымъ) не токмо многихъ клириковъ, но и нехиротописанныхъ мужей благородныхъ сколько помучено различными муками и погублено: бо тамъ есть въ той землѣ обычай: на церковной землѣ мнози мужіе благородные свѣтлыхъ родовъ имѣнія мають, во время мирное архіепископамъ служатъ, а егда брань налетитъ отъ суиостатовъ окрестныхъ, тогда и въ войску христіанскомъ бывають, которые не хиротописаны (т. 1, стр. 160).

²⁾ А. Э. 1, № 9.

ничѣмъ между собою: архіерейскій бояринъ могъ быть бояриномъ князя, и на оборотъ. Это подтверждаетъ между прочимъ слѣдующее свидѣтельство: предъ своею смертію митрополитъ Филиппъ 1-й завѣщавалъ великому князю объ окончаніи начатой имъ постройки церкви: «но семь начать о томъ же дѣлѣ церковномъ приказывать своему боярину Владиміру Григорьевичу и сыну его Ивану Головъ»¹⁾. Упоминаемый здѣсь митрополитъ и сынъ его Иванъ Голова, тоже бояриномъ у великаго князя Ивана Васильевича, а его сынъ, Иванъ Голова, тоже княжескій бояринъ, былъ родоначальникомъ, по свидѣтельству по крайней мѣрѣ родословной книги, фамиліи Головиныхъ²⁾.

Такимъ образомъ, архіерейскіе бояре въ древнѣйшее время ничѣмъ не разнились отъ бояръ княжескихъ по своему происхожденію и общественному положенію, — это были тѣ самые свободные служилые люди, которые переходили отъ одного князя къ другому; служили тамъ, гдѣ это болѣе находили для себя выгоднымъ и удобнымъ, и которые во всякой службѣ удерживали за собою свое родовое боярское достоинство. Понятно, что, поступая къ архіереямъ на службу, бояре связаны были съ нимъ только личнымъ договоромъ, удерживали всегда за собою свое существенное право свободно и безпрепятственно переходить на службу къ другимъ лицамъ, если находили свою службу у архіерея въ чемъ либо невыгодною. Отношенія ихъ къ архіереямъ были тѣже, что и къ князьямъ въ удѣльный періодъ, когда бояринъ недовольный чѣмъ либо службою у одного князя, свободно оставлялъ ее и переходилъ къ другому. Конечно, и архіерей, съ своей стороны, имѣли право точно такъ же свободно относиться къ служащимъ у нихъ боярамъ, т. е. могли отсылать отъ себя однихъ бояръ и принимать къ себѣ новыхъ, такъ или иначе опредѣлять ихъ служебныя обязанности, — всѣ ихъ взаимныя отношенія вообще основывались на личномъ договорѣ обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ, государство совершенно не вмѣшивалось пока въ эти отношенія и съ своей стороны требовало только одного, чтобы бояре, находящіеся на службѣ у архіерея, исправно отбывали военную повинность. При такихъ отношеніяхъ между архіереями и ихъ боярами, конечно, совершенно невозможно было, чтобы при архіереяхъ съ самаго начала появленія на ихъ службѣ свѣтскихъ людей, были посто-

¹⁾ Чт. общ. ист. 1847 г. № 4, стр. 35.

²⁾ См. родословн. Головиныхъ. Времен. кн. X, стр. 89.

явно одни и тѣже служилые боярскіе роды; напротивъ, мы видимъ, что, какъ при князьяхъ удѣльнаго періода ихъ служилые люди постоянно смѣняются, такъ было и при архіереяхъ. Это, между прочимъ, видно изъ слѣдующаго обстоятельства: при Митяѣ встрѣчаются митрополичьи бояре: «Федоръ Шелоховъ, Иванъ Ортемьевъ Коробинъ, да Андрей и братъ его Невѣръ Борбинъ, Стефанъ Ильинъ Кловыня»¹⁾; ни одного изъ этихъ лицъ мы уже не встрѣчаемъ на службѣ митрополита Кипріана, хотя и знаемъ имена многихъ его бояръ²⁾. Очевидно, что митрополичьи бояре въ то время мѣнялись очень часто и что тѣ, которые служили одному митрополиту, не оставались обыкновенно, за небольшими исключеніями, на службѣ у его преемника.

Указанныя нами отношенія между архіереями и ихъ боярами возможны были только въ удѣльно-вѣчевой періодъ, когда ничѣмъ не стѣснено было право перехода свободныхъ служилыхъ людей отъ одного лица къ другому, когда бояринъ, оставивъ одного князя и поступивъ на службу къ другому, ничего не терялъ чрезъ это, такъ какъ они были равны по своему достоинству, — бояринъ всегда оставался бояриномъ — былъ ли онъ на службѣ у того князя или у другаго, или у архіерея, или у какойнибудь княгини. Положеніе дѣлъ въ этомъ отношеніи совершенно измѣнилось, когда Москва пріобрѣла рѣшительный перевѣсъ надъ всѣми другими княжествами и когда она, наконецъ, совершенно уничтожила ихъ отдѣльное, независимое существованіе. Какъ скоро великіе князья московскіе сдѣлались почти единодержавными государями всей Руси, то они, въ силу своего единодержавія и въ интересахъ своей власти, постарались всѣми, зависящими отъ нихъ, мѣрами уничтожить право служилыхъ людей переходить отъ одного князя къ другому, постарались уничтожить самую самостоятельность прежнихъ княжескихъ дворовъ, такъ что скоро бояре, недовольные службою у московскаго князя, уже не имѣли возможности перейти на службу къ другому князю, но стали въ такихъ обстоятельствахъ убѣгать за границу въ Литву или Польшу. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ и право архіереевъ принимать къ себѣ на службу

¹⁾ Ник. лѣт. IV, стр. 74.

²⁾ Намъ извѣстны слѣдующіе бояре м. Кипріана: чернецъ Андрей Ослебтєвъ, Дмитрій Афинеевичъ, Степанъ Феофановичъ, Демьянъ Райковичъ, Михайлъ Рай, Михайлъ Бирѣвъ, Юрій Протопопинъ, Иванъ поваръ (А. И. I, № 215. А. Э. I, № II).

бояръ по своему личному усмотрѣнію, какъ основывавшееся на прежнемъ, отжившемъ строѣ государства и какъ несогласное съ новымъ, строго-монархическимъ его строємъ, должно было фактически уничтожиться, вслѣдствіе чего съ XV вѣка къ архіереямъ уже не могли поступать на службу, какъ это было прежде, новые боярскіе роды. Съ другой стороны, если въ удѣльно-вѣчевой періодъ бояринъ оставался вполне бояриномъ, независимо отъ того, находился ли онъ на службѣ у какого-либо князя, или у архіерея, то этого уже не могло быть съ утверженіемъ московскаго единодержавія. Теперь все, что желало имѣть силу, власть и значеніе, должно было и могло получать ее только отъ единодержавнаго московскаго князя, теперь боярами въ строгомъ смыслѣ стали называться только знатнѣйшія, близкія къ московскому князю лица и боярство давалось за заслуги, какъ чинъ, при московскомъ княжескомъ дворѣ, — внѣ службы при дворѣ московскаго князя боярство собственно уже не существовало. Слѣдствія такого положенія дѣлъ относительно архіерейскаго двора были такія: если прежде къ архіереямъ охотно шли на службу лица знатныхъ боярскихъ фамилій; то теперь этого уже не могло быть, такъ какъ всякій знатный человѣкъ чрезъ это могъ только потерять, а не выиграть; теперь всякій, кто желалъ поддержать и возвысить свое родовое значеніе, долженъ былъ служить у князя, на его службѣ добиваться почета и значенія, служба же у архіерея была частною; правда, архіерей могъ давать служащему у него титулъ боярина, но этотъ титулъ имѣлъ смыслъ только при дворѣ архіерея и нисколько не возвышалъ государственнаго и общественнаго значенія получавшаго его. Такимъ образомъ прежнее равенство бояръ княжескихъ и архіерейскихъ совершенно уничтожилось, такъ что лицамъ болѣе или менѣе знатныхъ фамилій не было уже никакого интереса служить у архіереевъ, а это вело къ тому, что они оставляли архіереевъ и переходили на службу къ великому князю, отчего съ половины XV вѣка, даже при дворѣ митрополита, мы не встрѣчаемъ болѣе въ числѣ бояръ и вообще служилыхъ людей лицъ изъ скольконибудь знатныхъ и извѣстныхъ фамилій, — старыя служившія у нихъ фамиліи перешли на службу къ князю, новыхъ бояръ они — съ одной стороны — уже не могли принимать къ себѣ, съ другой стороны, тѣ и сами бы не пожелали служить у нихъ. Слѣдствіемъ всего этого было то, что съ половины XV вѣка число архіерейскихъ бояръ, сравнительно съ предшествующимъ вре-

менемъ, было очень ограничено; даже при дворѣ самого митрополита, вмѣсто прежняго множества бояръ, принадлежавшихъ къ разнымъ фамиліямъ, мы встрѣчаемъ только одинъ боярскій родъ *Өоминыхъ*, въ которомъ боярское званіе сдѣлалось наследственнымъ, такъ что бояре всегда избирались только изъ рода *Өоминыхъ* до самаго конца XVI вѣка, когда этотъ родъ прекратился и когда бояре къ архіереямъ стали назначаться самимъ царемъ. Наследственность боярскаго достоинства при дворѣ митрополита только въ родѣ *Өоминыхъ* подтверждается несомнѣнными данными. Когда св. Алексій сдѣлался митрополитомъ, то къ нему на службу поступилъ его родной братъ *Өеопанъ*, который и былъ при немъ бояриномъ. Сынъ *Өеопана*, *Степанъ*, племянникъ митрополита *Алексія*, былъ бояриномъ при митрополитѣ *Кипріанѣ* ¹⁾,—дѣти *Степана*—*Юрій* и *Данила* и внуки его, *Өедоръ* и *Василій Юрьевичи*, *Өома* и *Никита Даниловичи* были боярами при послѣдующихъ митрополитахъ ²⁾,— послѣднимъ бояриномъ изъ этого рода былъ *Иванъ Семеновичъ Өоминъ* (1550—1582 г.) ³⁾, съ нимъ прекратился родъ *Өоминыхъ*, по крайней мѣрѣ, мы уже не встрѣчаемъ этой фамиліи въ спискахъ патриаршихъ служилыхъ людей ⁴⁾. При этомъ не лишне замѣтить, что боярское достоинство было принадлежностію только рода, а не всѣхъ его членовъ,—только одни избранные носили боярское достоинство. Такъ, если мы встрѣчаемъ *Өоминыхъ* въ званіи митрополичьихъ бояръ въ теченіи двухъ столѣтій, то встрѣчаемъ также членовъ этой фамиліи и безъ боярскаго достоинства, исправляющими при дворѣ митрополита различныя, сравнительно низшія должности. Такъ одинъ сынъ *Василія Юрьевича Өомина* (внукъ *Өеопана*) *Некрась* былъ митрополичимъ тиуномъ ⁵⁾, другой—*Өедоръ Тиронъ*—митрополичимъ владимірскимъ намѣстникомъ ⁶⁾, *Семень Васильевъ*, сынъ *Василія Юрьевича*—дворецкимъ ⁷⁾, *Тимоѳей Кузьминъ Өоминъ* упоминается просто

1) А. И. I, № 215.

2) Снес: «родословная книга»—родъ Плещеевыхъ (Времен. кн. X, стр. 98. 100, 179, 260) и подписи служилыхъ митрополичьихъ людей на различныхъ грамотахъ (А. И. I, № 215. А. до Ю. б. I, № 69—I, II, III. № 147. IX, № 156—V и др.).

3) А. И. I, стр. 267.

4) Горчакова въ прилож. стр. 100—110.

5) А. до Ю. б. II, № 147—II.

6) А. до Ю. б. II, № 147—X.

7) Ibid. № 103—I.

какъ митрополичій сынъ боярскій ¹⁾ и пр. Очевидно, что какъ при княжескомъ московскомъ дворѣ званіе бояръ было по большей части наследственнымъ въ томъ смыслѣ, что въ бояре жаловались лица только извѣстныхъ, знатныхъ по своему происхожденію фамилій, и человекъ не знатному, не родовитому, это званіе было недоступно, такъ и у архіереевъ званіе бояръ обуславливалось не только тою или другою должностію при дворѣ, но и принадлежностію еще къ извѣстному роду, члены котораго по своему знатному происхожденію имѣли право на боярство. Менѣе знатныя фамиліи, поступавшія на службу къ митрополитамъ, какъ на примѣръ, *Сурмины*, *Рагозины*, *Мануйловы*, *Соболевы*, *Чертовы*, *Елдегины* и пр. ²⁾, не пользовались этимъ преимуществомъ,—членовъ этихъ фамилій мы никогда не встрѣчаемъ въ званіи митрополичьихъ бояръ, хотя они занимали иногда очень важныя и видныя должности при дворѣ митрополита, какова, на примѣръ, должность дворецкаго, и хотя они находились на службѣ у митрополитовъ въ теченіи двухъ столѣтій, каковы, на примѣръ, фамиліи *Рагозиныхъ* и *Сурминыхъ*. Наследственность боярскаго достоинства при митрополичемъ дворѣ въ извѣстныхъ родахъ, между прочимъ, доказывается и слѣдующими обстоятельствами: митрополитъ *Кипріанъ* въ уставной грамотѣ *Константиновскому* монастырю называетъ своего повара *Ивана бояриномъ* ³⁾, митр. *Іона* называетъ бояриномъ своего десятильника *Юрія* ⁴⁾, напротивъ, митрополичій дворецкій, *Юрій Григорьевичъ Мануйловъ* называется сыномъ боярскимъ ⁵⁾. Очевидно, еслибы званіе боярина при митрополичемъ дворѣ опредѣлялось только какою-либо должностію или службою, а не принадлежностію къ извѣстному боярскому роду, то гораздо естественнѣе было бы тогда назвать дворецкаго, какъ занимающаго одну изъ высшихъ должностей при дворѣ архіерея, бояриномъ; завѣдывающаго же страпнею или десятильнымъ сборомъ—дѣтьми боярскими, такъ какъ эти должности, сравнительно съ должностію дворецкаго, очень неважны и незначительны. Въ послѣдствіи стоглавый соборъ возвелъ въ обязательный для всѣхъ архіереевъ законъ то правило, чтобы архіерейскіе бояре избирались

1) А. до Ю. б. II, № 147—XV.

2) А. до Ю. б. I, № 147—I, II, V—IX и др.

3) А. Э. I, № II.

4) А. И. I, № 50.

5) А. до Ю. б. II, № 178—II.

всегда только изъ определенныхъ родовъ, которые по своему происхожденію пользовались этимъ правомъ; если же такихъ родовъ у архіереевъ не оказывалось, то они должны были обращаться къ царю, и тотъ давалъ имъ бояръ отъ себя. Такимъ образомъ, ко времени стоглаваго собора, боярскія фамиліи уже не поступали болѣе на службу къ архіереямъ, отъ чего званіе бояръ было наследственнымъ только въ извѣстныхъ определенныхъ родахъ, которые издавна служили архіереямъ и по своему происхожденію имѣли право на боярство; но такихъ боярскихъ родовъ у архіерея было очень немного, такъ что самъ митрополитъ принужденъ былъ избирать себѣ бояръ только изъ одного, оставшагося у него на службѣ боярскаго рода—*Оминыхъ*. По необходимости число бояръ при архіереяхъ сдѣлалось очень ограниченнымъ, вслѣдствіе чего имъ предоставлены были при дворѣ только самыя высшія, почетныя должности, хотя въ то же время служба ихъ была совершенно частною, не имѣвшею никакого государственнаго значенія; государство приравнивало ихъ, кажется, только къ дворянамъ, по крайней мѣрѣ *Василій Григорьевичъ Оминъ*, значащійся въ 1574 г. бояриномъ новгородскаго владыки ¹⁾, ранѣе, въ 1566 г., причисляется къ государственнымъ дворянамъ первой статьи ²⁾. Но во всякомъ случаѣ, до стоглаваго собора архіереи еще удерживали *de jure* за собою свое старинное право: самимъ выбирать себѣ бояръ изъ своихъ служилыхъ людей, руководствуясь въ этомъ случаѣ только собственнымъ усмотрѣніемъ, а также право увольнять ихъ отъ занимаемой должности и отъ службы у себя, — государство доселѣ не вмѣшивалось въ отношенія архіерея къ его боярамъ и вообще служилымъ людямъ, архіерей былъ полный, безконтрольный ихъ господинъ и распорядитель, дѣйствовалъ по отношенію къ нимъ вполне самостоятельно, никѣмъ отвнѣ не стѣняемый.

Со времени стоглаваго собора положеніе дѣлъ совершенно измѣнилось: у архіереевъ рѣшительно отнято было ихъ старинное право единоличнаго назначенія ихъ бояръ, послѣдніе избирались уже не архіереемъ и не изъ его служилыхъ людей, но царемъ и изъ царскихъ чиновниковъ. Очень важное въ этомъ отношеніи постановленіе стоглаваго собора было выражено въ слѣдующей формѣ: «да митрополиту жь, архіепископомъ и епископомъ

¹⁾ А. И. I, стр. 353.

²⁾ Собр. госуд. грам. и дог. I, № 192, стр. 550.

безъ царева вѣдома бояръ отъ себя и дворецкихъ не отсылати и въ тѣхъ мѣсто иныхъ не поставляти, кроме преже реченныхъ винъ; а котораго святителя изведутца бояре и дворецкіе, и имъ избирати отъ тѣхъ же родовъ, а не будетъ отъ тѣхъ родовъ, и имъ отъ иныхъ родовъ избирати, коемуждо ихъ, да обсылатися со царемъ; а повелитъ которымъ царь быти въ боярехъ и въ дворецкихъ, и святителемъ тѣхъ у себя и держати, а безъ царева вѣдома, однолично, бояръ и дворецкихъ не держати. А у которыхъ святителей изведутся бояре и дворецкіе, а отъ тѣхъ родовъ или отъ иныхъ родовъ, такихъ у нихъ не будетъ, которымъ пригоже въ тѣхъ мѣсто быти въ боярехъ и въ дворецкихъ: и имъ о томъ бити челомъ царю, чтобы государь пожаловалъ, избралъ у себя и далъ имъ, которымъ будетъ пригоже въ томъ чину быти; а безъ царева вѣдома, однолично, бояръ и дворецкихъ не поставляти» ¹⁾. Приведенное постановленіе стоглаваго собора объ архіерейскихъ боярахъ и дворецкихъ показываетъ, а) что до стоглаваго собора государство совершенно не вмѣшивалось въ отношенія архіерея къ его служилымъ людямъ, архіерей самъ избиралъ бояръ изъ своихъ служилыхъ людей, точно также по своему только личному усмотрѣнію отсылалъ ихъ отъ себя, если находилъ это почему нибудь нужнымъ, вслѣдствіе чего служба бояръ при архіереѣ была частною, не имѣвшею никакого государственнаго значенія; б) такъ какъ бояре избирались, то званіе боярина при архіерейскомъ дворѣ указывало на чинъ или должность, — каждый получалъ боярство, какъ чинъ, вмѣстѣ съ извѣстною должностію, — боярство, поэтому, служило обозначеніемъ чина и соединенной съ нимъ должности, а не сословія; в) у архіереевъ были цѣлые роды служилыхъ людей, но бояре избирались только изъ нѣкоторыхъ, которые, по своему происхожденію, имѣли на это право, такъ что боярское достоинство было наследственнымъ только въ извѣстныхъ родахъ. Впрочемъ, изъ того обстоятельства, что стоглавый соборъ предлагаетъ архіереямъ, вслучаѣ недостачи такихъ родовъ, изъ которыхъ бы можно было избирать бояръ, обращаться съ просьбою о боярахъ къ царю, уже достаточно видно, что этихъ родовъ на службѣ у архіереевъ въ то время почти вовсе не было, не исключая и самого митрополита; въ противномъ случаѣ, если бы такихъ служилыхъ родовъ у архіереевъ было дѣйствительно много, то и самое постановленіе собора просить у царя бояръ,

¹⁾ А. И. I, № 155 стр. 279 и 280.

если они изведутся у какого святителя, не имѣло бы никакого смысла, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности, въ виду того, что на службѣ у архіереевъ боярскихъ родовъ въ это время не было, приведенное постановленіе стоглава имѣло очень важное, практическое значеніе, что мы и увидимъ въ послѣдствіи.

Опредѣленія стоглаваго собора объ архіерейскихъ боярахъ совершенно измѣнили ихъ прежнія отношенія къ архіереямъ, и самые бояре сдѣлались далеко не тѣмъ, чѣмъ они были прежде. Теперь архіереи потеряли прежнее свое право только по своему личному усмотрѣнію распоряжаться своими боярами,—въ силу приведеннаго постановленія стоглаваго собора, они какъ при выборѣ своихъ бояръ, такъ и при ихъ увольненіи должны были предварительно снестись съ царемъ, который, конечно, всегда удерживалъ за собою право одобрить или неодобрить ихъ распоряженія и право назначать къ архіереямъ бояръ по своему усмотрѣнію, совершенно устраняя указанныхъ архіереями лицъ. Мало этого, архіереи закономъ обязывались теперь выбирать себѣ бояръ только изъ извѣстныхъ родовъ, которые имѣли на это право, а такъ какъ у архіереевъ такихъ родовъ въ дѣйствительности не было, или если и были, но царь съ своей стороны могъ находить неудобнымъ назначать изъ нихъ бояръ, то въ концѣ концовъ это постановленіе стоглаваго собора необходимо вело къ тому, что бояре къ архіереямъ назначались исключительно царемъ, прежніе, собственно архіерейскіе, бояре перестали существовать, а ихъ мѣсто заняли назначаемые царемъ чиновники, которые только считались архіерейскими боярами, а на самомъ дѣлѣ оставались царскими чиновниками и во всемъ зависѣли отъ царя. Въ этомъ случаѣ очень интересно свидѣтельство Флетчера, который говоритъ, что «владычные бояре» назначались на свои должности не епископами, а самими государемъ или его думой, и отчетъ въ своемъ управленіи они обязаны были давать не епископу, а свѣтской власти. Если епископъ получалъ позволеніе имѣть чиновниковъ по своему собственному выбору, то это считалось знакомъ особой царской милости ¹⁾. Дѣйствительно, послѣ стоглаваго собора архіерейскіе бояре назначались на свою должность не самими епископами, а царемъ. Правда, подобные случаи были и ранѣе стоглаваго собора, по крайней мѣрѣ мы знаемъ, что когда Макарій,

¹⁾ Рущинскаго: «Религіозный бытъ Русскихъ у иностранцевъ XVI и XVII вѣка». Чт. общ. ист. 1871 г. кн. III, стр. 148, 149.

въ послѣдствіи митрополитъ московскій, былъ посланъ въ Новгородъ на архіепископскую кафедру, то великій князь далъ ему своихъ бояръ ¹⁾. Но во всякомъ случаѣ эти назначенія бояръ къ архіереямъ отъ князя до стоглаваго собора были явленіемъ исключительнымъ и объяснялись какими нибудь чрезвычайными обстоятельствами, какъ въ данномъ, напримѣръ, случаѣ это объясняется особымъ враждебнымъ отношеніемъ тогдашняго Новгорода къ Москвѣ, что заставляло московское княжеское правительство всѣ, сколько нибудь важныя, должности въ Новгородѣ замѣщать москвичами и вообще лицами, несомнѣнно преданными интересамъ правительства. Напротивъ, послѣ стоглаваго собора назначеніе бояръ къ архіереямъ царемъ изъ его собственныхъ чиновниковъ стало общимъ, всегдашнимъ закономъ до уничтоженія самаго существованія свѣтскихъ архіерейскихъ чиновниковъ, такъ что съ этого времени названіе архіерейскій бояринъ указывало только на службу извѣстнаго лица у архіерея, но вовсе не опредѣляло его государственнаго положенія,—архіерейскій бояринъ, въ существѣ дѣла, былъ простымъ царскимъ чиновникомъ. Что архіерейскіе бояре со времени стоглаваго собора назначались царемъ изъ его служилыхъ людей, на это имѣются неоспоримыя данныя. Въ 1374 году новгородскій архіепископъ Леонидъ далъ своему боярину, Василию Григорьевичу Оомину, помѣстную грамоту на право пользоваться извѣстнымъ имѣніемъ. Въ концѣ этой грамоты сдѣлана слѣдующая приписка: «а дано то помѣстье Василию Григорьевичу на время, до тѣхъ мѣсть какъ его государь царь и великій князь пожалуетъ, здѣсь въ Великомъ Новгородѣ велитъ ему дать помѣстье и грамота жалованная взяти» ²⁾. Изъ этой приписки ясно видно, что бояринъ новгородскаго архіепископа былъ назначенъ къ нему царемъ изъ московскихъ дворянъ; тоже самое видно изъ двухъ другихъ грамотъ, въ которыхъ встрѣчается имя Василія Григорьевича Оомина и гдѣ онъ помѣщается въ числѣ дворянъ первой статьи ³⁾. О времени первыхъ патріарховъ въ «запискѣ о царскомъ дворцѣ, церковномъ чиновачалии, церковныхъ чинахъ» и проч. (1610—1613 г.) говорится очень ясно и опредѣленно: «а въ справедливости, въ духовныхъ дѣлѣхъ, судитъ его (патріаршій) бояринъ да дворецкой, да съ нимъ два дьяка и доносятъ дѣла

¹⁾ П. С. Р. Л. IV, стр. 296.

²⁾ А. Н. I, № 190.

³⁾ Собр. гос. грам. и догов. I, № 179, 192.

передъ него (патріарха), а казначей собираетъ и завѣдуетъ казну патріаршу; а дается бояринъ, дворецкой и дьяки отъ государя»¹⁾. Отвергнуть или заподозрить силу этого яснаго, прямого свидѣтельства рѣшительно нѣтъ никакихъ серьезныхъ оснований, — тѣмъ болѣе, что оно подтверждается другими, устраняющими всякія сомнѣнія данными: патріаршій дворецкій, засѣдавшій въ патріаршемъ дворцовомъ приказѣ, Иванъ Васильевичъ Биркинъ²⁾, встрѣчается сначала въ чинѣ ясельничаго³⁾, а потомъ въ чинѣ думнаго дворянина⁴⁾. Бояринъ Василій Ѳеодоровичъ Яновъ, засѣдавшій въ патріаршемъ судомъ приказѣ⁵⁾, былъ сначала ясельничимъ, а потомъ думнымъ дворяниномъ⁶⁾. Въ описаніи церемоніала шествія патріарха на ослати, въ вербное воскресенье, сказано: «а у ослати стояли патріаршъ бояринъ думной дворянинъ Михайло Ивановичъ Глѣбовъ»⁷⁾; послѣ Глѣбовъ значится въ числѣ окольничихъ⁸⁾. Патріаршій бояринъ Тимофей Петровичъ Савеловъ встрѣчается сначала въ чинѣ думнаго дворянина⁹⁾, а затѣмъ въ чинѣ окольничаго¹⁰⁾. Если мы находимъ такимъ образомъ патріаршихъ бояръ въ спискахъ государственныхъ чиновниковъ, можемъ показать относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ они повышались по лѣстницѣ государственныхъ чиновъ и именно въ качествѣ чисто государственныхъ чиновниковъ, хотя они и считались патріаршими боярами, то наоборотъ, въ спискѣ патріаршихъ служилыхъ людей¹¹⁾ мы вовсе не встрѣчаемъ фамилій: Янова, Савелова, Глѣбова, Нелединскаго и пр., — ясный знакъ, что они вовсе не причислялись къ патріаршимъ служилымъ людямъ, но занимая должность бояръ при патріархахъ, въ тоже время оставались по прежнему царскими чиновниками. Тоже самое подтверждается и слѣдующими двумя обстоятельствами. Въ уложеніи мы находимъ указанія на всѣ классы чиновъ, не исключая

1) А. И. II, № 355.

2) А. Э. III, №—176.

3) Древн. вивл.—ч. XX, стр. 95.

4) Ibid.—стр. 99.

5) А. Э. IV, № 323 и 324.

6) Древн. вивл. ч. XX, стр. 109.

7) Опис. госуд. разряд. арх. стр. 319.

8) Др. вивл. ч. XX, стр. 425.

9) А. до Ю. б. I, № 45.

10) Др. вивл. ч. XX, стр. 425.

11) См. списокъ патріаршихъ служилыхъ людей: Горчакова въ приложеніи.

архіерейскихъ служилыхъ людей, патріаршескіе дѣти боярскіе упоминаются даже съ указаніемъ трехъ степеней, на которыя они дѣлились, между тѣмъ объ архіерейскихъ боярахъ въ уложеніи вовсе не упоминается. Это, по видимому, странное игнорированіе государственнымъ законодательствомъ архіерейскихъ бояръ, невозможное, еслибы они составляли особый, самостоятельный классъ чиновъ, просто объясняется тѣмъ, что архіерейскіе бояре во время Уложенія были боярами только для архіерея, для государства же они были простыми обыкновенными его чиновниками, и потому оно не считало нужнымъ выдѣлять ихъ въ своемъ законодательствѣ, какъ особый классъ чиновъ и упоминать о нихъ отдѣльно отъ тѣхъ государственныхъ чиновъ, къ которымъ они причислялись. Если, напримѣръ, наносилось безчестіе патріаршему боярину, то плата за его безчестіе сообразовалась не съ его боярствомъ у патріарха, но съ его государственнымъ чиномъ, смотря потому, былъ ли онъ думный дворянинъ или окольничій. Точно также, встрѣчая различныя распоряженія Петра, которыми отбирались у архіереевъ ихъ служилые люди, мы вовсе не находимъ между ними ни одного законодательнаго акта относительно уничтоженія архіерейскихъ бояръ, конечно, опять потому, что архіерейскіе бояре не составляли въ то время особаго самостоятельнаго класса чиновниковъ, отдѣльнаго отъ государственныхъ чиновъ; царь прекратилъ назначеніе бояръ къ архіереямъ, и архіерейскіе бояре перестали существовать.

Такимъ образомъ со времени стоглаваго собора бояре къ архіереямъ назначались царемъ изъ его собственныхъ чиновниковъ, и ихъ служба у архіереевъ ставилась наравнѣ съ государственною. Обыкновенно патріаршіе бояре избирались изъ думныхъ дворянъ и нерѣдко послѣ службы у патріарха они получали слѣдующій высшій чинъ, именно производились въ окольничіе, какъ это было, напримѣръ, относительно патріаршихъ бояръ Глѣбова и Савелова. Древняя вивлюэика говоритъ: «патріаршіе бояре состояли одною степенью государевыхъ ниже, съ окольничими въ равномъ почтеніи, чего ради есть и примѣры, что одинъ человекъ могъ отправлять боярскую должность у патріарха и окольническую у государя въ одно время»¹⁾. Это мнѣніе древней вивлюэики, что патріаршіе бояре равнялись царскимъ окольничимъ, трудно признать справедливымъ, потому что мы всегда встрѣчаемъ патріаршихъ бояръ не иначе, какъ

1) Др. вивл. ч. XX, стр. 133.

только въ чинѣ думныхъ дворянъ, и ни разу—въ чинѣ окольниковъ. Кажется, что мнѣніе древней вивлюенки явилось вслѣдствіе того, что при патриархѣ Никонѣ бояриномъ былъ Никита Алексѣевичъ Зюзинъ ¹⁾, что окольниковъ и потомъ бояринъ Хилковъ былъ предсѣдателемъ въ патриаршемъ приказѣ. Но заключать отсюда, что патриаршіе бояре были только одною степеню ниже царскихъ было бы въ высшей мѣрѣ ошибочно, ибо въ первомъ указанномъ случаѣ царь только хотѣлъ почтить уважаемаго и любимаго имъ патриарха назначеніемъ къ нему въ бояре своего окольника, хотѣлъ этимъ выразить ему свое особое уваженіе и почтеніе. Что же касается Хилкова и другихъ, завѣдывавшихъ въ патриаршихъ приказахъ, царскихъ бояръ, то они играли въ этомъ случаѣ ту же роль, что и нынѣшній оберъ-прокуроръ при Святѣйшемъ Синодѣ,— это были царскіе представители при церковномъ управленіи, и они вовсе не считались патриаршими боярами. Гораздо справедливѣе, кажется, будетъ думать такъ, что патриаршіе бояре были всегда не выше думныхъ дворянъ и что болѣе знатные изъ нихъ, послѣ службы у патриарха въ боярахъ, жаловались иногда и въ царскіе окольные, въ чемъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, по крайней мѣрѣ совершенно аналогичное этому явленію мы видимъ относительно патриаршихъ стольниковъ. Въ книгѣ «о старинныхъ степеняхъ чиновъ въ Россіи» читаемъ: «патриархи такъ же наизнатѣйшихъ родовъ людей въ стольники жаловали, такъ какъ въ 138-мъ году, іюня 24 числа, пожалованъ былъ въ стольники къ Филарету Никитичу князь Никита Ивановичъ Лобановъ. Изъ стольниковъ же патриаршихъ не одинаково производились: одни жаловались прямо въ стольники къ государю, какъ сіе видно по пожалованію изъ патриаршихъ стольниковъ въ стольники государевы въ 138-мъ году, Декабря 25 числа, князя Нефеда Ивановича Щербатова; другіе же были жалованы въ стряпчіе государевы, яко въ 142 году, изъ патриаршихъ стольниковъ пожалованъ былъ въ стряпчіе князь Михайло Васильевичъ Вяземскій». Такимъ образомъ, какъ изъ патриаршихъ стольниковъ производились или въ царскіе стольники, или въ стряпчіе, смотря по фамильной знатности производимаго лица, по тому общественному положенію, какое занимаетъ его фамилія, такъ и изъ патриаршихъ бояръ могли производиться иногда въ царскіе окольные, если только патриаршій бояринъ, по своему происхожде-

¹⁾ Повсѣдн. дворц. зап. ч. 2, стр. 168.

нію и общественному положенію своей фамиліи, имѣлъ право на этотъ чинъ, при чемъ сдѣлавшись царскимъ окольниковымъ, онъ уже оставлялъ службу у патриарха, по крайней мѣрѣ, мы не знаемъ ни одного случая, когда патриаршій бояринъ засѣдавшій въ какомъ нибудь приказѣ, въ то же время значился бы царскимъ окольниковымъ, обыкновенно они называются думными дворянами во всѣхъ дошедшихъ до насъ грамотахъ. Понятно само собою, что если къ патриархамъ бояре назначались изъ думныхъ дворянъ, то къ простымъ архіереямъ они вѣроятно назначались просто изъ дворянъ того города, гдѣ жилъ архіерей,— конечно эти бояре архіереевъ никогда не дослуживались и чина думныхъ дворянъ, такъ что въ лѣстницѣ государственныхъ чиновъ они занимали очень не высокое положеніе и принадлежали конечно къ людямъ не особенно знатнымъ и родовитымъ. Къ сожалѣнію, объ архіерейскихъ боярахъ, кромѣ патриаршихъ, за это время, мы не имѣемъ рѣшительно никакихъ свѣдѣній и можемъ составить о нихъ нѣкоторое представленіе, за отсутствіемъ всякихъ положительныхъ данныхъ, единственно только на основаніи аналогіи съ патриаршими боярами.

Мы знаемъ, что устройство княжескаго двора въ древнее время было сравнительно просто и не сложно, что тѣ многочисленныя должности и чины, которые существовали при московскихъ великихъ князьяхъ и потомъ царяхъ, явились уже въ позднѣйшее время, что еще при вступленіи на престолъ Іоанна III при великокняжескомъ дворѣ было только три боярина, два дворецкихъ и одинъ окольниковъ, такъ что все управленіе княжествомъ производилось при посредствѣ этихъ не многихъ лицъ, почему точнаго и дробнаго разграниченія должностей и обязанностей при дворѣ въ то время не могло быть. Понятно, что у архіереевъ, которые при устройствѣ своего двора и придворныхъ должностей брали за образецъ княжескій дворъ, не было еще въ то время служилыхъ лицъ съ опредѣленными и постоянными должностями, не было того многочисленнаго и разнообразнаго придворнаго штата, который явился у нихъ въ послѣдствіи. Только съ теченіемъ времени, мало по малу, изъ первоначально необходимо широкаго и въ тоже время неопредѣленнаго и запутаннаго круга дѣятельности, по мѣрѣ выработки болѣе устойчивыхъ отношеній и обязанностей, по мѣрѣ формировація при архіерейскихъ дворахъ постоянныхъ, опредѣленныхъ должностей, за архіерейскими боярами были приурочены опредѣленные, болѣе или менѣе постоянно одинаковыя должности и обязанности,

которыя за небольшими измѣненіями остались за ними до послѣдняго времени ихъ существованія. Обращаясь къ древнѣйшимъ свѣдѣніямъ, какія сохранились объ архіерейскихъ боярахъ и которыя бы разъяснили намъ ихъ службу у архіереевъ въ первое время ихъ существованія, мы должны замѣтить, что эти свѣдѣнія кромѣ того, что очень скудны и относятся уже къ позднѣйшему времени (къ концу второй половины XIV и къ XV вѣку), но случайно упоминая о боярахъ, они почти совсѣмъ ничего не говорятъ, въ чемъ именно состояла служба бояръ при архіереяхъ до конца XV и начала XVI вѣка. Чтобы сколько нибудь уяснить себѣ служебное значеніе архіерейскихъ бояръ до конца XV вѣка, мы и приведемъ всѣ тѣ данныя, которыя только говорятъ о нихъ за это время. Лѣтописецъ, говоря о Митяѣ, что онъ до посвященія занялъ уже митрополичій домъ, замѣчаетъ «и бояре митрополичичи служахуть ему»¹⁾, не объясняя этого общаго неопредѣленнаго выраженія «служахуть ему» конечно, между прочимъ, и потому, что точнѣе опредѣлить службу митрополичихъ бояръ того времени было и нельзя. Митрополитъ Кипріанъ посылалъ своего боярина звать новгородскаго архіепископа въ Москву, въ другой разъ присылалъ въ Новгородъ своего боярина Дмитрока просить у новгородцевъ серебра²⁾; митрополитъ Фотій по смерти великаго князя Василя Дмитріевича посылалъ къ его брату Юрію въ Звенигородъ звать его въ Москву своего боярина Акиноа Слебятева³⁾. Изъ приведенныхъ свидѣтельствъ видно, что архіерейскіе бояре посылались въ древнѣйшее время архіереями съ различными частными порученіями и исполняли слѣдовательно тѣ обязанности, которыя впослѣдствіи лежали исключительно на дѣтяхъ боярскихъ. Въ уставной грамотѣ митрополита Кипріана Константиновскому монастырю 1391 г. сказано: «и потомъ азъ Кипріанъ митрополитъ всея Руси въспросилъ есмь въ Володимери своихъ бояръ, того монастыря пошлннъ и о яловицѣ о праздничной Михаила Бирѣва, Юрья Протопопина, Ивана своего повара»⁴⁾. Изъ того факта, что митрополитъ дѣлаетъ своимъ боярамъ, живущимъ во Владимірѣ, запросъ, какія подати Константиновскій монастырь платилъ прежде митрополиту, само собою слѣдуетъ, что эти бо-

¹⁾ П. С. Р. Л. VIII, стр. 29.

²⁾ П. С. Р. Л. III, стр. 98. IV, стр. 100.

³⁾ Ник. лѣт V, стр. 82.

⁴⁾ А. Э. I, № 11.

яре завѣдывали сборомъ митрополичихъ пошлннъ съ духовенства, почему митрополитъ и обратился къ нимъ за рѣшеніемъ спорнаго вопроса о пошлинахъ¹⁾. О боярахъ, какъ сборщикахъ податей, или десятильникамихъ, говоритъ еще одна позднѣйшая грамота, именно посланіе митрополита Юны къ верейскому князю Михаилу Андреевичу (послѣ 1450 г.), съ жалобой на вышгородскихъ жителей, которые, вкупѣ съ мѣстнымъ духовенствомъ, поколотили митрополичьяго десятильника, боярина и конюшаго Юрія и сопровождавшихъ его дворянъ²⁾. Съ конца XV вѣка мы уже не встрѣчаемъ болѣе бояръ въ качествѣ сборщиковъ податей или десятильниковъ,—на эти должности съ этого времени стали назначаться исключительно дѣти боярскіе. Изъ уставной грамоты вел. кн. Василя Дмитріевича съ митр. Кипріаномъ мы видимъ, что бояре отправляли военную повинность съ архіерейскихъ земель, что они обязаны были по призыву князя являться на войну, тѣ, которые служили при митрополитѣ Алексѣѣ, подъ предводительствомъ митрополичьяго воеводы, а которые вновь поступили къ митрополиту,—подъ предводительствомъ княжескихъ воеводъ, сообразно тому, гдѣ кто изъ митрополичьихъ бояръ жилъ. Но со второй половины XV вѣка митрополичьи бояре уже не требовались на войну, военная повинность съ митрополичьихъ земель исправлялась дѣтьми боярскими. Точно также мы уже не встрѣчаемъ болѣе митрополичьяго воеводы, который бы предводительствовалъ митрополичьимъ полкомъ и о которомъ упоминаетъ уставная грамота вел. кн. Василя Дмитріевича съ митроп. Кипріаномъ. Въ жалованной грамотѣ ростовскаго архіепископа Вассіана Кириллову монастырю связано: «а будетъ дѣло духовное и игуменъ того пообискавъ да пошлетъ ко мнѣ, а пожаловалъ есмь своимъ бояры, Некрасомъ Ивановымъ сыномъ, да Семеномъ Кузьминимъ сыномъ, да Иваномъ старцемъ Баскаковымъ» (1468 г.)³⁾. Въ первой грамотѣ митр. Зосимы 1472 г. Константиновскому Владимір-

¹⁾ Изъ приведеннаго свидѣтельства видно также, тогда какъ послѣ митрополичичи бояре жили только въ Москвѣ при особѣ митрополита, составляя его постоянную канцелярію, въ XIV и XV вѣкѣ они жили и въ другихъ городахъ; это подтверждаетъ и уставная грамота в. к. Василя Дмитріевича съ митроп. Кипріаномъ (А. Э. I, № 9), что конечно объясняется характеромъ тогдашнихъ обязанностей бояръ, не похожимъ на характеръ ихъ обязанностей въ послѣдующее время.

²⁾ А. И. I, стр. 98.

³⁾ А. Э. I, № 85.

скому монастырю, по тяжбѣ архимандрита монастыря съ Костею и Неклюдомъ Щербиннымъ, за двѣ деревеньки, послѣ описанія митрополичьяго суда сказано: «а тогда у господина у митрополита были его бояре Федоръ Юрьевичъ, да Никита Даниловичъ, да дворецкой Кузьма» ¹⁾. Въ записи о ржевской дани, платимой великимъ князьямъ московскому и литовскому, также новгородскому владыкѣ и тамошнимъ боярамъ послѣ 1479 года, между прочимъ, говорится: «а теперь владычины бояре во Ржевѣ, по тымъ жеребьямъ судятъ и рядятъ, и гроши берутъ на комъ што хочаши. . . а того здавна не было, что владычнымъ бояромъ ѣздити по тымъ жеребьямъ много, нежли только одинову посыльникъ ѣздитъ потымъ варомъ пивнымъ» ²⁾ и проч. Выдержки изъ приведенныхъ грамотъ показываютъ, что еще въ XV вѣкѣ одною изъ существенныхъ обязанностей архіерейскихъ бояръ было отправление суда по порученію архіерея и не только надъ лицами свѣтскими, но и надъ духовными, по дѣламъ гражданскимъ. Когда именно за архіерейскими боярами усвоено было право суда надъ духовенствомъ, рѣшительно неизвѣстно, но несомнѣнно, что гораздо ранѣе второй половины XV вѣка, когда это является уже дѣломъ обычнымъ, вполне установленнымъ. Относительно того обстоятельства, что боярамъ предоставляется грамотою право судить братію монастыря и въ дѣлахъ духовныхъ нужно замѣтить, что это еще не значить, чтобы архіерейскіе бояре судили духовенство и въ чисто духовныхъ дѣлахъ. Смыслъ пожалованія монастыря боярами былъ тотъ, что пожалованный игуменъ и братія освобождались отъ вѣдомства и суда всѣхъ другихъ архіерейскихъ чиновниковъ, но во всѣхъ дѣлахъ должны обращаться къ извѣстнымъ боярамъ, которые разслѣдывали данное дѣло и представляли его на окончательное рѣшеніе архіерея. Изъ всѣхъ приведенныхъ свидѣтельствъ объ обязанностяхъ и службѣ бояръ у архіереевъ до конца XV вѣка видно, что въ то время бояре занимали у архіереевъ всѣ служебныя должности, какія въ то время могли существовать при архіерейскомъ дворѣ: они исполняли тѣ или другія частныя порученія архіерея, собирали архіерейскія пошлины съ духовенства или были десятильниками, присутствовали на судѣ митрополита или по его назначенію были судьями временными, поставленными для извѣстной мѣстности и извѣстныхъ лицъ, отправляли воен-

¹⁾ Горчакова, прил. № 4, II.

²⁾ Ак. зап. Р. 1, № 71.

ную повинность съ архіерейскихъ земель, словомъ — всѣ служебныя обязанности какъ самыя высшія, такъ и самыя низшія, какова должность сборщика податей, до второй половины XV вѣка исполнялись архіерейскими боярами.

Съ XV вѣка, когда произошло раздѣленіе бояръ на бояръ собственно и дѣтей боярскихъ, и когда число ихъ при архіерейскихъ дворахъ сдѣлалось очень ограниченнымъ, они стали занимать только самыя высшія должности, на всѣ же низшія должности стали назначаться дѣти боярскіе. Изъ обширнаго первоначально и разнообразнаго круга обязанностей бояръ за ними оставлена была одна важнѣйшая обязанность: постоянно находиться при архіереѣ, разбирать и рѣшать, по указанію архіерея, всѣ дѣла, которыя поступали къ нему, помимо низшихъ инстанцій. Конечно такое разграниченіе должностей при архіерейскомъ дворѣ совершалось не вдругъ, а постепенно; только съ теченіемъ времени за боярами все болѣе и болѣе постоянно стали пріурочивать обязанности судей, съ оставленіемъ всѣхъ другихъ обязанностей, которыя возлагались на нихъ прежде. Собственно со всею ясностію и опредѣленною судныя обязанности бояръ въ первый разъ были высказаны въ половинѣ XVI вѣка стоглавнымъ соборомъ, и только съ этого времени мы встрѣчаемъ ихъ всегда уже исключительно въ качествѣ судей. Стоглавый соборъ, желавшій ввести во все церковное управление порядокъ болѣе строгій и болѣе соответствующій канонамъ, нежели какой былъ прежде, особенно занялся вопросомъ о святительскомъ судѣ, хотѣлъ внести сюда болѣе опредѣленность и отчетность, нежели какія были прежде. Соборъ прежде всего настаиваетъ, чтобы всѣ духовныя лица во всѣхъ, собственно духовныхъ, дѣлахъ были всегда судимы духовными же лицами, такъ чтобы свѣтскія лица даже и не присутствовали на этомъ судѣ: «а бояре митрополичы въ томъ судѣ у святителей не сидятъ, развѣ писарей, кому тѣ дѣла записывати. . . А царевымъ бояромъ и дворецкимъ, и митрополичьимъ бояромъ и архіепископимъ и епископимъ, архимандритовъ, и игуменовъ, и игуменей, и строителей не въ которыхъ дѣлѣхъ не судити, а судятъ ихъ святители сами по священнымъ правиламъ» ¹⁾. Чтобы лучше понять настойчивость, съ какою соборъ требуетъ, чтобы духовные въ духовныхъ дѣлахъ судились непременно духовными же, нелишне припомнить здѣсь вышеприведенное извлеченіе

¹⁾ А. И. I, № 155, стр. 273 и 274.

изъ грамоты ростовскаго архіепископа Вассіана Кириллову монастырю, гдѣ епископъ судъ надъ братією и игуменомъ въ духовныхъ дѣлахъ поручаетъ своимъ боярамъ. Кромѣ того, самая настойчивость, съ которою соборъ требуетъ, чтобы духовныя лица въ духовныхъ дѣлахъ никакимъ образомъ не судились свѣтскими лицами, чтобы послѣднія даже и не присутствовали на этомъ судѣ, показываетъ, что до собора положеніе дѣлъ въ этомъ отношеніи было нѣсколько иное, иначе къ чему такая настойчивость соборныхъ постановленій? Впрочемъ, устранивъ архіерейскихъ бояръ отъ суда надъ духовенствомъ въ духовныхъ дѣлахъ, соборъ въ то же время отдастъ въ руки бояръ всѣ судебныя дѣла духовенства по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ, подлежащимъ архіерейской юрисдикціи: «а по ряднымъ грамотамъ и по духовнымъ, и по кабаламъ, и въ поклажахъ, и боѣхъ, и въ грабежѣхъ и въ прочихъ во всякихъ дѣлѣхъ, опричь духовныхъ дѣлъ, поповъ и діаконовъ и всѣхъ причетниковъ и мірскихъ людей, повелѣваютъ святители бояромъ своимъ судити»¹⁾. Такимъ образомъ, по мысли стоглаваго собора, при архіереяхъ должно было образоваться два судебныхъ отдѣленія: первое должно было состоять исключительно изъ духовныхъ лицъ; здѣсь судъ давалъ или самъ митрополитъ (въ митрополіи) или, когда ему «не поможется», «владыка сарскій и подонскій», бояре и вообще свѣтскія лица не могли присутствовать при засѣданіяхъ этого суда «развѣ писарей кому тѣ дѣла записывати». Отдѣленіе давало судъ и расправу всему духовенству по дѣламъ исключительно духовнымъ. Въ другомъ отдѣленіи судьи были свѣтскіе—архіерейскіе бояре, суду которыхъ подлежали какъ духовныя лица по всѣмъ гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ, такъ и всѣ лица свѣтскія по всѣмъ дѣламъ, которыя предоставлены были тогдашнимъ законодательствомъ суду церкви. А такъ какъ судъ архіерейскихъ бояръ не отличался обыкновенно особымъ безпристрастіемъ и справедливостію, то соборъ постановилъ: «у бояръ въ судѣ сидѣти старостамъ поповскимъ, и пятидесяцкимъ и десятскимъ, по недѣлямъ, по два или по три, да грацкымъ старостамъ и цѣловальникомъ, да земскому діаку, которымъ царь и государь прикажетъ». Всѣмъ этимъ лицамъ повелѣвается соборомъ имѣть съ судныхъ дѣлъ «противни» и прикладывать къ нимъ свои руки такъ, чтобы засвидѣтельствованный подписью всѣхъ быв-

¹⁾ А. И. I, № 155, стр. 274.

шихъ на судѣ и подписью дьяка судный списокъ, въ одномъ экземплярѣ, хранился у бояръ, производившихъ судъ, въ другомъ у цѣловальниковъ, присутствовавшихъ на этомъ судѣ, а хранился бы у дьяка въ ларцѣ, за боярскими печатями, «доколѣ тѣ судные списки бояре передъ святителемъ положить и обоихъ истцовъ предъ нимъ поставятъ». Только послѣ того какъ святители получаютъ отъ обихъ истцовъ утвердительный отвѣтъ, что судъ имъ дѣйствительно былъ таковъ, какъ онъ записанъ въ представленныхъ спискахъ, святители повелѣваютъ боярамъ произнести тотъ или другой рѣшительный приговоръ по дѣлу¹⁾. Такимъ образомъ стоглавый соборъ а) рѣшительно опредѣлилъ кругъ дѣятельности архіерейскихъ бояръ, какъ постоянныхъ судей при архіереѣ; б) онъ изъяслялъ изъ ихъ подсудности всѣ духовныя лица по всѣмъ духовнымъ дѣламъ, что прежде, какъ можно думать, не строго соблюдалось; в) онъ старался ограничить произволъ и злоупотребленія боярскаго суда тѣмъ, что ввелъ въ ихъ судъ депутатовъ отъ духовенства и земства, безъ которыхъ судъ не могъ состояться, и которые, присутствуя на судѣ, наблюдали за правильностію судопроизводства боярами; кромѣ того соборъ настоятельно заповѣдуетъ святителямъ надъ своими бояры, и дворецкимъ и дьяки «бречи накрѣпко», чтобы у нихъ судъ былъ праведенъ, безо всякіе хитрости и коварства и всякаго лихоимства, и продажи и волокиты безмѣрныя, въ противномъ случаѣ онъ повелѣваетъ архіереямъ лишать своихъ бояръ ихъ достоинства и отсылать отъ себя²⁾; д) соборъ признаетъ за боярами только право судебного разбирательства извѣстнаго дѣла, поставятъ же окончательно приговоръ они не могли, а обязаны были всѣ дѣла на окончательное рѣшеніе представлять самимъ архіереямъ, и только послѣ того какъ послѣдній находилъ ихъ судъ правильнымъ, бояре, по его указанію, произносили рѣшительный приговоръ. Согласно постановленіямъ стоглаваго собора о святительскомъ судѣ, на архіерейскихъ бояръ съ этого времени уже не возлагались никакія другія служебныя обязанности и должности, кромѣ судныхъ; они теперь постоянно жили при архіереѣ, составляли при немъ судное отдѣленіе по всѣмъ дѣламъ, подлежащимъ архіерейской юрисдикціи; у нихъ хранились различные архіерейскіе указы и распоряженія по различнымъ дѣламъ управления; къ нимъ, а не къ архі-

¹⁾ А. И. I, № 155, стр. 275.

²⁾ — стр. 279.

ерею непосредственно, обращались царскіе приказы съ своими памятми по тѣмъ или другимъ вопросамъ ¹⁾. Со времени стоглаваго собора архіерейскіе бояре встрѣчаются во всѣхъ актахъ не иначе, какъ только въ качествѣ судей, но замѣчательно, ни одинъ актъ не дѣлаетъ даже и намека на то, чтобы на судѣ у бояръ присутствовали выборные отъ духовенства и земства, какъ того требовалъ стоглавый соборъ; очевидно, что это послѣднее постановленіе собора такъ и осталось на бумагѣ и вовсе не прилагалось на практикѣ,—бояре по прежнему продолжали судить одиночно или вмѣстѣ съ дьяками ²⁾. Со времени учрежденія въ Россіи патріаршества положеніе дѣлъ относительно бояръ ни сколько не измѣнилось, они и при патріархахъ по прежнему продолжали завѣдывать епархіальнымъ судомъ. Въ «запискѣ о царскомъ дворѣ, церковномъ чинопочинѣ, придворныхъ чинахъ, приказахъ» и пр. (1610—1613 г.) говорится, что патріархъ творилъ судъ и расправу при посредствѣ боярина, дворецкаго и двухъ дьяковъ. Со времени же учрежденія патр. Филаретомъ, такъ называемыхъ, патріаршихъ приказовъ, которые завѣдывали всѣмъ епархіальнымъ архіерейскимъ управленіемъ, бояре были въ нихъ судьями, и такимъ образомъ отъ нихъ, главнымъ образомъ, зависѣло производство и отчасти самое рѣшеніе всѣхъ епархіальныхъ дѣлъ, поступавшихъ въ приказъ; впрочемъ, о боярахъ, какъ судьяхъ архіерейскихъ приказовъ, мы скажемъ подробнѣе ниже ³⁾. Такимъ образомъ, съ конца XV и начала

¹⁾ Лѣта 7069 марта въ 14 день, память митрополичьимъ бояромъ Ивану Семеновичу Фомину съ товарищы: велѣти имъ выписати изъ митрополичья указу: которые люди кладутъ въ судѣ духовныя, дѣти отцовъ своихъ, а иные матерей своихъ и пр. И митрополичи бояре, того жъ дни, отписали на тойже памяти на задѣ, за приписью дьяка Никиты Парфеніева и пр. (А. И. 1, № 154, стр. 267 и 268).

²⁾ Въ тарханной грамотѣ новгородскаго архіепископа Сяндомской пустыни 1577 г. сказано: «а случится тому строителю или игумену съ братією, и ихъ слугамъ искати въ Новгородѣ передъ нашимъ бояриномъ и предъ дьяки... и бояринъ нашъ и дьяки ихъ судятъ (А. И. 1, стр. 362). Въ царской жалованной грамотѣ суздальскому епископу Варлааму 1578 г. сказано: «а случится судъ смѣстной епископскимъ дѣтемъ боярскимъ или крестьяномъ съ городскими и волостными, и наши намѣстники Суздальскіе и Володимірскіе и Московскаго уѣзда судятъ, а епискупель бояринъ да дьякъ, или епискупель приказщикъ, съ ними же судятъ (А. И. 1, стр. 367). Точно такъ же и во всѣхъ другихъ грамотахъ бояре всегда являются какъ судьи вмѣстѣ съ дьяками, и не въ одной грамотѣ ни разу не говорится, чтобы на судѣ бояръ присутствовали выборные отъ духовенства и земства.

³⁾ См. «патріашіе приказы».

XVI вѣка, изъ круга всѣхъ другихъ обязанностей и должностей, при дворѣ архіерея по своей важности и обширности круга дѣятельности, стала выдѣляться должность архіерейскихъ судей, которая постепенно и была усвоена исключительно за боярами. Соборъ 1551 года образовалъ изъ бояръ судное отдѣленіе, которое должно было постоянно находиться при архіереѣ и подъ его высшимъ надзоромъ, давать судъ и расправу лицамъ духовнымъ и мірскимъ по предметамъ, указаннымъ самимъ соборомъ. Съ этого времени бояре уже всегда являются только въ качествѣ судей при архіереяхъ и мы не видимъ въ ихъ правахъ и обязанностяхъ никакого замѣтнаго измѣненія до самаго учрежденія приказовъ патріархомъ Филаретомъ.

Изъ всего сказаннаго нами объ обязанностяхъ и родѣ службы архіерейскихъ бояръ само собою понятнымъ становится, какую важную, видную роль они играли во всемъ архіерейскомъ управленіи;—всѣ дѣла, какія были только подвѣдомственны архіерею, иногда не исключая и чисто духовныхъ, проходили чрезъ ихъ руки, ибо самимъ архіереемъ произносился только окончательный приговоръ. Какъ ближайшіе непосредственные совѣтники и помощники архіерея, какъ производители всѣхъ дѣлъ, бояре необходимо имѣли большое вліяніе на характеръ архіерейскихъ рѣшеній дѣлъ, а чрезъ это и на все вообще архіерейское епархіальное управленіе. Интересно, въ этомъ отношеніи, свидѣтельство Флетчера о значеніи архіерейскихъ бояръ въ епархіальномъ управленіи. По словамъ Флетчера, для управленія различными дѣлами, подвѣдомными церковному суду, у всѣхъ епископовъ были чиновники и комиссары, которые назывались Владычные бояре; они были міряне и, считаясь на равнѣ съ воеводами или благородными, управляли архіерейскимъ дворомъ и завѣдывали судомъ. Описывая характеръ управленія этихъ чиновниковъ, Флетчеръ замѣчаетъ, что они, не довольствуясь угнетеніемъ народа, еще злобствовали надъ священниками и дѣйствовали по отношенію къ нимъ точно также, какъ воевода и дьяки дѣйствовали по отношенію къ простому народу въ своихъ областяхъ. Въ виду дѣйствій этихъ чиновниковъ даже епископы не имѣли власти рѣшать самостоятельно дѣла, которыя поступали на ихъ судъ. Такъ, если бы епископъ захотѣлъ смягчить какое нибудь рѣшеніе, то онъ долженъ былъ предварительно предложить это на разсмотрѣніе своимъ чиновникамъ. Такое положеніе дѣла, по замѣчанію Флетчера, было слѣдствіемъ того, что эти чиновники назначались не епископами, а самимъ госуда-

ремь, или его Думой, и они обязаны были давать отчетъ въ своемъ управленіи не епископу, а свѣтской власти. Если епископъ получалъ позволеніе имѣть чиновниковъ по своему собственному выбору, то это считалось знакомъ особенной царской милости ¹⁾. Хотя Флетчеръ и очень преувеличиваетъ значеніе бояръ въ архіерейскомъ епархіальномъ управленіи, а его слова объ отношеніи бояръ къ архіереямъ рѣшительно не вѣрны и противорѣчатъ всѣмъ историческимъ даннымъ; однако его свидѣтельство важно какъ выраженіе того взгляда, что бояре при архіереяхъ играли очень видную и замѣтную роль, такъ что обращали даже на себя вниманіе тѣхъ иностранцевъ, которые всматривались въ складъ русской жизни. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что московское правительство еще очень рано хорошо поняло то важное значеніе, какое бояре имѣли во всемъ епархіальномъ архіерейскомъ управленіи, почему оно постаралось поставить бояръ въ нѣкоторую зависимость отъ свѣтской власти. Когда Макарій былъ посланъ въ Новгородъ на архіепископскую кафедру, то великій князь далъ ему своихъ бояръ, которые должны были замѣнить собою прежнихъ бояръ новгородскаго архіепископа, новгородцевъ по происхожденію и симпатіямъ. Смыслъ подобнаго распоряженія московскаго правительства понятенъ: оно хорошо знало, что бояре по самому своему положенію и обязанностямъ имѣютъ большое вліяніе какъ на самую личность архіерея, такъ и на все управленіе имъ епархіи. Поэтому, если бы оставить епископа окруженнымъ боярами—новгородцами, враждебными Москвѣ, еще не забывшими политической и церковной независимости Новгорода, то трудно было бы ожидать, чтобы ихъ вліяніе на личность архіепископа и на всю его правительственную дѣятельность было для Москвы благоприятнымъ, а потому правительство и позаботилось дать архіепископу бояръ—москвичей, которые бы во всемъ были преданы Москвѣ и чтобы такимъ образомъ съ Макаріемъ не повторилось исторіи Сергія и Серапіона. Іоаннь Грозный, при разгромѣ Новгорода, арестовалъ, а потомъ мучилъ владычныхъ бояръ ²⁾, онъ же, по низверженіи св. Филиппа митрополита, по свидѣтельству Курбскаго, мучилъ и убивалъ бояръ этого святителя ³⁾,

¹⁾ Руцинскаго: религіозный бытъ Русскихъ у иностранцевъ XVI и XVII в. Чт. общ. ист. и древн. 1871 г. кн. III, стр. 148, 149.

²⁾ П. С. Р. Л. III, стр. 253.

³⁾ Т. I, стр. 160.

конечно потому, что онъ считалъ ихъ людьми близкими іерархамъ, вліявшими на нихъ и все ихъ дѣйствія. На столговомъ соборѣ правительсто, въ сознаниі важности положенія и обязанностей бояръ въ сферѣ архіерейскаго управленія, прямо и рѣшительно высказало стремленіе подчинить архіерейскихъ бояръ своему контролю, потребовало отъ архіеревъ, чтобы они сносились съ нимъ при выборѣ своихъ бояръ и при ихъ увольненіи отъ занимаемой ими должности, при чемъ царь, конечно, всегда удерживалъ за собою право утверждать или не утверждать выборъ и увольненіе извѣстнаго архіерейскаго боярина, или на мѣсто уволеннаго лица назначить собственнаго чиновника. Послѣднее уже несомнѣнно существовало во времена патріаршества, когда цари рѣшительно присвоили себѣ право назначать патріархамъ въ бояре своихъ собственныхъ чиновниковъ, которые, предѣдательствуя въ патріаршихъ приказахъ и удерживая такимъ образомъ въ своихъ рукахъ патріаршее епархіальное управленіе, въ тоже время не переставали быть царскими чиновниками. Очевидно, что московское правительство воспользовалось архіерейскими боярами для того, чтобы имѣть постоянное вліяніе на все архіерейское управленіе и даже контролировать его. Бояринъ назначался къ архіерею царемъ изъ его чиновниковъ и имъ же увольнялся отъ должности; слѣдовательно, находясь на службѣ у архіерея, бояринъ, въ тоже время, всегда считалъ своимъ начальникомъ не архіерея, а царя, онъ зависѣлъ во всемъ отъ послѣдняго, а не отъ архіерея, потому, естественно, во всей своей дѣятельности имѣлъ болѣе въ виду угодить свѣтскому правительству, а не духовному. При столкновеніи интересовъ государственныхъ и церковныхъ, онъ конечно всегда охотнѣе жертвовалъ послѣдними въ пользу первыхъ. Очень вѣроятно, что вступая въ должность архіерейскаго боярина, царскій чиновникъ получалъ, конечно не гласно, отъ свѣтской высшей власти инструкціи для своей дѣятельности, указанія, какъ онъ долженъ вести себя относительно архіерея, какъ долженъ поступать въ тѣхъ или другихъ случаяхъ, и послѣ давалъ отчетъ государю о всей своей дѣятельности, о такомъ или иномъ положеніи всѣхъ епархіальныхъ дѣлъ, такъ что все епархіальное архіерейское управленіе, въ существѣ, дѣла находилось подъ постояннымъ контролемъ свѣтской власти и безъ ея одобренія или неодобренія не могло сдѣлать ни одного самостоятельнаго шага. Не удивительно поэтому, что назначеніе бояръ къ архіереямъ царемъ было одною изъ главныхъ причинъ, заставив-

шихъ соборы 1667 и 1675 гг. признать существованіе свѣтскихъ архіерейскихъ чиновниковъ въ епархіальномъ управленіи явленіемъ не каноническимъ, прѣотивнымъ истинному духу церковнаго архипастырскаго управленія и вовсе устранить ихъ отъ всякаго участія въ епархіальныхъ дѣлахъ. Этой реформой архіереи надѣялись освободиться изъ подъ тягостнаго и постояннаго, хотя конечно и не официальнаго, контроля надъ ихъ дѣятельностію свѣтской правительственной власти и въ тоже время думали придать епархіальному управленію большую самостоятельность и независимость отъ свѣтской власти, которая съ устраненіемъ свѣтскихъ чиновниковъ теряла чрезъ это одинъ изъ главныхъ поводовъ вмѣшиваться во все даже мелкія, такъ сказать, домашнія дѣла архіерейскаго епархіальнаго управленія.

Архіерейскіе бояре не получали за свою службу при архіереяхъ опредѣленнаго жалованья; вмѣсто всякаго жалованья архіереи давали имъ въ пожизненное владѣніе участки изъ своихъ земель въ объемѣ, опредѣляемомъ самимъ архіереемъ. Курбскій говоритъ, что къ архіепископамъ поступали на службу лица знатныхъ фамилій, которыя получали отъ архіереевъ во владѣніе церковныя земли, за что обязывались нести службу при дворѣ архіерея и отбывать съ его земель военную повинность. Стоглавый соборъ повелѣваетъ святителямъ лишать своихъ бояръ, за неправды и поборы по суду; ихъ боярскаго достоинства и отнимать у нихъ данныя имъ помѣстья. До насъ дошла одна помѣстная грамота новгородскаго архіепископа Леонида, данная въ 1574 году его боярину Василию Григорьевичу Өомину. Эта грамота боярину ничѣмъ не отличается отъ обыкновенныхъ помѣстныхъ грамотъ, которыя архіереи давали своимъ дѣтямъ боярскимъ и множество которыхъ дошло до насъ. Въ ней, какъ и въ грамотахъ дѣтямъ боярскимъ, послѣ точнаго обозначенія самаго помѣстья, пожалованнаго боярину, о его владѣльческихъ правахъ говорится, чтобы все крестьяне боярина Василия Григорьевича Өомина читли и слушали во всемъ и пашню на него пахали, и оброкъ ему всякой денежной и хлѣбной давали, чѣмъ онъ васъ изоброчить, и онъ васъ вѣдаетъ и судить по сей нашей жалованной грамотѣ. Въ концѣ грамоты находится слѣдующая приписка: «а дано то помѣстье Василию Григорьевичу на время, до тѣхъ мѣстъ какъ его государь царь и великій князь пожалуетъ, здѣсь въ Великомъ Новгородѣ велить ему дать помѣстье и грамота жалованная взяти»¹⁾),—смыслъ этой припи-

ски мы объясняли выше. Кромѣ помѣстій, получаемыхъ отъ архіереевъ въ пожизненное владѣніе, бояре, въ силу системы кормленія, на которой была построена свѣтская церковная администрація, получали еще различные доходы отъ прохожденія занимаемой ими должности. Такъ какъ главныя ихъ обязанности состояли въ производствѣ суда, то они получали извѣстныя пошлины отъ каждаго суднаго дѣла. Въ то время, по одному характерному выраженію, «каждый шагъ въ присутствіе суда былъ куплень цѣною денегъ»,—такъ что доходы бояръ отъ судныхъ дѣлъ были очень значительны.

Въ заключеніе изслѣдованія объ архіерейскихъ боярахъ древней Руси нужно замѣтить, что, при изслѣдованіи, почти исключительно, имѣлись въ виду только бояре московскихъ митрополитовъ, а потомъ патріарховъ, и совершенно ничего не говорилось о боярахъ другихъ епархій. Это, впрочемъ совершенно невольное, ограниченіе въ нашемъ изслѣдованіи зависитъ отъ того, что все свѣдѣніе, какія только дошли до насъ объ архіерейскихъ боярахъ, за самыми незначительными исключеніями, относятся только къ боярамъ митрополитимъ и патріаршимъ, такъ что о боярахъ другихъ епархіальныхъ архіереевъ мы можемъ заключать только по аналогіи. Дѣло въ томъ, что дворъ и все управленіе митрополита, а потомъ патріарха, служили безъ сомнѣнія образцемъ для всехъ епархіальныхъ архіереевъ, которые во всемъ конечно подражали митрополитамъ, и потому у нихъ были, какъ у митрополитовъ и потомъ патріарховъ, свои бояре, съ тѣми же правами и обязанностями, какъ у послѣднихъ. Это несомнѣнно утверждается словами стоглаваго собора: «митрополитчимъ бояромъ и архіепископчимъ и епископчимъ архимандритовъ и игуменовъ и игуменей и строителей ни въ которыхъ дѣлѣхъ не судити... Да митрополиту жъ и архіепископомъ и епископомъ безъ царева вѣдома бояръ отъ себя и дворецкихъ не отсылати» и пр. Изъ этихъ словъ стоглаваго собора видно, что значеніе въ епархіальномъ управленіи, обязанности, кругъ и образъ дѣятельности бояръ при всехъ архіереяхъ были совершенно одинаковы, такъ что соборъ не дѣлаетъ въ этомъ отношеніи между ними никакого различія. Правда, у простыхъ епархіальныхъ архіереевъ бояре не могли быть такъ многочисленны и принадлежать къ фамиліямъ знатымъ и важнымъ, но это различіе очевидно опредѣлялось только тѣмъ неравенствомъ, какое существовало между митрополитомъ и подчиненнымъ ему архіереемъ, а не различіемъ происхожденія,

¹⁾ А. И. I, № 190.

обязанностей и круга дѣятельности ихъ бояръ. Изъ приведеннаго постановленія стоглаваго собора видно такъ же, что бояре существовали при всѣхъ архіереяхъ безъ исключенія. Въ частности бояре упоминаются, въ дошедшихъ до насъ актахъ, только у слѣдующихъ епархіальныхъ архіереевъ: новгородскаго ¹⁾, ростовскаго ²⁾, суздальскаго ³⁾ и казанскаго ⁴⁾.

б) Дьяки. Говоря о боярахъ, мы показали, что они были постоянными судьями при архіереяхъ и нѣсколько разъ изъ приводимыхъ свидѣтельствъ имѣли случай видѣть, что на ряду съ боярами, какъ судьями, всегда упоминаются и дьяки, или въ качествѣ завѣдывавшихъ письменною частью судебныхъ дѣлъ, или же просто въ качествѣ помощниковъ бояръ. По своему происхожденію дьяки были собственно люди не важные и не знатные. Степени низшихъ чиновъ при царскомъ дворѣ стояли такъ: стольники, стряпчіе, дворяне, дьяки, жильцы, дѣти боярскіе ⁵⁾. Но не смотря на свое очень не высокое положеніе въ чиновной государственной іерархіи, дьяки, благодаря крайнему невѣжеству нашихъ предковъ, ихъ безграмотности даже въ высшихъ правительственныхъ классахъ (часто напримѣръ воеводы не умѣли писать) и особенно ихъ неумѣнью вести какія бы то нибыло письменныя дѣла, съ теченіемъ времени по своему роду дѣятельности приобрѣли очень важное и вліятельное положеніе въ государствѣ. Они, какъ единственные присяжные знатоки законовъ и всякихъ письменныхъ дѣлъ, сдѣлались рѣшительно необходимыми во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ требовалось знаніе закона, старины, искусное составленіе дѣловой бумаги;—разсмотрѣть поданную князю или царю бумагу, сдѣлать докладъ изъ нея, указать и сдѣлать выписки подходящихъ къ данному случаю статей законовъ, составить новую бумагу, написать память, приказъ и пр.,—все это было ихъ дѣло,—это были юристы—практики древней руси,—люди необходимые во всякомъ дѣлѣ, требующемъ знанія законовъ, старины, письменнаго канцелярскаго искусства. Вслѣдствіе такого важнаго значенія дья-

¹⁾ П. С. Р. Л. Ш, стр. 107. VIII, стр. 29. А. Э. I, № 229. А. И. I, стр. 353 и др.

²⁾ А. Э. I, № 85. А. до. Ю. б. II, № 183.

³⁾ А. И. I, стр. 367.

⁴⁾ А. Э. I, стр. 260.

⁵⁾ Древн. вивл. ч. XX.

ковъ мы видимъ ихъ при особѣ государей въ качествѣ ихъ секретарей, въ приказахъ, при воеводахъ, при посольствахъ и даже иногда въ качествѣ намѣстниковъ въ различныхъ городахъ ¹⁾. Государство вполне ясно понимало важное, необходимое значеніе дьяковъ при производствѣ всѣхъ письменныхъ дѣлъ и потому узаконило, что ни одна бумага не можетъ имѣть официальнаго, обязательнаго значенія безъ подписи дьяковъ. Мало этого, сознаніе важнаго значенія и необходимости дьяковъ во всѣхъ дѣлахъ побудило государство ввести дьяковъ, не смотря на ихъ очень не высокое происхожденіе, въ государственную думу,—такъ произошли, вѣроятно въ концѣ XVI вѣка, думные дьяки ²⁾. Оклады дьякамъ были помѣстные, равнявшіеся окладамъ московскихъ дворянъ, но такъ же неравные, какъ и у послѣднихъ. Денежное ихъ жалованье въ XVII столѣтіи было отъ 80 до 150 рублей, думныхъ дьяковъ 200 руб., а потомъ и болѣе. Такъ какъ обязанности дьяковъ были слишкомъ многочисленны и сложны, то имъ были приданы низшіе чиновники, получившіе названіе подъячихъ, которые съ теченіемъ времени раздѣлились на три разряда: старыхъ, среднихъ и молодыхъ, изъ старыхъ подъячихъ болѣе искусные производились въ дьяки.

Какъ въ государственномъ, такъ и архіерейскомъ управленіи дьяки занимаютъ также очень видное мѣсто. У архіереевъ были свои дьяки, которые вели всѣ письменныя дѣла архіерея, какъ княжескіе дьяки—при князьяхъ. Они были знатоки не только государственныхъ, но и церковныхъ законовъ, что требовалось особенностями архіерейскаго управленія. Іоаннъ III, при походѣ на Новгородъ, взялъ съ собою архіепископскаго дьяка, «умѣвшаго воротити русскими лѣтописцы». Когда придуть новгородскіе послы, говорилъ ему Іоаннъ, ты имъ помяни давнія неправды новгородцевъ: припомни имъ все, какъ они въ прежнее время измѣняли князьямъ, отцамъ нашимъ и дѣдамъ и прадѣдамъ ³⁾. Изъ того факта, что Іоаннъ III при походѣ на Новгородъ взялъ съ собою архіепископскаго дьяка, «умѣвшаго воротити русскими лѣтописцы», видно, что архіерейскіе дьяки считались людьми очень книжными, знавшими русскую старину и умѣвшими при случаѣ воспользоваться своими знаніями, къ которымъ обращались даже при нуждѣ и князья. Для разъясне-

¹⁾ См. Дмитріева: «исторія судебныхъ инстанцій» стр. 23—24.

²⁾ Древн. вивл. ч. XX.

³⁾ Костомарова: «сѣверо-русскія народоправства», т. I, стр. 185.

нія вопроса о монастырскихъ имуществахъ, поднятаго на соборѣ 1503 года Ниломъ Сорскимъ и его сторонниками, отцы собора послали къ великому князю митрополичьего дьяка Леваша, конечно въ виду его отличнаго знанія церковныхъ и гражданскихъ постановленій по данному вопросу и умѣнья представить дѣло въ томъ видѣ, какъ того желалъ соборъ. Какъ люди постоянно необходимые для архіереевъ и близкіе къ нимъ, дьяки пользовались большимъ вліяніемъ и силою во всемъ архіерейскомъ управленіи, при чемъ дозволяли себѣ очень много злоупотребленій, именно, — были большею частію страшные взяточники. Нѣкоторые изъ нихъ приобрѣли себѣ этимъ даже печальную извѣстность. Лѣтопись такъ объясняетъ причину удаленія Геннадія съ архіепископской новгородской кафедрѣ: «началъ мзду имати у священниковъ ставленія, наипаче совѣтомъ своего единомысленнаго любовника и дьяка Михаила Иванова сына Алексѣева» ¹⁾. О патриаршемъ дьякѣ Кокосиловѣ духовенство говоритъ въ своей жалобѣ, что «людямъ его раздавали по полтинѣ и по рублю, и самому рублей по пяти и по шести деньгами, кромѣ гостинцевъ меду и рыбы, да еще бы рыба была живая, да женѣ его переносять гостинцевъ мыломъ и ягодами на рубль и больше, а если не дать людямъ, никакими мѣрами на дворъ не пустятъ» ²⁾. Всѣ бумаги, исходившія отъ архіереевъ скрѣплялись подписью дьяка, которая придавала имъ офиціальныи характеръ. Въ первый разъ подпись архіерейскаго дьяка встрѣчается подъ уставной грамотой митрополита Кипріяна Константиновскому монастырю, подтвержденной потомъ митрополитомъ Іоною и скрѣпленной подписью его дьяка Карло ³⁾, и слѣдовательно въ половинѣ XV вѣка; съ этого времени уже на всѣхъ архіерейскихъ грамотахъ мы всегда встрѣчаемъ подписи дьяковъ. Кромѣ дьяковъ собственно архіерейскихъ были еще дьяки при архіерейскихъ боярахъ; они всегда присутствовали на судѣ боярѣ, для отправленія при нихъ письменныхъ обязанностей. Соборомъ 1551 года было постановлено, чтобы дьяки присутствовали на судѣ архіерейскихъ боярѣ, писали судные списки, прикладывали къ нимъ свои руки, и потомъ хранили у себя эти списки въ ларцѣ, пока бояре не положатъ ихъ передъ святителями, — подъячимъ же тѣхъ списковъ не давать. Дьяки принад-

¹⁾ Чт. общ. ист. 1847 г. № 4, стр. 145.

²⁾ Солов. т. XI, стр. 253.

³⁾ А. И. I, № II

лежали къ извѣстнымъ фамиліямъ, въ которыхъ это званіе переходило по наслѣдству, по крайней мѣрѣ нѣкоторыя фамиліи дьяковъ мы встрѣчаемъ въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка при московскихъ митрополитахъ и за тѣмъ въ XVII вѣкѣ при патриархахъ ¹⁾. Первоначально дьяки назначались на свои должности и увольнялись отъ нихъ исключительно по произволу епископа, государство не вмѣшивалось въ ихъ взаимныя отношенія. Но какъ скоро оно сознало необходимость подчинить своему контролю выборы и увольненіе важнѣйшихъ чиновниковъ архіерейскаго управленія—каковы: бояре, дворецкіе, то очевидно не могло опустить изъ вниманія и дьяковъ, которые, по характеру своихъ обязанностей и дѣятельности, всегда играли самую видную, а нерѣдко и первенствующую роль во всѣхъ дѣлахъ. По этому соборъ 1551 года на ряду съ боярами и дворецкими сдѣлалъ постановленіе и о дьякахъ: «да и дьяковъ бы имъ (архіереямъ) у себя держати, съ царева же вѣдома, которымъ будетъ пригоже съ бояры всякіе дѣла дѣлати, чтобы было бережно» ²⁾. Тоже утверждается и «запискою о царскомъ дворѣ, церковномъ чиновначаліи, придворныхъ чинахъ, приказахъ» и проч. 1610—1613 г. гдѣ сказано, что судъ патриаршій совершался чрезъ боярина и дворецкаго, съ которыми были два дьяка, назначаемые, такъ же какъ и бояринъ съ дворецкимъ, государемъ ³⁾. Со времени учрежденія Филаретомъ Никитичемъ патриаршихъ приказовъ, въ нихъ, вмѣстѣ съ боярами, засѣдали и дьяки, на обязанности которыхъ лежало все письменное дѣлопроизводство приказовъ, — о самой ихъ дѣятельности въ патриаршихъ приказахъ мы скажемъ ниже.

Кромѣ письменныхъ собственно дѣлъ при архіереяхъ и ихъ боярахъ дьяки исполняли, по порученію архіерея, еще и различныя частныя порученія, иногда и такія, которыя вовсе не гармонировали съ ихъ прямыми обязанностями. Такъ дьяки посылались архіереями описывать имѣніе и земли подвѣдомственныхъ имъ лицъ ⁴⁾; они покупали митрополиту по его порученію зем-

¹⁾ Напр. Парѣньевы, Соболевы. Горч. прил. № 1. А. до Ю. б. II, № 147—XIV, XVII. А. И. I, № 154, стр. 268.

²⁾ А. И. I, № 155, стр. 280.

³⁾ А. И. II, № 335.

⁴⁾ Такъ въ одномъ юридическомъ актѣ говорится: «и митрополитъ Симонъ свѣдавъ то лукавство, да послалъ на тѣ земли діака своего введеннаго Якова Кожухова того всего дозрѣти и истинно опытати, и Яковъ опытавъ

ли ¹⁾); присутствовали при совершении купчихъ въ пользу митрополита въ качествѣ послуховъ ²⁾); являлись, въ качествѣ представителей митрополичьихъ интересовъ, на судебное разбирательство исковъ въ свѣтскій судъ ³⁾); на патриаршихъ торжественныхъ обѣдахъ они исполняли роль кравчихъ и вообще замѣняли собою парадную прислугу ⁴⁾).

Содержаніе дьяки получали отъ самой своей должности. Стоглавый соборъ говоритъ, что они должны получать въ судныхъ дѣлахъ слѣдующія имъ пошлины, какъ онѣ опредѣлены въ царскомъ судебникѣ ⁵⁾). Кроме того они получали пошлины отъ подписи различныхъ грамотъ ⁶⁾). Впослѣдствіи дьякамъ, засѣдавшимъ въ приказахъ, давались помѣстья и опредѣленное жалованье, о чемъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Говоря о дьякахъ, считаю не лишнимъ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе: мы имѣли случай говорить, что архіереи, въ устройствѣ своего двора и при учрежденіи различныхъ чиновъ, брали за образецъ князя, такъ что архіерейскій дворъ, со всѣми его чинами, представлялъ изъ себя довольно вѣрную копию княжескаго двора и чиновъ. Повидимому, этому общему положенію противорѣчитъ то обстоятельство, что дьяки, какъ показываетъ самое ихъ названіе, имѣютъ чисто церковное происхожденіе, такъ что справедливѣе кажется думать, что не архіереи заимствовали эту должность у князей, а князья у архіереевъ. Но это едва ли справедливо. Что княжескіе дьяки получили свое названіе отъ церковныхъ дьяковъ, это конечно вполне справедливо; но у кого въ первый разъ, у архіерея или у князя, явилась должность дьяковъ, какъ секретарей, этого еще нельзя рѣшить на основаніи одного только названія. Мнѣ кажется, что должность дьяковъ, какъ секретарей, дьяки какъ чиновники, въ

того по старинѣ и по великаго князя письменнымъ книгамъ, что то село пречистые Богородицы и святыхъ чудотворцевъ Петра, Алексія и Ионы и митрополиче встаринное и отписалъ то село у Ивана Парфеньева въ домъ пр. Богородицы и пр. (Горчакова стр. 54, прим. 1. Подобное же см А. до Ю. б. II, № 217.

¹⁾ А. до Ю. б. II, № 147—VII.

²⁾ А. до Ю. б. II, № 147—XIV, XVII, XIX.

³⁾ А. Ю. № 12.

⁴⁾ Др. вивл. ч. VI, стр. 310, 315, 320.

⁵⁾ См. о пошлинахъ въ пользу дьяковъ съ судебныхъ дѣлъ по судебнику Ивана Васильевича (А. И. 1, № 153. ст. 8, 9, 10, 11 и др.).

⁶⁾ А. И. 1, № 170, 181, 198, 199, 203, 208, 335 и др.

первый разъ явились у князей. Самые грамотные и свѣдующіе въ писмоводствѣ люди, въ древнѣйшее время, принадлежали первоначально, почти исключительно, къ клиру, и потому было вполне естественно, что князья, для исправленія при себѣ различныхъ письменныхъ дѣлъ, брали себѣ изъ клира дьяковъ, какъ лицъ почти единственно въ то время грамотныхъ и способныхъ отправлять обязанности писцовъ. Съ теченіемъ времени обязанности дьяковъ при князьяхъ сдѣлались официальными и дьяки превратились въ чиновниковъ съ опредѣленными обязанностями и правами, но ихъ первоначальное происхожденіе никогда не забывалось. Это видно между прочимъ изъ того, что въ дьяки никогда не поступали лица знатныхъ и важныхъ фамилій, не смотря на то, что должность дьяка при князѣ была очень важною и злѣательною. Такимъ образомъ должность дьяковъ, какъ чиновниковъ, въ первый разъ появилась и образовалась при дворѣ князя, такъ что архіереи должность дьяковъ, какъ чиновниковъ, на обязанности которыхъ лежало все производство письменныхъ дѣлъ, заимствовали уже у князя, а не на оборотъ. Это между прочимъ подтверждается и тѣмъ, что дьяки какъ чиновники ранѣе встрѣчаются у князей, а потомъ уже у архіереевъ и у послѣднихъ въ то именно время, когда эта должность при княжескомъ дворѣ вполне сложилась и получила то значеніе, какое осталось за ней до самаго послѣдняго времени (XVIII вѣка).

Дѣти боярскіе. Слѣдующіе за архіерейскими боярами и дьяками чиновники, какъ-то: намѣстники, десятильники, тиуны и пр. избирались обыкновенно изъ такъ называемыхъ архіерейскихъ дѣтей боярскихъ и потомъ дворянъ, которые поэтому и входятъ въ предметъ нашего изслѣдованія.

Подъ именемъ дѣтей боярскихъ извѣстенъ былъ въ Россіи многочисленный классъ свободныхъ служилыхъ людей, которые по преимуществу несли военную службу и составляли главное ядро нашихъ армій. Происхожденіе ихъ объясняется тѣмъ, что въ древней Руси каждый знатный, богатый человекъ имѣлъ свой многочисленный придворный штатъ изъ разныхъ служилыхъ людей и названіе дѣтей боярскихъ дано было людямъ свободнымъ, которые жили у бояръ, и составляли ихъ дружину въ военное время. Съ того времени, когда названіе бояръ усвоено было ближайшимъ къ князю лицамъ, всѣ прочіе служилые люди получили тогда названіе дѣтей боярскихъ, какъ самое почетное послѣ

боярскаго званія. На соборѣ 1566 года при Грозномъ дѣти боярскіе поставляются уже ниже дворянъ и составляютъ низшій служилый классъ людей,—ихъ значеніе съ этого времени упало навсегда ¹⁾. Въ 1590 году Федоръ Іоанновичъ далъ званіе сына боярскаго одному казаку. Въ 1651 году Алексѣй Михайловичъ указалъ раздать жалованье стрѣльцкимъ и казачьимъ дѣтямъ, которыхъ отцы въ 1650 году были поверстаны въ дѣти боярскіе. Въ 1687 году въ это сословіе поступилъ поповскій сынъ,—такъ что дѣти боярскіе были рѣзко разграничены отъ природныхъ дворянъ и составляли изъ себя только классъ свободныхъ людей ²⁾. Первоначально дѣти боярскіе, какъ мы сказали, составляли дружины бояръ, но со времени Іоанна III они были отобраны у бояръ и поступили на царскую службу, составляя войско великокняжеское и потомъ царское. Дѣти боярскіе всегда должны были, по первому призыву являться на войну съ опредѣленнымъ числомъ вооруженныхъ людей. Вооруженіе и число людей, которыхъ каждый сынъ боярскій обязанъ былъ привести съ собою, опредѣлялось количествомъ его помѣстной земли. Сверхъ сего каждый изъ нихъ обязанъ былъ представить за себя двухъ порукъ въ томъ, что онъ явится по призыву въ срокъ и въ опредѣленномъ вооруженіи и не сбѣжитъ со службы домой или за границу (они составляли между прочимъ сторожевые, наблюдательные посты, почему бѣжать за границу имъ было очень удобно). Государство за ихъ службу давало имъ помѣстья, которыя несоставляли собственности ихъ владѣльцевъ, данныхъ помѣстій нельзя было ни продать ни заложить, ни отдать по душѣ; помѣщикъ имѣлъ только право пользованія, да и то на время службы. По смерти служилаго человека, часть бывшаго за нимъ помѣстья отдавалась его женѣ и дочерямъ до ихъ смерти, или до выхода замужъ, или до постриженія; остальное же отдавалось находящемуся на службѣ, но еще не верстанному особымъ помѣстьемъ сыну покойнаго; впрочемъ, если всѣ дѣти умершаго были еще очень малы для службы, то выросши и поступивши на государеву службу, они могли просить, чтобы ихъ поверстали отцовскимъ помѣстьемъ; за немѣніемъ же въ потомствѣ умершаго лицъ, годныхъ на службу, помѣстье отписывалось на государя; точно также имѣніе отписывалось на государя и въ томъ случаѣ, если помѣщикъ не явля-

¹⁾ Солов. т. VII, стр. 8.

²⁾ Древн. вивл. ч. XX, стр. 157 и 158.

ся на службу и не могъ объяснить своей неявки достаточными причинами. Понятно, что дѣти боярскіе, получавшіе помѣстья только въ пожизненное владѣніе и имѣвшіе въ нихъ единственный источникъ содержанія, находились всегда въ безусловной зависимости отъ государства, и только исправною службою и тщательнымъ исполненіемъ всѣхъ предписаній правительства могли оградить себя отъ потери жалованнаго имъ помѣстья.

Сказанное нами о княжескихъ и царскихъ дѣтяхъ боярскихъ имѣетъ всю свою силу и относительно архіерейскихъ дѣтей боярскихъ. Мы говорили, что къ архіереямъ поступали на службу свободные служилые люди, изъ которыхъ многіе, нанявшись служить одному архіерею, оставались на службѣ и при его преемникахъ со всѣмъ своимъ потомствомъ, такъ что у архіереевъ явились съ теченіемъ времени цѣлые роды служилыхъ людей. Когда же государство названіе боярина стало усвоить только самымъ высшимъ должностнымъ лицамъ при дворѣ князя, то и у архіереевъ всѣ должностныя и служилыя лица, за исключеніемъ самыхъ высшихъ, получили названіе дѣтей боярскихъ, которые строго отличались отъ бояръ. При московскихъ митрополитахъ мы встрѣчаемъ цѣлые роды дѣтей боярскихъ уже въ XV вѣкѣ, нѣкоторые изъ нихъ за тѣмъ встрѣчаются и въ спискахъ патриаршихъ служилыхъ людей. Между тѣмъ какъ Іоаннъ III отобралъ дѣтей боярскихъ у разныхъ частныхъ лицъ, онъ оставилъ ихъ при архіереяхъ, и самый стоглавый соборъ, подчинившій царскому контролю выборъ и дѣятельность архіерейскихъ бояръ, дворецкихъ и дьяговъ, въ то же время не сдѣлалъ никакого постановленія относительно архіерейскихъ дѣтей боярскихъ, такъ что до времени Алексѣя Михайловича архіереи удержали за собою право не только безусловно распоряжаться ими, но и принимать къ себѣ на службу, въ качествѣ дѣтей боярскихъ, новыя лица, людей всякаго званія. Лица, вновь принятые на службу къ архіереямъ и не принадлежавшія къ привилегированнымъ сословіямъ, необходимо занимали при дворѣ архіерея иное положеніе, нежели изстаринныя дѣти боярскіе, потомки свободныхъ служилыхъ людей, поступавшихъ на службу къ архіереямъ. Отсюда естественно явилось съ теченіемъ времени раздѣленіе архіерейскихъ боярскихъ дѣтей на изстаринныхъ и вновь поступавшихъ. Это раздѣленіе въ первый разъ сдѣлано уложеніемъ. Оно ясно различило архіерейскихъ дѣтей боярскихъ на «изстаринныхъ», которые получили свое званіе по наслѣдству и пользовались всѣми правами, усвоенными дѣтямъ боярскимъ

и на вновь принятыхъ архіереями. Послѣдніе уже не имѣли всѣхъ правъ дѣтей боярскихъ, не могли, на примѣръ, какъ изстаринные, покупать себѣ государственныя земли и въ тоже время оставаться на службѣ у архіереевъ,—они росписывались въ этомъ случаѣ на государственную службу по городамъ ¹⁾. Очевидно, что раздѣленіе архіерейскихъ дѣтей боярскихъ на изстаринныхъ и вновь поступавшихъ вполне соответствовало государственному дѣленію свободныхъ служилыхъ людей на дворянъ и дѣтей боярскихъ. Въ государствѣ дворянами назывались всѣ потомки прежнихъ знатныхъ фамилій, а дѣтьми боярскими—лица не знатныя по своему происхожденію, отцы которыхъ иногда не принадлежали къ свободнымъ классамъ, но получали свое званіе за какія нибудь особенно военныя заслуги ²⁾; такъ точно и у архіереевъ потомки прежнихъ свободныхъ служилыхъ людей вполне приравнивались къ государственнымъ дворянамъ, пользовались всѣми ихъ правами и считались дѣйствительными дворянами; между тѣмъ какъ вновь поступавшіе на службу къ архіереямъ лица, по большей части изъ низшихъ сословій, не-

1) Уложение говоритъ: «а которые порожіе помѣстные земли въ московскомъ уѣздѣ, и въ городѣхъ вотчинныя земли покупали патриарши и митрополичьи, и архіепископи дѣти боярскіе, изстари природные дѣти боярскіе, и за ними тѣмъ землямъ и впредь по концѣ быть въ вотчинѣ же. А которые патриарши же, и митрополичьи, и архіепископи и епископи дворовые дѣти не служилыхъ отцовъ дѣти, и не природные дѣти боярскіе покупали себѣ вотчины, и тѣхъ патриаршихъ, и митрополичихъ, и архіепископихъ, и епископихъ дворовыхъ людей по тѣмъ вотчинамъ написать въ государеву службу въ городѣ» (Гл. XVII, ст. 37).

2) Кошкинъ такъ объясняетъ различіе между дворянами и дѣтьми боярскими: дѣтей боярскихъ прозваніе таково: какъ въ прошлыхъ давнихъ лѣтѣхъ у московскаго государства была война со окрестными государствами, и въ то время разные люди собирались со всего московскаго государства изъ всякихъ чиновъ людей, и по покою распушены по домамъ, а иные многою своею службою и пономомъ освободились отъ рабства и отъ крестьянства, и у кого были помѣстья и вотчины и нынѣ по прежнему за ними; а у которыхъ людей помѣстей и вотчинъ не было, и имъ за службы и за полное терпѣніе помѣстья и вотчины даваны, жилые и пустыя, малые, и служити имъ было съ тѣхъ данныхъ помѣстей и вотчинъ противъ прямыхъ дворянъ было не съ чего; такъ же у которыхъ дворянъ были помѣстья и вотчины, а по смерти ихъ тѣ ихъ помѣстья и вотчины раздѣлены были дѣтемъ ихъ и отъ нихъ дѣти потомужъ размножились, а дать имъ изъ старыхъ отцовскихъ помѣстей и вотчинъ и вновь не изъ чего, потому жъ и царскихъ службъ не служивали и ихъ написали въ дѣти боярскіе, что безпомѣстны и малопомѣстны». (Гл. II, ст. 11).

считались дворянами, не пользовались ихъ правами, а получали только названіе дѣтей боярскихъ, которое указывало на ихъ личную принадлежность къ свободному, не податному классу. Собственно дворянъ особенно много было на службѣ только у патриарховъ и у новгородскаго митрополита, какъ лицъ самыхъ богатыхъ и знатныхъ въ ряду другихъ іерарховъ. У другихъ же, болѣе бѣдныхъ и менѣе значительныхъ архіереевъ, и въ позднѣйшее время настоящихъ дворянъ было на службѣ очень мало, или же и совсѣмъ не было; дворяне замѣнялись у нихъ дѣтьми боярскими, набранными изъ низшихъ сословій. Указомъ 1721 года, 30 іюля, всѣ дворяне, какъ при архіерейскихъ домахъ, такъ и находившіеся на службѣ синодальнаго вѣдомства вытребованы были на смотръ въ Москву, или въ Петербургъ, и изъ возникшаго отсюда дѣла оказалось, что дворянъ въ разныхъ службахъ вовсе не было въ домахъ: архіеп. псковскаго, митр. казанскаго, еп. вятскаго, архіеп. холмогорскаго, митр. тобольскаго и въ епархіи черниговской, и что болѣе всего помѣстныхъ и безпомѣстныхъ дворянъ находилось при синодальномъ домѣ и при домѣ новгородскаго архіерея; изъ перваго на смотру было дворянъ не у дѣль 134 человѣка, у дѣль 57 человѣкъ; изъ дома новгородскаго архіерея было на смотру дворянъ 149 человѣкъ; кромѣ того, при дворѣ ростовскаго архіерея дворянъ было 47 человѣкъ. Варнава, архіепископъ холмогорскій, по поводу упомянутаго указа, между прочимъ писалъ слѣдующее въ монастырскій приказъ: «при домѣ жъ его дворянъ, кромѣ домовыхъ служителей, которые именуются дѣти боярскія, нѣтъ, а тѣже дѣти боярскія и прочіе въ домѣ его не изъ дворянскаго чину и первопоставленнымъ Аѳанасіемъ, архіепископомъ холмогорскимъ, набраны были изъ посадскихъ, а другіе изъ крестьянства и изъ бобылей, и изъ другихъ холмогорскихъ жителей». Отъ вологодскаго епископа Павла: «къ высылкѣ есть помѣстная и безпомѣстная дѣти боярскіе, а не дворяне». Четырнадцать служителей дома ростовскаго архіепископа писали (1722 г.): «что они не изъ шляхетства, дѣды и отцы наши служили въ домѣ архіерейскомъ въ дѣтяхъ боярскихъ изъ нижнихъ чиновъ, а помѣстей за собою не имѣемъ, токмо опредѣляется на пропитаніе изъ дома архіерейскаго денежное и хлѣбное жалованье» ¹⁾. Такимъ образомъ, съ половины XVII вѣка, архіерейскіе дѣти боярскіе самимъ государственнымъ законодательствомъ различались

1) Опис. док. и дѣл. св. синода, т. I, стр. 315—317.

на старинныхъ дѣтей боярскихъ, которые происходили отъ древнихъ архіерейскихъ дворянъ, и за которыми государство признавало всѣ права истинныхъ дворянъ; и на дѣтей боярскихъ, вновь принятыхъ на службу архіереями и происходившихъ изъ низшихъ сословій, даже изъ крестьянъ и бобылей, и вторые, въ силу своего происхожденія не изъ «шляхетства», не имѣли правъ настоящихъ дворянъ; имъ-то съ XVII вѣка и усвоилось собственно названіе дѣтей боярскихъ, въ противоположность изстариннымъ, потомственнымъ дѣтямъ боярскимъ, получившимъ специальное названіе дворянъ ¹⁾. Кромѣ указаннаго дѣленія дѣтей боярскихъ по ихъ происхожденію на изстаринныхъ и вновь принятыхъ, Уложение раздѣляетъ ихъ еще, по ихъ государственному положенію, на три статьи, и за безчестіе каждой изъ нихъ полагаетъ особую плату, именно: за безчестіе первой статьи 15, второй 10 и третьей 5 рублей. Патриаршихъ дѣтей боярскихъ Уложение ставитъ ниже дѣтей боярскихъ царскихъ; митрополичьихъ, архіепископскихъ и епископскихъ — ниже патриаршихъ, такъ какъ за безчестіе дѣтей боярскихъ царскихъ полагается безчестіе же, патриаршихъ — указанная нами выше денежная пеня, за безчестіе же дѣтей боярскихъ митрополичьихъ, архіепископскихъ и епископскихъ тоже денежная пеня, но ниже, чѣмъ за оскорбленіе патриаршихъ дѣтей боярскихъ, именно: за безчестіе первой статьи 10, второй 7 и третьей 5 рублей ²⁾. Петръ Великій прекратилъ существованіе архіерейскихъ дѣтей боярскихъ, какъ отдѣльнаго сословія, зачисливъ ихъ, по большей части, въ военную службу. Такъ, указомъ 1705 года повелѣвается: «патриаршихъ дворянъ и архіерейскихъ дѣтей боярскихъ и монастырскихъ слугъ и служебниковъ и всякихъ чиновъ людей и ихъ дѣтей, которые въ службу годятся... выслать съ стряпчими въ Новгородъ тотчасъ, безъ всякаго мотчанія и явить кому надлежитъ; а въ патриаршихъ и архіерейскихъ домѣхъ и монастырѣхъ оставить самыхъ старыхъ, которые на лошадяхъ сидѣть не могутъ» и пр. ³⁾.

¹⁾ О. Горчаковъ между прочимъ говоритъ: «съ полною организаціею патриаршаго двора при патр. Филаретѣ по образцу царскаго, всѣ взрослые потомки митрополичьихъ бояръ и боярскихъ дѣтей стали называться патриаршими дворянами, а дѣти ихъ, малолѣтніе или взрослые, но при жизни отцовъ, — патриаршими боярскими дѣтьми» (стр. 401) На какомъ основаніи о. Горчаковъ сдѣлалъ такое различіе между патриаршими дворянами и дѣтьми боярскими, онъ не объясняетъ, а безъ объясненія оно рѣшительно непонятно.

²⁾ Гл. X, ст. 93, 95.

³⁾ Горчакова. Прил. стр. 147, № 75. У новгородскаго архіепископа дворяне

Архіерейскіе дѣти боярскіе обязаны были архіереямъ службою, въ награду за что они получали отъ архіереевъ помѣстья ¹⁾ и разныя доходныя должности по епархіальному управленію ²⁾. Помѣстныя земли давались архіереями ихъ боярскимъ дѣтямъ какъ жалованье за ихъ службу, почему въ помѣстныхъ архіерейскихъ грамотахъ употребляются обычныя формулы выраженія: «а какъ мы своихъ дѣтей боярскихъ, своимъ жалованьемъ, помѣстью, учнемъ верстати», или: повелѣваемъ, говорится въ другой грамотѣ, кормить и поить сестеръ «съ того нашего жалованья, съ своего помѣстья» ³⁾. Помѣстная система, принятая архіереями, ничѣмъ не отличалась отъ государственной, такъ что основанія для раздачи земель архіереями и самыя условія этой раздачи были тѣже, что и въ государственной помѣстной системѣ. Помѣстья, которыми архіереи верстали своихъ дѣтей боярскихъ, давались только, какъ это было и при раздачѣ государственныхъ земель, въ пожизненное владѣніе, такъ что онѣ не переставали считаться церковною собственностію и по смерти владѣльца снова возвращались архіерею; помѣщикъ не могъ ни продать, ни заложить, ни отдать по душѣ, ни вообще какимъ бы то ни было образомъ отчуждать данное ему въ пожизненное владѣніе помѣстье ⁴⁾. По смерти владѣльца, если у него не было дѣтей и родственниковъ, помѣстье возвращалось архіерею и от-

были взяты въ драгуны и солдаты (Оп. док. и дѣлъ св. синода, т. I, стр. 521).

¹⁾ См. помѣстныя грамоты архіерейскимъ дѣтямъ боярскимъ. А. И. I, № 183, 185, 186, 201, 244; II. № 25, 32, 33, 191, 281, 315, 330. А. Э. I, № 74—III, № 174, 192. А. до Ю. б. 1, № 44—II, III.

²⁾ Напр. должности десятильниковъ. А. И. IV, № 240; А. Э. III, № 139, 123. IV, стр. 261.

³⁾ А. И. I, № 201. II, № 191.

⁴⁾ Архіерею жалуемое помѣстьемъ лицо, обыкновенно, давало запись въ родѣ слѣдующей, данной Борисомъ Тютшевымъ м. Феодосію 1461 года: «се азъ Борисъ Матеѣвъ сынъ Тютшева слѣпецъ, что меня пожаловалъ господинъ мой Феодосій, митрополитъ всеа Руси, селомъ домовымъ пречистыя Богородицы и своимъ митрополскимъ на Михайловѣ сторонѣ, въ Суждалѣ, до моего живота, и съ всѣмъ съ тѣмъ, что къ тому селу изъ старины потягло, и мнѣ Борису тое церковныя земли и митрополскіе ни женѣ своей, ни дѣтямъ своимъ не дать, ни осваивати, ни мѣнити ни съ кѣмъ, ни продать, ни отдать никому, зане же то земля церковная пречистыя Богородицы и митрополчича, а послѣ моего живота, то село Михайловская сторона опять въ домъ пречистой Богородицѣ и господину моему митрополиту съ всѣмъ, что на ней промышлю серебра и хлѣба и животины». А. до ю б. I, № 118; II. X).

давалось имъ другому лицу, въ противномъ же случаѣ оно, по большей части, отдавалось его женѣ и дѣтямъ ¹⁾). Женѣ умершаго давалась на содержаніе обыкновенно часть мужнинаго помѣстья, которое въ случаѣ ея замужества или постриженія отнималась у нея ²⁾; если же имѣніе все безъ раздѣла переходило къ сыну умершаго, то на него возлагалась обязанность изъ доходовъ, получаемыхъ съ пожалованнаго помѣстья, поить и кормить мать и сестеръ до ихъ замужества ³⁾. Впрочемъ, раздавая своимъ дѣтямъ боярскимъ помѣстья въ пожизненное владѣніе, архіереи въ тоже время всегда удерживали за собою право лишать ихъ этихъ помѣстій во всякое время, если были къ тому, по усмотрѣнію святителя, уважительныя причины. Такими причинами по преимуществу были: худое управленіе пожалованнымъ помѣстьемъ, когда помѣщикъ вмѣсто того, чтобы правильно эксплуатировать его, заботиться о его заселеніи, о разработкѣ земли и благосостояніи крестьянъ, напротивъ, какъ тогда выражались «пустошилъ» его, т. е. притѣснялъ и грабилъ крестьянъ, отъ чего тѣ разбѣгались, такъ что помѣстье пустѣло, хозяйство въ немъ падало и оно теряло вслѣдствіе этого свою цѣну, — такихъ хозяевъ архіереи лишали ихъ помѣстій, которыя передавались другимъ ⁴⁾. Точно также архіереи лишали помѣстій своихъ дѣтей боярскихъ и въ томъ случаѣ, когда они оказывались неспособными отправлять военную службу вслѣдствіе старости или болѣзни, или когда они умышленно уклонялись отъ ней ⁵⁾.

¹⁾ А. И. I, № 183, 186.

²⁾ Новгород. митроп. Исидоръ пожаловалъ своимъ жалованьемъ помѣстьемъ вдову софійскаго сына боярскаго Ивана Желогова Ирину «до тѣхъ мѣсть, пока мѣста она замужъ не пойдетъ или въ монастырь не устроица», если же она выйдетъ замужъ или пострижется, помѣстье ея должно было отдать другому (А. И. II, № 315).

³⁾ Такъ, въ одной помѣстной грамотѣ сказано: «и мать своя и сестры кормити и поити, до коихъ мѣсть мать ихъ за мужъ не выйдетъ, и сестръ своихъ до возраста и до замужества кормити и поить... съ того нашего жалованья съ своего помѣстья» (А. И. II, № 191).

⁴⁾ Такъ въ одной помѣстной грамотѣ новгородскаго митрополита говорится: «а пожаловали мы прежь сего Исака Болотова тѣмъ Богдановскимъ помѣстьемъ Неблота, жилимъ, пятью об'ями, со крестьяны, и Исака Болотовъ то свое помѣстье, живучи, своимъ бездѣльнымъ житиемъ запустошилъ, и крестьянъ своихъ всѣхъ насильствомъ разогналъ отъ себя вонъ изъ помѣстья», почему митрополитъ лишаетъ Болотова помѣстья и передаетъ его другому лицу (А. И. II, № 281).

⁵⁾ Въ одной помѣстной грамотѣ новгородскаго митрополита Исидора 1607

Жалуя своихъ дѣтей боярскихъ помѣстьями, архіереи, вмѣстѣ съ этимъ передавали имъ и всѣ свои владѣльческія права на эти помѣстья, которыя такимъ образомъ поступали въ полное распоряженіе жалуемыхъ лицъ. Они дѣлались полными господами поступившихъ въ ихъ вѣдѣніе крестьянъ и самостоятельными хозяевами пожалованныхъ земель. Въ послужныхъ и помѣстныхъ грамотахъ, выдаваемыхъ архіереями ихъ дѣтямъ боярскимъ, обыкновенно говорится: «и вы бы крестьяне тѣхъ деревень нашего сына боярскаго... слушались во всемъ, и пашню на него пахали, и оброкъ его помѣщиковъ денежной и хлѣбной и всякой мелкой доходъ ему платили, чѣмъ онъ васъ изоброчитъ, а онъ васъ вѣдаетъ и судитъ во всемъ и расправу межъ вами чинитъ» ¹⁾. Такимъ образомъ крестьяне во всѣхъ отношеніяхъ находились въ безусловной зависимости отъ даннаго имъ архіереемъ помѣщика, онъ имѣлъ надъ ними власть судебную, административную, финансовую. Въ нѣкоторыхъ помѣстныхъ грамотахъ прямо говорится, что въ судъ и во все управленіе помѣщика никто не долженъ вмѣшиваться ²⁾ изъ среды архіерейскихъ чиновниковъ. Впрочемъ указанное независимое положеніе помѣстнаго владѣльца относительно архіерейскихъ чиновниковъ, конечно, не исключало контроля со стороны архіерея надъ характеромъ управления и пользованія имѣніемъ, тѣмъ болѣе, что земельные надѣлы давались на извѣстныхъ условіяхъ: если помѣстье давалось уже населенное, то получившій обязанъ былъ заботиться о его хозяйственномъ благоустройствѣ и процвѣтаніи, а не «пустошить» его, подъ угрозой лишенія помѣстья; если же отдавались во владѣніе пустоши, то получившіе ихъ обыкновенно обязывались пустоши воздѣлать, призвать крестьянъ и устроить

года сказано: «а отдано то Суботино помѣстье Саблина девятому Саблину, потому что Субота старъ и боленъ и впредь Государевы царевы и великаго князя Василя Ивановича всея Русіи и Софійскіе службы служить не хочетъ; и въ прошломъ 115 году посланъ онъ на гоеудареву службу съ Софійскимъ дѣтьми боярскими вмѣстѣ на Сивѣры, и онъ недослуживъ государевы службы, и сбѣжалъ напередъ иныхъ софійскихъ дѣтей боярскихъ». (А. И. II, № 83).

¹⁾ А. И. I, № 201.

²⁾ Такъ въ помѣстной грамотѣ патр. Филарета боярскому сыну Ѳеодору Рагозину сказано: «кто у него Ѳеодора въ томъ его помѣстьѣ живутъ люди его и крестьянъ, и впередъ учнуть жити, и волостели наши и прикащики тѣхъ людей и крестьянъ не судятъ ни въ чемъ и не вѣзжаютъ къ нему и не всылаютъ ни почто, а вѣдаетъ ихъ и судитъ Ѳеодоръ самъ или прикащикъ». (А. И. III, № 174).

ихъ здѣсь, или «учинить ихъ въ жилѣ», какъ выражались грамоты ¹⁾).

Получая отъ архіереевъ въ пожизненное владѣніе помѣстья какъ жалованье, архіерейскіе дѣти боярскіе естественно должны были служить при архіереяхъ и нести, по выраженію грамотъ, государеву службу. О послѣдней въ помѣстныхъ грамотахъ обыкновенно говорится: «и государева царева... и софійская служба, гдѣ будетъ доведется, съ того новопридачнаго помѣстья служить съ софійскими дѣтми боярскими вмѣстѣ и подати всякіе государевы платити безъ всякаго ослушанья» ²⁾; или: «а софійская и государева служба служить съ софійскими дѣтми боярскими, вмѣстѣ, безъ ослушанья» ³⁾. Какъ важна была въ глазахъ архіереевъ служба государю ихъ поверстанныхъ дѣтей боярскихъ видно изъ того, что неспособные къ службѣ по болѣзни или старости, а также умышленно избѣгавшіе этой службы или небрежно и неисправно несшіе ее, лишаемы были своихъ помѣстій, которыя передавались въ другія руки. Въ одной помѣстной грамотѣ новгородскаго митрополита дозволяется одному сыну боярскому усыновить своего шурина подѣ тѣмъ лишь необходимымъ условіемъ, чтобы онъ исправлялъ за усыновляемаго государеву и софійскую службу ⁴⁾. Государева служба архіерейскихъ дѣтей боярскихъ, о которой такъ настойчиво говорятъ всѣ помѣстныя архіерейскія грамоты, состояла главнымъ образомъ въ отбываніи военной повинности съ архіерейскихъ земель. Въ древней Руси всѣ землевладѣльцы обязаны были отправлять военную повинность съ своихъ земель, при чемъ количество людей, выставляемыхъ на службу, и качество ихъ вооруженія опредѣлялось количествомъ земли владѣльца и ея населенностію. Архіерейскія земли не освобождались отъ этой общей повинности всѣхъ землевладѣльцевъ. Мы знаемъ, что еще въ XIV вѣкѣ митрополитъ московскій имѣлъ своего воеводу, подѣ предводительствомъ котораго митрополичьи бояре и слуги ходили на войну по требованію князя. Точно также у новгородскаго владыки, во время независимости Новгорода, былъ свой, такъ называемый владычный полкъ. Въ позднѣйшее время всѣ архіереи выставляли точно также даточныхъ военныхъ людей въ царское вой-

¹⁾ А. И. I, № 244. II, № 330.

²⁾ А. И. II, № 281.

³⁾ А. И. II, № 330.

⁴⁾ А. И. III, № 165.

ско ¹⁾. Эта военная повинность, которая всегда лежала на архіерейскихъ земляхъ, съ XV вѣка, когда бояре уже не несли ее, отбывалась исключительно архіерейскими дѣтми боярскими; они обязаны были, по первому призыву, въ назначенный срокъ, явиться на войну въ опредѣленномъ вооруженіи и привести съ собою известное число вооруженныхъ слугъ, сообразно ихъ поземельному участку, что и выражалось въ помѣстныхъ грамотахъ обыкновенно словами: «съ того новопридачнаго помѣстья служить съ софійскими дѣтми боярскими» ²⁾ и пр. Это значило, что каждый поземельный участокъ былъ обложенъ известною военною повинностію, такъ что съ измѣненіемъ его объема измѣнялся и объемъ повинности, т. е. количество людей и качество вооруженія всегда было пропорціонально количеству земли каждаго помѣщика.

Кромѣ «государевой», «царевой» службы, состоявшей въ отбываніи военной повинности съ архіерейскихъ земель, дѣти боярскіе обязаны были служить и самому архіерею. Эта послѣдняя служба дѣтей боярскихъ была очень разнообразна. Одни изъ нихъ постоянно жили при архіереѣ, въ его дворѣ, и несли при его особѣ или личную службу, или исполняли его разныя частныя порученія,—они носили названіе домовыхъ дѣтей боярскихъ и составляли постоянный придворный штатъ архіерея, они не имѣли помѣстій и не назначались на епархіальныя должности, а были нѣчто въ родѣ слугъ архіерея, хотя и отличались отъ нихъ, какъ людей не свободныхъ ³⁾. Мы встрѣчаемъ ихъ въ качествѣ писцовъ при архіереяхъ ⁴⁾, разсылными съ архіерейскими грамотами ⁵⁾, свидѣтелями при совершеніи купчихъ на земли въ пользу архіерея ⁶⁾, описывающими, по порученію архіерея, церковныя приходы, для раскладки пошлинъ съ различныхъ церквей ⁷⁾; они посылались архіереями въ качествѣ ихъ приказныхъ людей съ различными частными порученіями по преимуществу полицейскаго характера, не занимая при этомъ

¹⁾ Курбскаго «сказанія», т. 1. стр. 160. Допол. къ А. И. I, № 42. А. И. II, № 98. А. Э. IV, 84 и др.

²⁾ А. И. II, № 281.

³⁾ А. И. IV, стр. 486. А. до Ю. б. II, № 230. П. С. З. № 1,206.

⁴⁾ А. И. IV, стр. 487.

⁵⁾ А. И. I, № 211, IV, № 60, 109. V, 248. и др.

⁶⁾ А. до Ю. б. II, № 147.

⁷⁾ А. И. I, № 129.

никакой опредѣленной полицейской должности ¹⁾, или исполняли чисто хозяйственныя распоряженія архіерея ²⁾ и пр., вообще они постоянно находились при архіереѣ и не занимая никакой опредѣленной постоянной должности, въ то же время исправляли все, что, по требованію обстоятельствъ, поручалъ имъ въ данную минуту архіерей.

Самая же важнѣйшая служба архіерейскихъ дѣтей боярскихъ и главное значеніе ихъ состояло въ томъ, что они назначались на различныя должности какъ по епархіальному управленію, такъ и по управленію архіерейскими имѣніями. По епархіальному управленію они занимали должности: намѣстниковъ, десятильниковъ, тиуновъ, приставовъ или недѣльщиковъ, праведчиковъ, доводчиковъ. Значеніе всѣхъ этихъ должностей, занимаемыхъ архіерейскими дѣтьми боярскими было или судебное, когда они судили все бѣлое и черное духовенство по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ и всѣхъ мірянъ—по дѣламъ, уступленнымъ вѣдѣнію церкви уставами Владиміра и Ярослава; или полицейское, когда они, въ качествѣ приставовъ, производили на мѣстѣ судебныя разслѣдованія, давали обвиняемыхъ на поруки, звали и ставили ихъ на судъ, производили расправу по опредѣленію суда и пр.; или наконецъ финансовое, когда они, въ качествѣ сборщиковъ податей, обѣзжали всю епархію и собирали пошлины съ бѣлаго и чернаго духовенства. По управленію архіерейскими имѣніями они занимали должности иногда дворецкихъ, всегда волостелей, прикащиковъ, тиуновъ и пр. Очевидно, что дѣти боярскіе играли очень важную роль въ архіерейскомъ управленіи епархіею и церковными землями; всѣ многочисленныя должности по епархіальному управленію и по управленію архіерейскимъ дворомъ и имѣніями находились въ ихъ рукахъ, исключая самыхъ высшихъ немногихъ должностей, которыя занимались боярами. Дѣти боярскіе въ этомъ случаѣ всегда являлись самыми преданными и вѣрными слугами архіереевъ, которые съ охотою отдавали имъ различныя должности, не оставляя даже мѣста въ епархіальномъ управленіи для духовныхъ лицъ,—все дѣлалось чрезъ дѣтей боярскихъ. Послѣднимъ необходимо было вѣрно и усердно служить архіереямъ, потому что они находились, во всемъ, въ безусловной зависимости отъ нихъ, архіерей всегда могъ совсѣмъ отказать отъ службы у себя дѣтямъ бояр-

¹⁾ Доп. къ А. И. I, № 28, 43.

²⁾ А. И. IV, № 213.

скимъ и на мѣсто уволенныхъ набрать новыхъ лицъ; онъ могъ жаловать ихъ помѣстьями, и за всякую вину—отнять ихъ у нихъ, а помѣстья составляли самый главный источникъ содержанія дѣтей боярскихъ,—лишить ихъ помѣстья значило отнять у нихъ средства къ существованію; наконецъ, во власти архіерея было назначить или не назначить сына боярскаго на тѣ или другія должности, которыя приносили значительный доходъ занимавшему ихъ. Понятно, что при такомъ положеніи дѣти боярскіе всегда находились въ безусловной зависимости отъ архіерея и только исправною службою и тщательнымъ исполненіемъ всѣхъ его предписаній и распоряженій могли оградить себя отъ потери выгодной для нихъ службы при архіереѣ ¹⁾. Послѣдніе хорошо понимали указанное положеніе дѣлъ и потому старались всевозможныя должности по епархіальному управленію и по управленію имѣніями передать въ руки дѣтей боярскихъ, которые, ради собственной выгоды и обезпеченія своего положенія, необходимо были всегда на сторонѣ архіерейскихъ интересовъ.

¹⁾ Нужно замѣтить, что свободные служилые люди, поступаая на службу къ архіереямъ, въ качествѣ ихъ дѣтей боярскихъ, имѣли обыкновенно свои собственныя ранѣе пріобрѣтенныя помѣстья (А. И. I, № 178); многія изъ нихъ соприкасались съ архіерейскими землями, или находились въ перемежку съ ними, и это повело къ тому, что всѣ такія земли, съ теченіемъ времени были куплены архіереями и сдѣлались собственностію кааедры (А. до Ю. б. II, № 149. XI, Горчакова стр. 54 прим. 1), которая потомъ и отдавала эти земли въ пожизненное владѣніе дѣтямъ боярскимъ, такъ что послѣдніе, поступивъ на службу къ архіереямъ, обыкновенно не имѣли уже своихъ собственныхъ помѣстій. Правда, дѣти боярскіе могли всегда покупкою пріобрѣтать земли въ собственность, но для этого нужны были средства. Точно такъ же они успѣвали иногда пріобрѣтать помѣстья отъ государства, но послѣднее смотрѣло на это очень неодобрительно, какъ на злоупотребленіе и старалось уничтожить его. Уложеніе говоритъ: «а которые дѣти боярскіе служатъ во дворѣ у патріарха и за тѣми патріаршими дѣтьми боярскими государевымъ и помѣстнымъ землямъ не быть, а помѣстить ихъ патріарху домовыми землями. А кто патріарши дѣти боярскіе какими мѣрами, или утаися возьметъ помѣстье изъ государевыхъ земель, и у тѣхъ тѣ помѣстья отнять, и отдать челобитчикамъ» (Гл. XVI, ст. 66). Такимъ образомъ дѣти боярскіе во всемъ безусловно зависѣли отъ архіерея и только усердною службою, точнымъ исполненіемъ всѣхъ архіерейскихъ распоряженій могли оградить себя отъ потери жалованныхъ помѣстій и тѣхъ доходовъ, которые они получали при прохожденіи той или другой должности, такъ какъ помѣстья и доходы отъ прохожденія должности составляли главный источникъ ихъ содержанія.

Намѣстники. Въ древнѣйшее время всѣ княжества дѣлились на нѣсколько большихъ участковъ, которыми завѣдывали особые чиновники, носившіе названіе намѣстниковъ. Какъ показываетъ самое названіе, намѣстникъ замѣнялъ собою князя. Для каждаго участка назначался обыкновенно одинъ намѣстникъ, но иногда ихъ было по два и даже по три въ одномъ участкѣ, и тогда они управляли вмѣстѣ или каждый отдѣльнымъ участкомъ. Намѣстники обыкновенно жили въ городѣ и ихъ власть простиралась, кажется, и на весь уѣздъ, приписанный къ городу. Предметы управления намѣстника были, по опредѣленію Неволлина, слѣдующіе: а) вообще сохраненіе въ силѣ власти князя между жителями; вслѣдствіе этого на его обязанности лежало: б) собираніе разныхъ податей на князя и наблюденіе за точнымъ исполненіемъ разныхъ повинностей; в) охраненіе общественной безопасности; г) отправленіе суда гражданскаго и уголовнаго ¹⁾. Княжескіе намѣстники съ теченіемъ времени уничтожились и ихъ мѣсто заняли воеводы ²⁾.

У архіереевъ, какъ и у князей, точно также были свои намѣстники по епархіальному управленію; они появились при нихъ еще очень рано и въ древнее время всегда избирались изъ духовныхъ лицъ ³⁾. Намѣстники остались при архіереяхъ до самаго позднѣйшаго времени; но послѣ появленія свѣтскихъ чиновниковъ они не всегда назначались изъ духовныхъ лицъ, а въ большинствѣ случаевъ изъ свѣтскихъ архіерейскихъ служилыхъ людей, такъ было у митрополитовъ и въ другихъ епархіяхъ. Утвердивши свое пребываніе въ Москвѣ, митрополиты въ то же время не назначали особыхъ епископовъ для кievской и владимірской епархій, которыя остались въ вѣдѣніи самого митрополита; для управления этими епархіями они обыкновенно назначали своихъ намѣстниковъ, изъ которыхъ одинъ жилъ въ Кіевѣ и управлялъ отъ лица митрополита кievскою епархіею до самаго того времени, когда она сдѣлалась самостоятельною митрополіею, послѣ ея отдѣленія отъ Москвы. Другой митрополитичій намѣстникъ жилъ во Владимірѣ и управлялъ владимірскою епархіею. Онъ существовалъ въ позднѣйшее время при патріархахъ ³⁾. Кромѣ митрополитовъ и патріарховъ московскихъ

¹⁾ Полное собраніе его сочиненій т. VI, стр. 109.

²⁾ Дмитріева: «ист. судеб. инстанц.» стр. 12.

³⁾ См. выше стр. 1 и 10.

⁴⁾ А. до Ю. б. 1, № 43. А. Ю. № 386—III.

намѣстники существовали и при другихъ архіереяхъ. Такъ, у новгородскаго владыки былъ намѣстникъ въ самомъ Новгородѣ ¹⁾, въ Псковѣ ²⁾, въ великихъ Лукахъ, Колмогорахъ и проч. ³⁾; точно такъ же намѣстники были и при другихъ архіереяхъ, какъ это видно изъ нѣкоторыхъ грамотъ ⁴⁾.

Намѣстники замѣняли собою самихъ архіереевъ и потому самому необходимо должны были назначаться изъ лицъ духовныхъ. Такъ дѣйствительно и было до появленія свѣт. архіерейскихъ чиновниковъ, такъ было и послѣ, относительно нѣкоторыхъ намѣстничествъ, именно, Кіевскаго и Псковскаго; между тѣмъ какъ намѣстники другихъ городовъ избирались всегда уже изъ свѣтскихъ лицъ. Въ Кіевѣ намѣстникъ былъ полнымъ представителемъ митрополита, который самъ обыкновенно почти совсѣмъ не посѣщалъ Кіева, такъ что все управленіе кievскою епархіею лежало исключительно на намѣстникѣ. Онъ долженъ былъ «оправданія вся церковная и суды и дѣла духовныя управляти», «долженъ всяка церковная и духовная дѣла управляти колика сила, и христовы божія церкви святыми антимины новопоставленныя освящати», долженъ избирать и испытывать лицъ ищущихъ священнаго сана и отсылать ихъ для поставленія къ сопредѣльнымъ съ кievскою епархіею архіереямъ, на немъ лежала обязанность давать судъ и расправу по всѣмъ преступленіямъ лицъ духовныхъ, словомъ: намѣстникъ въ Кіевѣ по своимъ правамъ и обязанностямъ былъ тотъ же архіерей, только ему недоставало святительскаго сана ⁵⁾. Тоже самое было и въ Псковѣ. Здѣсь намѣстникъ точно также какъ и въ Кіевѣ былъ полнымъ представителемъ власти архіепископа. Послѣдній самъ могъ являться въ Псковъ только чрезъ три года, и потому необходимо поручалъ веденіе всѣхъ церковныхъ епархіальныхъ дѣлъ въ Псковѣ своему намѣстнику. Въ грамотѣ новгородскаго архіепископа Теофила Псковичамъ (1477 г.) говорится: «а оставляю вамъ, сынове, въ свое мѣсто, на свой святительскій судъ, и на свой подъѣздъ и на всѣ свои пошлины, намѣстника своего... и вы къ нему на судъ приходите и на всякую правду и честь надъ нимъ держите по нашему благословенію; а вы,

¹⁾ Буницынъ гл. IX.

²⁾ А. И. I, № 284.

³⁾ А. Э. III, № 139.

⁴⁾ А. Ю. № 385—II. № 386—II, IV.

⁵⁾ А. до Ю. б. II, № 167.

священники, которые не заплатили подъязда моего, и вы ему платите подъяздъ нашъ въ домъ святѣй Софѣи и мнѣ, чисто, по старинѣ, безо всякаго забвенія, и кормъ давайте по старинѣ; а которые не заплатятъ подъязда моего и азъ тѣмъ литургисати не велю»¹⁾. Что намѣстникъ новгородскаго архіепископа во Псковѣ назначался изъ духовныхъ лицъ, это видно изъ слѣдующаго разсказа второй псковской лѣтописи: «владыка Геннадій присла въ Псковъ боярина своего Безсона, и съ нимъ игумена Евѣимья, иже прежде былъ въ Псковѣ ларникомъ, и въ той власти много зла народу учини и смяте всемъ Псковомъ, и у посадниковъ и у ябедниковъ и у правыхъ людей того ради Есипа ларника много посѣкоша дворовъ, и самаго много казнивше выведоша на посѣчение; онъ же убѣже и пострижеса. И мысляше того владыка Геннадій вмѣстити архимандритомъ, въ себѣ мѣсто правителемъ Пскову, и того ради посла его съ своимъ бояриномъ, и веляше описати по всей земли псковской церкви и монастыре, и колико престоловъ и поповъ всехъ въ число написати; а псковичи не вдашася въ волю его»²⁾. Изъ этого разсказа лѣтописи видно, что намѣстникъ архіепископа въ Псковѣ былъ духовное лицо и носилъ санъ архимандрита. Известно также, что митрополитъ Исидоръ, отправляясь на Флорентійскій соборъ, поставилъ своимъ намѣстникомъ во Псковѣ сначала архимандрита Геласія, а потомъ архимандрита Григорія.

Если же архіерейскіе намѣстники въ Кіевѣ и Псковѣ были лица духовныя, то нельзя того же сказать о митрополитомъ владимірскомъ намѣстникѣ, который, какъ показываютъ акты, назначался изъ свѣтскихъ служилыхъ людей митрополита. Такъ, въ 1518 году владимірскимъ митрополитомъ намѣстникомъ былъ Юрій Григорьевичъ Мануйловъ³⁾, бывший потомъ дворецкимъ у митрополита⁴⁾. Въ 1515 году владимірскимъ митрополитомъ намѣстникомъ былъ Ѳеодоръ Васильевичъ Тиронъ изъ рода Ѳоминыхъ⁵⁾. Изъ всехъ другихъ позднѣйшихъ грамотъ, въ которыхъ только говорится о владимірскихъ митрополитихъ, а потомъ патриаршихъ намѣстникахъ, рѣшительно не видно, чтобы они когда либо избирались изъ духовныхъ лицъ⁶⁾. Причины,

¹⁾ А. И. I, № 284.

²⁾ П. С. Р. Л. V, стр. 43.

³⁾ А. Ю. № 16.

⁴⁾ А. до Ю. б. II, № 147 XIV.

⁵⁾ А. до Ю. б. II, № 147 X.

⁶⁾ А. до Ю. б. II, № 173 I. IV, т. I, № 43. А. Ю. 386. II. IV. А. Э. I, № 105.

почему въ однихъ округахъ архіерейскіе намѣстники были изъ духовныхъ лицъ, а въ другихъ изъ свѣтскихъ, по моему мнѣнію, заключаются въ слѣдующемъ. Кіевскій, на примѣръ, митрополитъ намѣстникъ вѣдалъ рѣшительно все церковныя дѣла епархіи, какъ бы самостоятельный епископъ, исключая дѣлъ, особенно важныхъ, онъ не относился къ митрополиту за утвержденіемъ того или другаго своего распоряженія по епархіальному управленію, но поступалъ по собственному усмотрѣнію, заправляя всеми церковными дѣлами епархіи и такимъ образомъ являлся здѣсь намѣстникомъ епископской или собственно духовной власти. У него, какъ это видно изъ митрополитскаго наказа, на первомъ планѣ должны быть дѣла чисто духовныя, «церковная и духовная дѣла управляти колико сила», и уже послѣ заботъ по церковному управленію, слѣдовали заботы о «доходѣхъ и пошлинахъ церковныхъ и селехъ», т. е. кіевскій митрополитъ былъ главнымъ образомъ церковный правитель, а не свѣтскій. Съ инымъ характеромъ является владимірскій митрополитъ намѣстникъ. Если, по отдаленности Кіева отъ Москвы, митрополитъ не могъ самъ непосредственно управлять кіевскою епархіею и принужденъ былъ передать свою власть надъ нею своему намѣстнику, то этой необходимости не могло быть относительно владимірской епархіи, соприкасавшейся непосредственно съ московскою. Митрополитъ вполне свободно самъ могъ управлять всеми церковными дѣлами владимірской епархіи на ряду съ различными округами своей собственной епархіи и потому ему не было никакой нужды передавать свою власть, какъ церковнаго правителя, въ руки намѣстника. Отсюда необходимо произошло то, что владимірскій намѣстникъ явился съ инымъ характеромъ, нежели кіевскій. Во Владимірѣ онъ не былъ полнымъ представителемъ власти митрополита, потому что все собственно церковныя епархіальныя дѣла зависѣли отъ самого митрополита, и намѣстникъ не вмѣшивался въ собственно церковное управленіе. На обязанности послѣдняго лежало только вѣдать гражданскія дѣла духовенства, давать судъ мірянамъ по дѣламъ, отданнымъ въ вѣдѣніе церкви; намѣстникъ же управлялъ архіерейскимъ владимірскимъ домомъ и всемъ церковнымъ хозяйствомъ епархіи. Очевидно, что митрополитъ владимірскій намѣстникъ былъ намѣстникомъ не духовной, а свѣтской власти митрополита. Этимъ характеромъ власти владимірскаго митрополита намѣстника и объясняется почему онъ назначался не изъ духовныхъ лицъ, какъ въ Кіевѣ, а изъ свѣтскихъ. Но

мало того, что владимірскій намѣстникъ не имѣлъ никакой духовной власти, права вмѣшиваться въ дѣла церковныя, онъ и въ рѣшеніи гражданскихъ дѣлъ не былъ самостоятеленъ, какъ кіевскій намѣстникъ, но обязанъ былъ представлять ихъ на окончательное утверждение самого митрополита и только въ такомъ случаѣ его приговоры получали законную, фактическую силу. Приведемъ примѣръ: келарь Сновицкаго монастыря подалъ жалобу владимірскому митрополитическому намѣстнику Юрію Григорьевичу Мануйлову на Якова Внукова, что тотъ незаконно завладѣлъ монастырскою пахатною землею. Началось обычное судоговореніе; судья допросилъ истца и отвѣтчика, просмотрѣлъ доставленныя ему тяжущимися сторонами грамоты, выслушалъ показанія свидѣтелей и за тѣмъ, когда кончилось судоговореніе, ему слѣдовало бы поставить рѣшеніе, но, говоритъ судебный актъ, судья «рекъ-ся доложити о семъ государя Варлаама митрополита всея Русіи, и списокъ суда своего (запись судоговоренія) предъ господиномъ Варлаамомъ митрополитомъ положилъ. И господинъ Варлаамъ митрополитъ всея Русіи, выслушавъ судной списокъ и спросилъ обоихъ истцовъ: былъ ли вамъ таковъ судъ, какъ въ томъ списку написано? И оба истца тако рекли: судъ намъ, господине, таковъ былъ, какъ въ томъ списку писано». Митрополитъ велѣлъ «оправити» намѣстнику монастырскаго келаря ¹⁾. Если владимірскій митрополитчій намѣстникъ въ такихъ незначительныхъ дѣлахъ, какъ споръ двухъ лицъ изъ за клочка пахатной земли, не могъ рѣшить самъ безъ доклада митрополиту, то тѣмъ болѣе, конечно, онъ не могъ дѣйствовать самостоятельно въ дѣлахъ сколько нибудь болѣе важныхъ, нежели указанное нами спорное дѣло за обладаніе пахатнымъ участкомъ земли. Очевидно, власть владимірскаго намѣстника была очень незначительна и ограничена, даже въ чисто гражданской сферѣ и совершенно не приравнима къ власти намѣстника кіевскаго. Кажется, что церковно-правительственныя права владимірскаго намѣстника не были шире правъ обыкновеннаго десятильника, — только округъ его власти былъ обширнѣе. Десятильникъ завѣдывалъ одной опредѣленной десятиной, на которая дѣлился уѣздъ, намѣстникъ же завѣдывалъ цѣлымъ городомъ, въ которомъ жилъ и, кажется, нѣкоторыми округами, прилегающими къ городу. По крайней мѣрѣ въ одной грамотѣ митрополита Симона (1507 г.) мы встрѣчаемъ такое

¹⁾ А. Ю. № 16.

выраженіе: «а намѣстники мои володимерскіе и тіуны и намѣстники десятильники того пона не судятъ» ¹⁾; отсюда видно, что у намѣстниковъ были свои десятильники, а это даетъ право думать, что ихъ власть, кромѣ города, простиралась и на нѣкоторые округи, въ которые они посылали своихъ десятильниковъ. На обязанности же владимірскихъ намѣстниковъ лежала вся хозяйственная сторона управленія епархіею, чѣмъ они рѣзко отличались отъ десятильниковъ. Эта обязанность намѣстниковъ была едвали не самою главною, почему они назначались только въ такіе округи или города, гдѣ были архіерейскіе дома, земли и хозяйственныя заведенія. Замѣчательно въ этомъ случаѣ, что владимірскій намѣстникъ Юрій Григорьевичъ Мануйловъ былъ послѣ митрополитчій дворецкимъ, а это показываетъ, что обязанности его намѣстнической должности близко соприкасались съ управленіемъ архіерейскимъ хозяйствомъ, а не епархіальными дѣлами. Но во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что владимірское намѣстничество не считалось особенно виднымъ и почетнымъ въ ряду другихъ должностей въ архіерейскомъ епархіальномъ управленіи, что видно между прочимъ и изъ того, что на эту должность не назначались бояре, а только дѣти боярскіе. Такъ, Юрій Григорьевичъ Мануйловъ, бывший владимірскимъ намѣстникомъ, значится только сыномъ боярскимъ: Ѳеодоръ Тиронъ, хотя и происходитъ изъ боярской фамиліи Ѳоминныхъ, но самъ не былъ бояриномъ. Вѣроятно, намѣстники и при другихъ архіереяхъ, по крайней мѣрѣ XV вѣка, имѣли тотъ же характеръ, что и митрополитчій владимірскій намѣстникъ, т. е. они избирались изъ свѣтскихъ служилыхъ людей архіерея, творили судъ и расправу по всѣмъ гражданскимъ дѣламъ надъ духовенствомъ и мірянами по дѣламъ, предоставленнымъ суду и вѣдѣнію церкви, не имѣли права вмѣшиваться въ собственно церковныя епархіальныя дѣла, заправляли архіерейскимъ хозяйствомъ въ данномъ округѣ и, вообще, были намѣстниками архіереевъ, не какъ духовныхъ архимонаховъ, представителей собственно церкви, но намѣстниками, собственно, свѣтской архіерейской власти. Архіереямъ вовсе не было нужды передавать свою архимонашескую власть въ чужія руки; они сами могли завѣдывать собственно церковными епархіальными дѣлами, и потому уступали своимъ намѣстникамъ только свою свѣтскую власть.

¹⁾ Горчакова прил. стр. 41.

Архіерейскіе намѣстники существовали до начала XVII вѣка; послѣдній изъ нихъ упоминается при патріархѣ Игнатіѣ: послѣ этого они уже болѣе не встрѣчаются въ актахъ ¹⁾, да и вообще дошедшіе до насъ акты говорятъ очень мало объ архіерейскихъ намѣстникахъ, ихъ обязанностяхъ и дѣятельности, а это опять показываетъ, что должность обыкновенныхъ архіерейскихъ намѣстниковъ, исключая кievскаго и псковскаго, не была столь важною и значительною, какъ это можетъ показаться на основаніи одного только названія.

д) Десятильники. Стоглавый соборъ о происхожденіи десятильниковъ говоритъ: «а что въ митрополю и въ архіепископьяхъ и епископьяхъ, по которымъ городамъ и десятинамъ, искони вѣчно уставлены и жили десятильники, при великихъ чудотворцахъ Петрѣ и Алексіѣ и Іонѣ, и прежде нихъ, и по нихъ и днесъ» ²⁾ и такимъ образомъ относитъ существованіе десятильниковъ къ самой глубокой древности. Въ первый разъ о десятильникахъ упоминаютъ постановленія владимірскаго собора 1274 г. ³⁾, но, конечно, они появились несравненно ранѣе этого собора, вѣроятно уже при первыхъ кievскихъ іерархахъ. Известно, что еще св. Владимиръ далъ десятину построенной имъ въ Кіевѣ церкви Богородицы ⁴⁾; по его примѣру и послѣдующіе князья давали церкви десятину ⁵⁾. Князья устроили епископіямъ десятую часть отъ всѣхъ своихъ доходовъ, которые въ древнѣйшее время поступали къ нимъ натурою. Въ различныхъ мѣстахъ своихъ княжествъ князья устроили особые дворы, гдѣ складывалось всякаго рода добро, получаемое съ княжескихъ имѣній ⁶⁾. Сюда конечно должны были обращаться и епископы за полученіемъ назначенной имъ княземъ десятины отъ всѣхъ его доходовъ и имѣній, для чего имъ необходимо было содержать въ этихъ мѣстахъ особыхъ довѣренныхъ лицъ

¹⁾ А. Ю. № 386 III, сн. V.

²⁾ А. И. I, № 155.

³⁾ Рус. дост. ч. I, стр. 112.

⁴⁾ Даю церкви сей святѣй Богородици отъ имени моего и отъ гради моихъ десятую часть. И положи написавъ вѣдѣти въ церкви сей, рекъ: аще кто сего посудитъ, да будетъ проклятъ. И вѣдѣти десятину Настасу Корсунианну». (П. С. Р. Я. I, 53).

⁵⁾ Доп. къ А. И. I, № 3 и 4. Рус. дост. ч. I, 82.

⁶⁾ Солов. т. III, 9.

или чиновниковъ, которые бы получали слѣдующую епископу десятину и вмѣстѣ съ тѣмъ собирали съ известнаго округа пошлины съ прихожанъ и духовенства въ пользу архіерея; эти чиновники получили названіе десятильниковъ. Таково было первоначальное, какъ нужно предполагать, происхожденіе должности десятильниковъ. Очевидно, что въ первое время они не имѣли никакого отношенія къ духовенству и вообще епархіальному управленію, и что ихъ должность имѣла исключительно финансовый характеръ. Когда князья перестали, съ теченіемъ времени, платить архіереямъ десятину отъ своихъ доходовъ и имѣній, или замѣнили ее опредѣленнымъ денежнымъ взносомъ, то десятильники остались на прежнихъ мѣстахъ, только обязанности ихъ измѣнились, или, точнѣе, совратились. Русское духовенство, по примѣру греческой церкви, съ древнѣйшихъ временъ должно было платить архіерею известныя подати, тѣмъ же обязаны были и всѣ прихожане каждаго прихода. За десятильниками осталась теперь одна только обязанность собирать подати съ духовенства и прихожанъ въ пользу архіерея въ томъ округѣ, гдѣ они жили. Первоначально, по малочисленности христіанской паствы, этихъ округовъ, которые получали названіе десятинь, было, конечно, очень не много; но съ теченіемъ времени число ихъ увеличилось и дѣленіе епархій на округа подъ именемъ десятинь сдѣлалось обычнымъ и общимъ для всѣхъ епархій; въ каждомъ изъ этихъ округовъ былъ особый чиновникъ, за которымъ на всегда удержалось названіе десятильника. Съ теченіемъ времени, когда обязанности архіереевъ сдѣлались особенно разнообразны и многосложны, когда они уже не могли завѣдывать лично всѣми епархіальными дѣлами, власть и значеніе десятильниковъ въ епархіи значительно расширились. Вмѣстѣ съ сборомъ пошлинъ архіереевъ стали поручать десятильникамъ и надзоръ за жизнью и дѣятельностію духовенства, а также и разборъ въ некоторыхъ судебныхъ дѣлахъ, такъ что десятильники стали завѣдывать не только финансовымъ, но еще административнымъ и судебнымъ управленіемъ своихъ округовъ, т. е. явились съ тѣми правами и властію по епархіальному управленію, какія они имѣли до самаго конца своего существованія.

Десятильники, первоначально, избирались изъ духовныхъ лицъ, какъ это видно, между прочимъ, изъ постановленій владимірскаго собора, запрещавашаго ставить на мздѣ намѣстника и десятильника. Да и вообще нельзя допустить, чтобы іерархи-греки, стоявшіе во главѣ русской церкви, вопреки канонамъ и всей

практикѣ церкви греческой, ввели у насъ въ епархіальное управленіе свѣтскія лица не только въ качествѣ сборщиковъ податей, но и съ правомъ административнаго надзора и суда надъ духовенствомъ. Десятильники, по крайней мѣрѣ въ митрополи, стали избираться изъ свѣтскихъ лицъ только послѣ того, какъ митрополичья кафедра была перенесена въ Москву и здѣсь явились при митрополитахъ свѣтскіе служилые люди, которыхъ они допустили къ участию съ епархіальныхъ дѣлахъ.

Можно думать, что когда десятильники стали назначаться изъ свѣтскихъ служилыхъ людей архіерея, то первоначально они были только простыми сборщиками податей, т. е. ихъ должность имѣла исключительно финансовый характеръ, такъ какъ для управленія и суда надъ духовенствомъ существовали уже духовныя власти, которыя вдругъ не могли быть совершенно замѣнены свѣтскими лицами,—такой переходъ былъ бы слишкомъ рѣзокъ. Между тѣмъ назначеніе свѣтскихъ служилыхъ людей архіерея на должности десятильниковъ только какъ сборщиковъ податей, помимо того, что представляло значительныя выгоды и удобства для архіерея, не имѣло въ себѣ ничего и антицерковнаго, такъ какъ сборомъ податей приличіе было заняться свѣтскому лицу, нежели духовному; между тѣмъ назначеніе свѣтскихъ десятильниковъ, не только какъ сборщиковъ податей, но и какъ лицъ завѣдывающихъ судомъ и управленіемъ надъ духовенствомъ, слишкомъ бы противорѣчило существовавшему дотошъ порядку церковнаго управленія, было бы слишкомъ очевиднымъ для всѣхъ нарушеніемъ основныхъ началъ греческаго и предшествующаго русскаго церковнаго управленія, не допускавшихъ вмѣшательства свѣтскихъ лицъ въ духовныя суды и управленіе, такъ что свѣтскіе десятильники только постепенно и незамѣтно, съ теченіемъ времени, могли присвоить себѣ, вмѣстѣ съ правомъ собиранія пошлинъ съ духовенства, и право суда и административнаго надзора за нимъ. Это, между прочимъ, подтверждается и уставною грамотою в. кн. Василія Димитріевича съ митрополитомъ Кипріаномъ, гдѣ о десятильникахъ сказано: «а десятинику на десятину насѣдъ имать за вѣздное, и за петровское пошлины шесть алтынъ, а болѣе того не надобѣ ничто: а имати сборное о Рождествѣ Христовѣ; а десятиннику имати свои пошлины о Петровѣ дни». Такимъ образомъ о десятильникахъ, какъ судьяхъ, грамота вовсе не говоритъ конечно потому, что въ то время судебныя обязанности еще не возлагались на десятильниковъ, въ против-

номъ случаѣ грамота не преминула бы упомянуть и объ ихъ судебныхъ обязанностяхъ, какъ не опустила сказать объ ихъ обязанностяхъ по сбору архіерейскихъ пошлинъ; и сверхъ того въ перечнѣ пошлинъ, которыя шли десятинику, она непременно бы упомянуть о пошлинахъ съ судебныхъ дѣлъ, если бы судомъ въ то время завѣдывали десятильники. Наконецъ, изъ всѣхъ позднѣйшихъ грамотъ, въ которыхъ только говорится о десятильникахъ, нельзя не видѣть, что самую первую и существенную обязанностію десятильниковъ было собирать архіерейскія подати, судебныя же обязанности возлагались на нихъ только потому, что въ древней Руси судъ имѣлъ финансовый характеръ,—соединенъ былъ всегда съ полученіемъ извѣстныхъ пошлинъ, такъ что архіереи, поручая десятиникамъ судъ, въ то же время всегда придавали ихъ должности исключительно финансовый характеръ.

Такимъ образомъ первоначальный характеръ должности десятильниковъ, когда они стали избираться изъ свѣтскихъ людей архіерея, былъ чисто финансовый; они исключительно занимались только сборомъ податей съ духовенства и прихожанъ въ пользу архіерея; когда же именно они присвоили себѣ право суда надъ духовенствомъ по всѣмъ дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ, кромѣ тѣхъ съ политичнымъ, разбоя и убійства, этого, по недостатку данныхъ, сказать нельзя. Вѣроятно же всего это произошло не вдругъ, а постепенно, въ теченіе продолжительнаго времени. Во всякомъ случаѣ, уже въ половинѣ XV вѣка мы встрѣчаемъ свѣтскихъ десятильниковъ не только какъ сборщиковъ податей съ духовенства, но вмѣстѣ и какъ судей его. Такъ, въ жалованной грамотѣ ростовскаго архіепископа Кириллову монастырю, 1455 года, сказано «не надобна имъ моя дань, ни даненіе пошлины, ни десятиничинъ пошлины, не судятъ ихъ (игумена и поповъ) мои десятиницы, ни пристава на нихъ ни дають ни въ чемъ»¹⁾. Въ посланіи м. Іоны къ вятчанамъ 1456 г. десятильникъ является довѣреннымъ отъ митрополита лицомъ, онъ наблюдаетъ за жизнью и дѣятельностію духовенства и о всемъ даетъ отчетъ самому митрополиту²⁾. Въ

¹⁾ А. Э. I, № 54.

²⁾ «Многие деи христіане, пишеть святитель, съ женами незаконно въ невѣнчаніи живутъ, а инии деи зѣнчаются, но незаконно, четвертымъ и пятымъ съвкупленіемъ, а инии шестымъ и седмымъ, одинъ и до десятаго; а духовнии ихъ отцы, игумени и попы, божественныхъ писаній неискусни

жалованной грамотъ м. Геронтія Благовѣщенскому и Константину-Еленскому монастырю 1478 года десятильники точно такъ же являются судьями духовенства ¹⁾. Въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка должность десятильниковъ уже вполне сложилась и опредѣлилась, какъ судей духовенства по гражданскимъ дѣламъ и мірянъ по предметамъ, предоставленнымъ суду церкви уставами Владиміра и Ярослава, какъ сборщиковъ податей съ духовенства и прихожанъ въ пользу архіерея и, наконецъ, какъ чиновниковъ, надматривающихъ за жизнью и правильнымъ отправленіемъ духовенствомъ его обязанностей. Самое ясное и отчетливое представленіе объ обязанностяхъ десятильниковъ, достоящаго собора, даетъ намъ посланіе новгородскаго архіепископа Феодосія въ Устюжну Желѣзопольскую къ духовенству, 1545 года. Въ этомъ посланіи архіепископъ говоритъ: «здесе намъ сказывали наши устюжскіе десятильники», что а) устюжскіе игумены и священники не радятъ о церкви Божіей, о церковномъ иѣнн и построеніи, объ учрежденіи святыхъ иконъ; б) свадьбы вѣнчаютъ первобрачныхъ и двоеженцевъ безъ десятинична знамени и доклада и вовсе не платятъ пошлинъ десятинику съ этихъ свадебъ; в) нѣкоторые изъ духовенства говорятъ молитвы вступающимъ въ четвертый и пятый бракъ; г) вѣнчаютъ «въ роду и въ племени, въ кумовствѣ и сватовствѣ»; или, когда мужъ безъ всякихъ законныхъ причинъ отпускаетъ жену, то обоимъ дозволяютъ вступать въ новый бракъ; е) въ Устюжскую десятину много приходитъ изъ другихъ епархій священниковъ и священно-инокъ и здѣсь служатъ безъ вѣдома и благословенія архіепископа, многіе отправляются къ митрополиту или архіепископу ростовскому и ставятся тамъ въ поны хитростію и, взявши у нихъ отпускныя, пріѣзжаютъ въ устюжскую десятину и служатъ здѣсь, не представивши ставленныхъ и отпускныхъ грамотъ архіепископу или его десятиникамъ, а иные и просто безъ всякихъ ставленныхъ

суща, божественныхъ и священныхъ правилъ невѣдуще, тѣми богомерзкими браки ихъ съвкупляютъ... благословляю васъ чтобы моимъ десятиникомъ о томъ великое смотрѣніе имѣти за лихаго супротивника Божью закону и нашему великому православію тому нашему десятинику не стояли: занеже онъ, по наказанію нашему, что которое дѣло мощно, съ вами тамо управить; а чего немощно будетъ ему тамо управити, и онъ ко мнѣ отпишетъ, или, какъ Богъ дастъ, самъ у насъ будетъ и онъ намъ скажетъ.

(А. И. 1, № 267).

¹⁾ А. 9. 1, № 105.

и благословенныхъ грамотъ служить; г) овдовѣвшіе поны, постригшись въ монахи, продолжаютъ служить при приходскихъ церквахъ самовольно, безъ свидѣтельства, безъ обыску, безъ архіепископскаго вѣдома и благословенія. И когда за такія дѣла десятильники начинаютъ отдавать игуменовъ, поповъ и дьяконовъ на поруки, чтобы они стали на судъ предъ святителя, то они на судъ не являются, а десятильниковъ «бьете деи и злословите ихъ не подобною лаєю всегда» ¹⁾.

Такимъ образомъ обязанности десятильниковъ ко времени столѣтій явились въ слѣдующемъ видѣ: они судили все бѣлое и черное духовенство по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ, исключая татѣбы съ поличнымъ, разбоя и убійства, которыя судили всегда, исключительно, царскіе чиновники; они судили всѣхъ мірянъ по дѣламъ, отданнымъ въ вѣдѣніе церкви уставами Владиміра и Ярослава; они собирали пошлины какъ съ прихожанъ, такъ съ самаго духовенства въ пользу архіерея; наконецъ, имъ принадлежало право административнаго надзора за всею жизнью и дѣятельностію духовенства. Обязанность десятильниковъ въ послѣднемъ отношеніи была очень обширна: прежде всего они должны были наблюдать, исполняетъ ли духовенство свои пастьрскія обязанности, и если они видѣли со стороны его какія либо нарушенія этихъ обязанностей, или къ нимъ поступали относительно этого жалобы на священно-церковно-служителей, то десятильники немедленно отдавали виновныхъ на поруки, чтобы тѣ въ извѣстный срокъ стали на судъ предъ святителемъ, сами же по духовнымъ дѣламъ они не могли давать суда и расправы, вся роль ихъ въ этомъ случаѣ ограничивалась полицейскимъ надзоромъ, отдачею на поруки и донесеніемъ архіерею о всемъ случившемся. Каждый десятильникъ обязанъ былъ наблюдать, чтобы всѣ священно и церковно-служители его десятины имѣли у себя ставленные грамоты, въ которыхъ по этому и прописывалось, что посвященный священникъ и дьяконъ, поступающій въ извѣстный приходъ, долженъ напередъ предъявить свою ставленную мѣстному десятинику ²⁾. Точно также священникъ или дьяконъ при переходѣ отъ одной церкви къ другой, въ предѣлахъ одной епископії, или при переходѣ въ другую епархію, не могъ отправлять своихъ обязанностей, не предъявивъ

¹⁾ А. И. 1, № 998.

²⁾ Образецъ ставленныхъ грамотъ. А. Ю. № 385—388.

ши напередъ десятильнику такъ называемой отпускнуой грамоты, въ которой обыкновенно предписывалось получившему ее, по прибытіи въ новый приходъ, немедленно предъявить ее мѣстному десятильнику ¹⁾. Десятильники обязаны были за тѣмъ смотреть, чтобы вдовы священники и дьяконы, нашедшіеся при приходскихъ церквахъ, имѣли у себя такъ называемыя епитрахильныя, а дьяконы—грамоты ²⁾. Все же тѣ лица, которыя не имѣли указанныхъ грамотъ, немедленно отсылались десятильниками, для рѣшенія дѣла, къ самому архіерею. Наконецъ, на обязанности десятильниковъ лежало: выдавать такъ называемыя вѣчныея памяти ³⁾, т. е. письменное, съ приложеніемъ печати отъ десятильника, разрѣшеніе священнику новѣнчать извѣстныхъ лицъ; каждая, такимъ образомъ выданная, память оплачивалась извѣстными пошлинами, которыя поступали въ архіерейскую казну ⁴⁾. Обыкновенно приходское духовенство всеми средствами старалось скрыть отъ десятильника настоящее число свадебъ и само пользовалось тѣми пошлинами, которыя шли отъ памятей въ пользу архіерея и десятильника, на что мы не разъ встрѣчаемъ жалобы въ архіерейскихъ грамотахъ ⁵⁾.

Обязанности десятильниковъ, какъ онѣ сложились до стоглаваго собора, послѣднимъ были значительно измѣнены, и десятильники послѣ стоглава явились иными, чѣмъ они были прежде. Область юрисдикціи десятильниковъ до половины XVI вѣка стоглавъ опредѣляетъ такимъ образомъ: «а что въ митрополю, и въ архіепископьяхъ и въ епископьяхъ, по которымъ городомъ и десятинамъ искони вѣчно уставлены и жили десятильники при великихъ чудотворцахъ Петрѣ и Алексѣй и Іовѣ, и прежде ихъ, и по нихъ, и днесъ, а вѣдали и судили весь священническій чинъ, и все причты церковныя и прочихъ людей, по ряднымъ и по духовнымъ, и въ грабежѣхъ, опричь духовныхъ дѣлъ» ⁶⁾. Изъ приведенныхъ словъ стоглава видно, что ко времени этого собора уже во всехъ епархіяхъ русской церкви десятильники имѣли всеми официально признанное право вѣдать и судить ду-

¹⁾ Образцы отпускныхъ грамотъ—А. Ю. № 389, 390. А. до Ю. б. II, № 219.

²⁾ Образцы епархіальныхъ грамотъ. А. Ю. № 391.

³⁾ Образцы вѣчныхъ памятей. А. Ю. № 403, 408.

⁴⁾ А. И. I, № 153, 241; IV, № 151. А. Э. I, № 193. III, № 109, 173; IV, № 103. А. до Ю. б. I, № 43.

⁵⁾ А. Э. IV, № 42.

⁶⁾ А. И. I, № 153.

ховенство во всехъ дѣлахъ, кромѣ собственно духовныхъ. Свой судъ и расправу надъ духовенствомъ они производили одиночно, только съ помощію своихъ тиуновъ и доводчиковъ, что допускало полную возможность злоупотребленій со стороны десятильниковъ, и духовенству приходилось не мало терпѣть отъ ихъ несправедливостей и притѣсненій. Въ виду этого, стоглавый соборъ постановилъ: «и нынѣ по тѣмъ городомъ въ митрополю, и въ архіепископьяхъ, и въ епископьяхъ быти десятильникомъ потомужъ, а судити имъ священниковъ и дьяконовъ, и все причты церковныя, и мірскихъ людей, по ряднымъ грамотамъ и по духовнымъ, и по кабаламъ, и въ покладажѣхъ, и въ боѣхъ, и въ грабежѣхъ, опричь духовныхъ дѣлъ; а у нихъ быти на судѣ старостамъ, священникомъ и десяцкымъ, по два или по три, да старостамъ земскимъ и цѣловальникомъ и земскимъ діаконъ, которымъ царь и государь повелитъ: и тѣмъ старостамъ и цѣловальникомъ, и земскому діаку, съ тѣхъ судныхъ дѣлъ списывать противни, слово въ слово, да дрѣжати ихъ у себя; а къ тѣмъ епискомъ десятильники руки свои прикладываютъ, а ихъ діакъ земской, или сами старосты и цѣловальники, къ тѣмъ суднымъ спискомъ, которые у десятильниковъ останутца, потомужъ руки свои прикладываютъ и печати, чтобы было бережно и тѣхъ бы дѣлъ не переписывали... А въ которыхъ дѣлѣхъ невозможно имъ тамо управу учинити, и они обоимъ истцомъ сроговъ чинятъ стати передъ святителемъ: и святители выслушавъ списокъ, да потому имъ управу чинятъ» ¹⁾. Такимъ образомъ стоглавымъ соборомъ утверждено за десятильниками прежнее ихъ право: давать судъ и расправу духовенству по всемъ дѣламъ, кромѣ духовныхъ, и мірянамъ по дѣламъ, отданнымъ вѣдѣнію церкви уставами Владиміра и Ярослава, такъ что обязанности ихъ въ этомъ отношеніи остались тѣже. Но такъ какъ десятильники, при исполненіи своихъ судебныхъ обязанностей, допускали множество злоупотребленій, то для ихъ ограниченія соборъ уничтожилъ одиночный до того времени судъ десятильниковъ постановленіемъ, что судъ не можетъ состояться, если на немъ нѣтъ представителей отъ духовенства и земства, которые должны были контролировать все судебныя дѣйствія десятильниковъ и, въ случаѣ не правильнаго веденія процесса, дѣлать десятильникамъ внушеніе, и если они не послу-

¹⁾ А. И. I, № 153, стр. 273.

шаютъ, то доносить о нихъ архіереямъ и царю ¹⁾). Относительно второй важнѣйшей обязанности десятильниковъ, стоглавъ говоритъ: «а что прежь сего, въ митрополїи, и въ архіепископьяхъ и епископьяхъ, ѣздили по городомъ и десятинамъ десятиники и заѣзщики, а собирали на святителей дань по книгамъ, и свои пошлины по грамотамъ и по книгамъ по старинѣ, и въ томъ священникомъ и діакономъ отъ десятильниковъ и заѣзщиковъ была нужда великаа и продажа». Если соборъ, зная о злоупотребленіяхъ десятильничьяго суда, все таки оставилъ его за ними, ограничивъ ихъ произволь участіемъ въ ихъ судѣ выборныхъ отъ духовенства и земства, то относительно сбора пошлинъ десятильниками онъ, повидимому, рѣшительно не находить средствъ ограничить и устранить ихъ злоупотребленія въ этомъ отношеніи, и потому рѣшился совершенно устранить ихъ отъ этого дѣла, поручивъ его выборнымъ десятскимъ священникамъ, земскимъ старостамъ и цѣловальникамъ: «а отнынѣ и впредь, говоритъ соборъ, по цареву и великаго князя совѣту и по соборному уложенію, въ митрополїи, и въ архіепископьяхъ и въ епископьяхъ десятильникамъ и заѣзщикамъ по тѣмъ городомъ и десятинамъ не ѣздити, а уставити по тѣмъ городамъ по всемъ и десятинамъ десятицкихъ священниковъ, да старость земскихъ и цѣловальниковъ, которымъ царь и государь прикажетъ, и тѣ старосты и цѣловальники, съ тѣми десятицкими священники, святительскую дань и десятильничїи и заѣзщичїи пошлины собираютъ по книгамъ и по грамотамъ, опричь вустого и льготныхъ жалованныхъ и торханныхъ грамотъ, до собравъ то, отдадутъ сполна святителемъ, съ году на годъ, на Рождество Христово, или на сборъ; а чего сполна не приведутъ по книгамъ, и святителямъ то велѣти доправлявати на тѣхъ земскихъ старостахъ, и на поповскихъ и на цѣловальникѣхъ, безпенно, по цареву и великаго князя указу» ²⁾). Отмѣнивъ обязанность десятильниковъ собирать пошлины и возложивъ ее на старость поповскихъ и

¹⁾ «А учнутъ десятильники не въ правду судити, посулы имати, и дѣламъ волочити и продажу чинити: и старостахъ и цѣловальникамъ, съ тѣми священники, которые съ ними въ судѣ сидятъ, и земскому діаку, о томъ имъ говорити, чтобы судили въ правду и посуловъ неимали, а не послушаютъ ихъ, и старостахъ о томъ писати къ царю государю, и тѣмъ десятильникамъ отъ царя и государя и отъ святителей быти въ великой опалѣ а взятое велѣти на тѣхъ доправити втрое, по цареву судебнику, да и десятина у него отнати». (—стр. 276).

²⁾ А. И. I, № 155, стр. 276.

земскихъ, соборъ за тѣмъ отнялъ у десятильниковъ и право административнаго надзора за жизнью и дѣятельностію духовенства, за правильнымъ исполненіемъ ими своихъ пастырскихъ обязанностей, возложивъ эту обязанность опять на поповскихъ старость, десятскихъ и пятидесяцкихъ ¹⁾). Правда, соборъ дозволилъ десятильникамъ, когда они вступали въ свою должность, осматривать у городскихъ священниковъ и діаконовъ жалованья, ставленья, благословенныя и отпускныя грамоты, но постановилъ производить этотъ осмотръ грамотъ не иначе, какъ только въ присутствїи поповскихъ старость, земскихъ старость и цѣловальниковъ, которые присутствовали на судѣ у десятильниковъ. Точно также вновь опредѣлявшіеся къ церквамъ священно-служители, или переходившіе отъ одной церкви къ другой, обязаны были предьявлять свои грамоты десятильникамъ, при чемъ платили имъ такъ называемыя переходяя гривны, но опять не иначе, какъ въ присутствїи выборныхъ старость. Что же касается сельскаго духовенства, то оно и въ этомъ отношеніи всецѣмъ было освобождено отъ десятильниковъ, которымъ запрещалось даже ѣздить по селамъ; осмотръ всехъ грамотъ у сельскаго духовенства возложенъ былъ, вмѣстѣ съ сборомъ пошлинъ, на выборныхъ поповскихъ старость.

Такимъ образомъ изъ всехъ обязанностей десятильниковъ, которыя принадлежали имъ до стоглава, — права суда надъ духовенствомъ и мірянами по извѣстнымъ дѣламъ, права собирать пошлины съ духовенства и мірянъ, святительскія и свои, права административнаго надзора за жизнью и дѣятельностію духовенства, съ чѣмъ соединялось и право осматривать грамоты у всего городского и сельскаго духовенства и брать за это пошлины, стоглавымъ соборомъ оставлены за десятильниками главнымъ образомъ только судебныя обязанности и право осматривать разныя грамоты у городского и вновь поступающаго къ извѣстной церкви духовенства, при чемъ какъ самый судъ, такъ и осмотръ грамотъ производился не иначе, какъ въ присутствїи выборныхъ отъ духовенства и земства, такъ что и въ этомъ отношеніи власть и значеніе десятильниковъ значительно сѣнялась и ограничивалась. Очевидно, что, по мысли стоглаваго собора, за десятильниками должны были быть оставлены исключительно судебныя обязанности; они должны были жить постоянно только въ городахъ и составлять изъ себя постоянное низшее судебное отдѣ-

¹⁾ А. И. I, № 155, стр. 277.

леніе для лицъ духовныхъ, но всѣмъ дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ, кромѣ татѣбы съ поличнымъ, разбоя и убійства. для всѣхъ мірскихъ лицъ извѣстной десятины по всѣмъ дѣламъ, предоставленнымъ вѣдѣнію церкви уставами Владиміра и Ярослава; всѣ же другія обязанности, лежавшія прежде на десятильникахъ, теперь переданы были поповскимъ старостамъ, обязаннымъ кромѣ того контролировать и самыя судебныя дѣйствія десятильниковъ. Нельзя не видѣть въ этихъ постановленіяхъ стоглаваго собора параллели съ реформами Грознаго относительно земства; но какъ послѣднія не имѣли въ себѣ жизни и скоро потеряли свое значеніе, такъ было и съ реформами въ церковномъ управленіи, въ частности—съ постановленіями стоглава о десятильникахъ. Прежде всего постановленія стоглаваго собора сильно не понравились, конечно, самимъ десятильникамъ, которые чрезъ нихъ лишились своей прежней силы и значенія; прежде всемогущій десятильникъ, гроза и страхъ всего духовенства, облеченный властію судебною, финансовою и административною, теперь долженъ былъ снизойти на степень простаго судьи, и то не безконтрольнаго, какъ прежде. Естественно, что десятильники, всѣми зависящими отъ нихъ средствами, старались вернуть себѣ отнятыя у нихъ права и власть надъ духовенствомъ. Они доносили архіереямъ, что поповскіе старосты не собираютъ всѣхъ, должныхъ архіерею, пошлинъ съ духовенства, что они скрываютъ отъ архіерея различныя безпорядки въ церковной жизни, что духовенство, вслѣдствіе ослабленія надъ нимъ надзора, допускаетъ, напримѣръ, совершеніе не законныхъ браковъ, за которые ему хорошо платятъ, но о чемъ поповскіе старосты не доносятъ святителямъ и проч., словомъ, десятильники постоянно доносили архіереямъ, что, съ устраненіемъ ихъ отъ сбора пошлинъ съ духовенства и надзора за его жизнью и дѣятельностію, архіерейская казна постоянно терпѣла громадный ущербъ, духовенство въ исполненіи своихъ обязанностей допускало множество злоупотребленій, которыя не только оставались безнаказанными, но и неизвѣстными святителямъ, отчего вся церковная жизнь разстраивалась. Понятно, что къ подобнымъ заявленіямъ десятильниковъ архіерей не могли остаться равнодушными, тѣмъ болѣе, что эти заявленія имѣли значительную долю истины. Духовенство, какъ податное относительно архіерея, пользовалось всякимъ случаемъ не платить ему всѣхъ слѣдующихъ пошлинъ, поповскіе старосты, съ своей стороны, какъ члены того же духовенства, связанные съ нимъ общностью интересовъ и сами не

охотно платившіе подати, принимали ближе къ сердцу интересы духовенства, нежели казну архіерейскую. Какъ вышедшіе изъ среды того же духовенства и потому необходимо раздѣлявшіе его недостатки, поповскіе старосты мало обращали вниманія на беспорядочную жизнь подвѣдомственнаго имъ духовенства, нерѣдко скрывали отъ архіереевъ проступки духовныхъ лицъ противъ ихъ пастырскихъ обязанностей, умащивали о противъ церковныхъ ихъ дѣйствій, особенно относительно дѣлъ брачныхъ, когда священники дозволяли себѣ вѣнчать лица, находящіяся въ духовномъ родствѣ, или вступавшія въ четвертый и даже въ пятый бракъ. Всѣ указанные обстоятельства располагали архіереевъ къ тому, чтобы обойти на практикѣ постановленія стоглаваго собора о десятильникахъ и оставить за ними ихъ прежнее значеніе и обязанности въ епархіальномъ управленіи, какъ это было до стоглаваго собора. Къ тому же побуждало архіереевъ и неотразимое вліяніе всей окружающей ихъ государственной жизни. Хотя Грозный и далъ земству извѣстную степень самоуправленія; но въ то же время онъ основнымъ началомъ московскаго единодержавія поставилъ принципъ, такъ характерно выраженный имъ въ словахъ «а жаловати есмя своихъ холопей вольны, а казнити вольны жъ есмя»,—естественнымъ и необходимымъ слѣдствіемъ чего была самая строгая централизація, исключавшая всякое земское самоуправленіе. Церковная жизнь, не могшая стоять внѣ жизни государственной, по тѣсной связи съ нею, естественно, подчинилась ея вліянію, такъ что принципъ строгой централизаціи, проникавшій все государственное управленіе и уничтожавшій всякую свободу земства, естественно, былъ во всей силѣ усвоенъ и въ церковномъ управленіи, гдѣ выборъ самимъ духовенствомъ изъ среды своей поповскихъ старостъ, основывавшійся на совершенно противоположномъ принципѣ—самоуправленіи общества, естественно, долженъ былъ потерять все свое значеніе, и самые поповскіе старосты должны были уступить мѣсто назначаемымъ отъ архіерея, какъ центральной, абсолютной относительно духовенства власти, десятильникамъ, которые такимъ образомъ, въ силу указанныхъ обстоятельствъ, должны были получить ихъ прежнее значеніе, какое они имѣли до 1551 года. Дѣйствительно, всѣ постановленія стоглаваго собора о десятильникахъ не имѣли почти никакого практическаго значенія въ послѣдующей жизни. Постановленіе собора, чтобы десятильники производили судъ не одиночно, а въ присутствіи и отчасти подъ контролемъ выборныхъ поповскихъ старостъ,

земскихъ старость и цѣловальниковъ, кажется, никогда не соблюдалось на практикѣ, по крайней мѣрѣ, мы нигдѣ не находимъ указаній на это. Соборъ вовсе устранилъ десятильниковъ отъ сбора пошлинъ и даже запретилъ имъ вѣзжать въ села, между тѣмъ на дѣлѣ десятильники по прежнему собирали по десятинамъ свои и архіерейскія пошлины, такъ что почти во всѣхъ жалованныхъ архіерейскихъ грамотахъ различнымъ церквамъ и монастырямъ, вскорѣ послѣ стоглаваго собора, десятильники опять являются въ качествѣ сборщиковъ податей, а о поповскихъ старостахъ грамоты почти вовсе и не упоминаютъ. Такъ, въ жалованной грамотѣ новгородскаго архіепископа Леонида 1572 г. Николаевскому особному монастырю сказано: «не надобѣ имъ платить мой подвѣздъ, ни благословенная куница, ни иные нѣкоторые пошлины, такъ же и десятинники мои корму и дару и всѣхъ своихъ пошлинъ, съ нихъ не емлютъ» ¹⁾. Въ тарханной грамотѣ новгородскаго архіепископа Александра Сяндомской пустыни 1577 года сказано: «и десятинники мои, и всякіе наши посланники, къ нимъ въ пустыню не вѣзжаютъ и не всылаютъ къ нимъ ни по что, и корму и дару и подводъ и проводниковъ и всѣхъ своихъ пошлинъ не емлютъ ничего» ²⁾. Тоже самое говорятъ и другія жалованныя грамоты архіереевъ конца XVI вѣка ³⁾. Отсюда мы вправѣ сдѣлать такое заключеніе, что десятильники и послѣ стоглаваго собора пользовались тѣмъ же значеніемъ, какое они имѣли до этого собора, такъ что поповскіе старосты, долженствовавшіе замѣнить собою во многомъ десятильниковъ, если и были, то не имѣли почти никакого значенія въ епархіальныхъ дѣлахъ. Правда, послѣ стоглаваго собора мы встрѣчаемъ въ московской епархіи вмѣстѣ съ десятильниками и поповскихъ старость, и съ тѣмъ именно значеніемъ, какое придалъ имъ соборъ, т. е. въ качествѣ сборщиковъ податей съ духовенства. Такъ, въ уставной грамотѣ м. Кирилла о пошлинахъ съ церкви архангела Михаила, въ селѣ Верглинскомъ, принадлежащемъ Кириллову монастырю, 1570 года сказано: «который попу учнетъ у той церкви Архистратига Михаила пѣти, не надобеть ему мое сборное, ни Петровское, ни къ старостѣ поповскому съ тяглыми попы не тянетъ, а десятинники мои его не судятъ» ⁴⁾. Тоже говорится въ жалован-

¹⁾ А. И. I, № 181.

²⁾ А. И. I, № 197.

³⁾ А. И. I, № 198, 199, 203, 205, 208, 210, 231, 234, и др.

⁴⁾ А. Э. I, № 278.

ной грамотѣ м. Антонія Кириллову монастырю о пошлинахъ съ Рождественской церкви въ селѣ Куралниѣ 1572 г. ¹⁾. Но уже въ 1576 году мы встрѣчаемъ посылную грамоту м. Антонія его бѣлозерскому десятильнику, гдѣ послѣднему предписывается: «и какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и тыбы съ тое церкви дани ималъ одинъ алтынъ, а иныхъ пошлинъ ни которыхъ не ималъ» ²⁾. Напротивъ, въ жалованной грамотѣ м. Діонисія Кириллову монастырю объ освобожденіи отъ пошлинъ Покровской церкви въ селѣ Куликовѣ 1585 года сказано: «которой попу учнетъ у тое церкви пѣти, не надобеть тому попу мое сборное, ни Петровское, ни къ старостѣ поповскому съ тяглыми попы не тянетъ, а десятинники мои того попа не судятъ» ³⁾. Изъ указанныхъ свидѣтельствъ видно, что въ областяхъ, подлежащихъ юрисдикціи московскаго митрополита, согласно опредѣленію стоглаваго собора, были избраны поповскіе старосты съ тѣмъ, именно, значеніемъ, какое придалъ имъ соборъ, такъ что должности десятильниковъ, какъ судей, и должности поповскихъ старость, какъ сборщиковъ податей, въ нѣкоторыхъ грамотахъ митрополитовъ второй половины XVI вѣка, различаются очень ясно и опредѣленно; между тѣмъ въ другихъ митрополитическихъ грамотахъ того же времени десятильники, а не поповскіе старосты, являются сборщиками податей. Отсюда можно сдѣлать такое заключеніе, что и въ самой митрополіи постановленія стоглаваго собора о десятильникахъ и поповскихъ старостахъ еще въ XVI вѣкѣ не были уже строго соблюдаемы, что сами митрополиты склонялись на сторону прежняго порядка дѣлъ и возлагали на своихъ десятильниковъ обязанности, исполненіе которыхъ, по опредѣленію стоглаваго собора, должно быть возложено исключительно на поповскихъ старость. Какъ трудно было привести въ исполненіе постановленіе стоглава о поповскихъ старостахъ, это видно, между прочимъ, изъ того, что, по соборному приговору 1551 года поповскіе старосты должны были быть избраны для Москвы ⁴⁾, между тѣмъ въ 1594 году, при Фѣдорѣ Ивановичѣ и патриархѣ Іовѣ, снова является соборный приговоръ о выборѣ поповскихъ старость для Москвы ⁵⁾. Понятно само собою, что если уже въ XVI вѣкѣ

¹⁾ А. Э. I, № 285.

²⁾ А. Э. I, № 291.

³⁾ А. Э. I, № 225.

⁴⁾ А. Э. I, № 252.

⁵⁾ А. Э. I, № 360.

постановленія стоглаваго собора о десятильникахъ и поповскихъ старостахъ не соблюдались даже въ самой митрополіи, то въ XVII вѣкѣ эти постановленія и вовсе были забыты, такъ что во всѣхъ епархіяхъ, не исключая и патриаршей, десятильники въ XVII вѣкѣ существовали съ тѣми же правами и обязанностями, какими они пользовались до стоглаваго собора. Въ 1601 году игумень Іосифова монастыря, Вассіанъ, жаловался патр. Іову, что его десятильники въ вотчинной слободѣ Осташковой, на поспѣхъ церковную дань и свои десятильничьи пошлины не по его (патриарха) наказу и не по книгамъ емлютъ, и впредь деи той церкви попамъ безъ жалованнаго грамоты отъ десятильниковъ прожити не мочно¹⁾. Въ царской жалованной грамотѣ новгородскому митрополиту 1622 г. сказано: «и посылати ему (митрополиту) въ тѣ города и мѣста и уѣзды своихъ дѣтей боярскихъ десятильниковъ, и дань церковная софѣйская казна, подѣздъ и десятина, и благословенная, и новичныя и переходя гивны и вѣчная пошлина сбирати по прежнему по книгамъ... весь причетъ церковный вѣдаетъ и судить богомолецъ нашъ Макарей митрополитъ Новгородскій и Великолуцкій самъ и его приказные люди и десятильники.... а для укрѣпленія въ безчинствѣ и судныхъ духовныхъ дѣлъ во всѣхъ городѣхъ живуть его приказные люди, во весь годъ, безъ съѣзду или какъ укажетъ богомолецъ нашъ Макарей митрополитъ»²⁾. Тоже сказано въ другой царской жалованной грамотѣ тому же новгородскому митрополиту Макарію 1623 г.³⁾. Такимъ образомъ, въ XVII вѣкѣ постановленія стоглаваго собора о десятильникахъ и поповскихъ старостахъ были совершенно забыты, дѣла шли по прежнему, какъ было «изстари», т. е. десятильники, по старому, единолично творили судъ и расправу, по прежнему продолжали сами собирать свои и архіерейскія пошлины, надзирали за жизнью духовенства, правильнымъ исполненіемъ имъ своихъ пастырскихъ обязанностей и пр. Понятно, что, съ возстановленіемъ десятильниковъ въ ихъ прежнихъ правахъ, воскресли и ихъ злоупотребленія и всевозможныя притѣсненія духовенства, об искорененіи чего такъ старался стоглавыи соборъ; вмѣстѣ съ этимъ, конечно, появились снова горькія жалобы духовенства на свое тяжелое, безвыходное положеніе отъ притѣсненій десятиль-

1) А. Э. II, № 14.

2) А. Э. III, № 123.

3) А. Э. III, № 139.

никовъ. Но только уже въ 1667 году большой московскій соборъ снова обратилъ свое вниманіе на это ненормальное положеніе дѣлъ и рѣшилъ положить ему конецъ общимъ постановленіемъ, чтобы свѣтскія лица вообще не участвовали въ епархіальномъ управленіи. Это постановленіе собора 1667 года не было однако приведено въ исполненіе до 1675 года, кромѣ новгородской епархіи, гдѣ десятильники вполне замѣнены были поповскими старостами въ 1673 году, какъ это видно изъ наказной грамоты новгородскаго митрополита Іоакима поповскому старостѣ¹⁾. Соборомъ 1675 года сдѣлано было слѣдующее рѣшительное постановленіе относительно уничтоженія десятильниковъ и замѣны ихъ поповскими старостами: «а въ нашу епархію въ города и уѣзды, управленія ради церковнаго и всякихъ духовныхъ дѣлъ и ради церковныхъ даней и вѣчныхъ пошлинъ и всякихъ нашихъ патриаршихъ сборовъ наши дворяне и дѣти боярскіе да не вѣзжаютъ... вѣдомо учинилось: для тѣхъ денежныхъ сборовъ и церковныхъ даней и для всякихъ архіерейскихъ доходовъ, посылаемы были въ наказы десятильники, наши дворяне и дѣти боярскіе, а отъ митрополитовъ и архіепископовъ и епископовъ десятильниками жъ дѣти боярскіе и всякіе мірскіе люди, и отъ нихъ объявилось всякое безчиніе, ко священному чину налоги и обругательство и убытки; сверхъ указныхъ статей имали лишніе сборы: того ради тѣхъ мірскихъ людей не посылать, а посылать ихъ на непослушниковъ и непокорниковъ, идѣже таковыи духовнаго чину обрящутся противницы, и архіерейскому повелѣнію непослушники»²⁾. Такимъ образомъ, по смыслу постановленія

1) Въ этой грамотѣ новгородскаго митрополита Іоакима говорится: новгородскаго уѣзду, въ своей епархіи въ городѣхъ и въ пятинахъ, куда прежде сего для сбора Софѣйскія казны, церковныя дани посылаемы были десятильники, Софѣйскаго дому приказные и дѣти боярскіе, на нынѣшней на 182 годъ и впредь, по окладнымъ книгамъ сбирать поповскимъ старостамъ и защикомъ, для того что они десятильники вѣздачи для сбора церковныя дани попомъ съ причетники чинили убытки большіе, сверхъ указанныхъ десяти алтынъ имали свои десятильничьи доходы лишніе, и вѣзду, и подводы; и за десятильничьи ихъ доходы и за вѣздъ и за подводы указалъ великій господинъ преосвященный Іоакимъ, нынѣ и впредь сбирать имъ въ жалованье, противъ церковныя дани по окладнымъ книгамъ; и для того десятильниковъ не посылать, а собравъ тѣ деньги привозить въ Великій Новгородъ въ митрополию казенной приказъ, вмѣстѣ съ церковною данью, а изъ казеннаго приказу тѣ десятильничьи доходы отдавать по росписемъ десятильникомъ, Софѣйскаго дому приказнымъ и дѣтемъ боярскимъ, съ роспискою въ жалованье на два года, кто чѣмъ пожалованъ будетъ. (А. И. IV, № 240).

2) А. Э. IV, № 204, стр. 261.

собора 1675 года, десятильники рѣшительно устранялись отъ всякаго участія въ епархіальныхъ дѣлахъ, ихъ должны были замѣнить выборные изъ духовенства поповскіе старосты и за-кащики. Впрочемъ, не смотря на рѣшительное соборное постановленіе объ устраненіи десятильниковъ отъ всѣхъ епархіальныхъ дѣлъ, оно не скоро приведено было въ исполненіе, особенно въ отдаленныхъ епархіяхъ. Такъ, въ 1697 году мы встрѣчаемъ десятильниковъ изъ дѣтей боярскихъ у Игнатія, митрополита сибирскаго и тобольскаго, которые дозволяли себѣ самыя возмутительныя дѣйствія и всевозможныя безчинства по городамъ и уѣздамъ епархіи, вызвали всеобщее негодованіе и жалобы населенія, такъ что изданъ былъ особый царскій указъ, которымъ митрополиту рѣшительно запрещалось снова посылать по епархіи десятильниковъ ¹⁾. Съ этого времени мы уже не встрѣчаемся болѣе съ десятильниками, и самое ихъ, ненавистное духовенству, имя исчезло вмѣстѣ съ ними;—десятильничьи дворы по городамъ были, съ теченіемъ времени, переименованы въ духовныя управления.

Десятильники, какъ это видно изъ сдѣланнаго обзоренія ихъ правъ и обязанностей, занимали собственно низшую ступень въ церковной администраціи древней Руси, но, не смотря на это, вслѣдствіе своей близости къ духовенству, обширности власти надъ нимъ, они играли самую видную роль во всемъ епархіальномъ управленіи и особенно въ жизни низшаго духовенства, какъ бѣлаго, такъ и чернаго. Они судили духовенство, собирали съ него подати, наблюдали за его жизнію и правильнымъ исполненіемъ имъ своихъ пастырскихъ обязанностей, и такимъ образомъ имѣли надъ нимъ власть судебную, финансовую и административную. При такой всесторонней зависимости низшаго духовенства отъ десятильниковъ, послѣднимъ открывалась полная возможность злоупотреблять своею обширною властію,—и они дѣйствительно злоупотребляли ею. Десятильникъ соединялъ въ своемъ лицѣ власть административную и судебную, онъ былъ въ одно и тоже время обвинителемъ и судіею. При такомъ положеніи дѣлъ было вполнѣ естественно, что обвиняемое лицо всегда находилось въ полной безусловной власти десятильника, а между тѣмъ самый судъ былъ одною изъ доходныхъ статей для десятильника, отъ каждаго суднаго дѣла онъ, по закону, получалъ извѣстный процентъ, поэтому, привлекать

къ суду какъ можно болѣе лицъ, хотя бы и несправедливо, было прямо въ его интересѣ. Очевидно, что ни одно лицо, подчиненное юрисдикціи десятильника никогда не могло считать себя обезпеченнымъ отъ его произвола и насилія,—онъ былъ въ одно время обвинителемъ и судіею, съ каждымъ суднымъ дѣломъ былъ связанъ его личный интересъ. Контроля надъ судными дѣйствіями десятильника, почти никакого не было; онъ отвѣтственъ былъ за свои дѣйствія только предъ архіереемъ, ему одному и можно было жаловаться на незаконныя дѣйствія десятильниковъ. Но не даромъ говорить пословица, что «до Бога высоко, до царя далеко»,— архіерей въ то время былъ очень высокъ и далекъ для бѣднаго сельскаго духовенства, тѣмъ болѣе, что его всегда облегало цѣлое облако жадныхъ архіерейскихъ служителей, которые пользовались всякимъ случаемъ обирать и притѣснять духовенство, такъ что послѣднее иногда издерживало въ Москвѣ всѣ свои средства и все таки не успѣвало получить удовлетворенія. Какъ трудно было сельскому священнику получить доступъ къ самому святителю, это видно изъ приведенной нами выше ¹⁾ жалобы духовенства, поданной Алексѣю Михайловичу о патріаршемъ дякѣ Кокوشيловѣ. Въ этой жалобѣ духовенства, между прочимъ, говорится и слѣдующее: «перехожая становилась иному беззаступному пону рублей по шести, по семи по десяти и по пятнадцати, кромѣ своего харчу; волочились недѣль по двадцати и по тридцати, а иной бѣдный человекъ поживетъ въ Москвѣ недѣль десять и болѣе да и проѣстъ рублей пять, шесть и больше и уѣдетъ безъ перехожей: многіе по два и по три раза для перехожихъ въ Москву прѣзжали, а безъ нихъ попади и дѣти ихъ скитаются межъ дворовъ. И священники отнюдь изъ воли отъ церкви къ церкви переходятъ, изо ста не найдется няти человекъ поповъ, которые бы перешли изъ воли, безъ гоненія, всѣ переходятъ рыдая и плача» ²⁾ и пр. При такомъ положеніи дѣлъ было вполнѣ естественно, что десятильникъ судилъ и рядилъ духовенство на всей своей волѣ, не боясь отвѣтственности за самыя вопіющія злоупотребленія своей власти,— не подъ силу съ нимъ было тягаться предъ архіереемъ бѣдному, загнанному духовенству, и потому судъ десятильника, въ большинствѣ случаевъ, являлся судомъ Шемяки. О святительскихъ судьяхъ и въ частности о десятильникахъ такъ говорилъ

¹⁾ В. С. З. № 1601.

¹⁾ См. стр. 92.

²⁾ Солов. XI, стр. 253.

царь на стоглавомъ соборѣ: «у васъ же убо святителей бояре и дьяки и тиуны и десятильники и недѣльщики судятъ и управу чинятъ неправо и волочатъ и продаютъ съ ябедники со одного; а десятильники поповъ по селамъ продаютъ безмилости, и дѣла составляютъ съ ябедники со одно и церкви отъ десятильниковъ и отъ ихъ великихъ продажъ стоятъ многіе пусты безъ пѣнія и поповъ нѣтъ»¹⁾. Попытка Стоглава ограничить злоупотребленія десятильничьяго суда чрезъ введеніе въ него выборныхъ отъ духовенства и земства, которые бы контролировали судныя дѣйствія десятильниковъ, какъ мы видѣли, не имѣла никакого практическаго значенія, такъ что десятильники и послѣ Стоглава продолжали творить судъ и расправу однолично, безъ участія выборныхъ отъ духовенства и земства, а потому и злоупотребленія ихъ суда остались въ прежней силѣ и прекратили свое существованіе только вмѣстѣ съ самими десятильниками.

Какъ ни велики и ни тягостны были злоупотребленія десятильничьяго суда, но все таки отъ нихъ страдало не все духовенство, а только лица, которыя подвергались судебному преслѣдованію; отъ поборовъ же десятильниковъ терпѣло все духовенство, безъ исключенія. Десятники обыкновенно жили по городамъ, гдѣ они имѣли свои, такъ называемые, десятильничьи дома, отсюда два раза въ годъ²⁾ они объѣзжали свои десятины, посѣщая всѣ монастыри и приходы, обязанные имъ и архіереямъ извѣстною данью³⁾. Пошлины, собираемыя десятильниками въ свою пользу, были очень значительны и разнообразны, притомъ онѣ съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе увеличивались. Въ уставной грамотѣ Василя Дмитріевича съ м. Кипріаномъ сказано: «а десятинику на десятину насѣдъ

имати за вѣздное, и за Рождественское и за Петровское, пошлины шесть алтынъ, а болѣ того не надобѣ ничего»¹⁾. Въ уставной грамотѣ м. Макарія о пошлинахъ съ сельскихъ церковей Николаевскаго Песношскаго монастыря 1542 года сказано: «а десятинику моему даетъ попь на тотъ же срокъ, на Рождество Христово семь алтынъ, за всѣ его десятиничьи пошлины, за кормы и за осенній проѣздъ, то ему и съ тиуномъ и доводчиковъ на весь годъ, а коли явить тотъ попь грамоту моему десятинику на вѣздъ, и онъ даетъ ему вѣзжаго и за явленную куницу пять алтынъ, то ему и съ тиуномъ и съ доводчикомъ на весь годъ»²⁾. Въ одной жалованной грамотѣ 1543 года сказано: «за десятиникомъ нашимъ (даютъ) за кормъ и за даръ и за всѣ дѣсятиничьи пошлины патнацать алтынъ и двѣ деньги»³⁾. Въ жалованной грамотѣ м. Антонія Кириллову монастырю 1572 г. сказано: «а десятинику моему даетъ тотъ попь, на тотъ же срокъ на Рождество Христово десять денегъ, то ему и за вѣзжее, и за явленную куницу, и за осенней проѣздъ, и за всѣ его пошлины и съ тиуномъ и съ доводчикомъ на весь годъ»⁴⁾. Тоже говорится и въ другихъ подобныхъ грамотахъ⁵⁾. Десятники не всегда собирали свои пошлины деньгами, но иногда и натурою; платежъ натурою вѣроятно былъ древнѣйшій, а расплата деньгами, какъ болѣе удобная, введена уже, сравнительно, въ позднѣйшее время⁶⁾. О десятильничьихъ пошлинахъ, получаемыхъ натурою, даетъ представленіе тарханная грамота новгородскаго архіепископа Леонида Николаевскому монастырю, въ городѣ Орѣшкѣ 1573 года, гдѣ количество этого рода пошлинъ опредѣляется слѣдующимъ образомъ: «десятинику моему Орѣховскому даетъ тотъ игумень съ братьею и весь причетъ церковный, на всякъ годъ, за хлѣбы полкоробья ржи, а за колочи четвертку ишеницы, за ниво четвертку жита, да полоть мяса, не любо полоть ино пять денегъ ноугородцкая, да за кура и за соль и за крупы двѣ денги ноугородцкіе, да коробья овса, да... сѣна, да гривну ноугородцкую дару»⁷⁾. Только во второй по-

¹⁾ Стоглавъ, стр. 53. Казань.

²⁾ А. Э. I, № 9, 194, 278.

³⁾ Десятины, на которыя дѣлились епархіи, вѣроятно близко подходили къ тогдашнимъ уѣздамъ, ибо мы встрѣчаемъ названія: Володимірская, Нижегородская, Ржевская десятина. Вся десятина приписывалась къ одной какой нибудь церкви, которая поэтому и называлась десятильничьею. Дома десятильниковъ обыкновенно строились въ городахъ. Въ патриаршей епархіи мы встрѣчаемъ десятильничьи дворы въ Брянскѣ, Вереѣ, Владимірѣ, Костромѣ, Переславлѣ—Залѣскомъ и пр., встрѣчаемъ названіе десятинь: Радонежская, Вахонская, Пехрянская, Хатунская, Темниковская, Краснослободская и проч. (Оп. архива минист. юстиціи Калачова, т. II, № № 23, 33, 50, 81, 125, 127, 128, 141, 156, 196).

¹⁾ А. Э. I, № 9.

²⁾ А. Э. I, № 197.

³⁾ А. И. I, № 142.

⁴⁾ А. Э. I, № 285.

⁵⁾ А. Э. I, № № 296, 319, II, № № 14, 17 и др.

⁶⁾ О жалованьи десятинику и доводчику бѣлками упоминается еще въ 1535 г. А. до Ю. б. II, № 177—1.

⁷⁾ А. И. I, № 187.

ловинѣ XVII вѣка всѣ десятильничьи пошлины были повсюду переложены на деньги, и одинаково, во всѣхъ епархіяхъ, благодаря особому предписанію патріарха Іоакима. Какъ можно видѣть изъ приведенныхъ свидѣтельствъ, десятильничьи пошлины, были, во первыхъ, для различныхъ церквей довольно различны, смотря по средствамъ той или другой церкви; эти средства церквей приводились въ извѣстность посредствомъ описей приходоу, которыя, время отъ времени, производились особо посылаемыми дѣтьми боярскими; сообразно этимъ описямъ и производилась раскладка пошлинъ по церквамъ, чтобы, какъ говорится въ грамотахъ, однимъ церквамъ полегчить подати, другимъ прибавить. Во вторыхъ, приведенныя свидѣтельства показываютъ, что пошлины, которыя десятильники собирали, въ свою пользу деньгами или натурою, были довольно значителъны, и съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе увеличивались, а между тѣмъ этими только пошлинами еще далеко не исчерпывались тѣ повинности, которыя духовенство несло относительно десятильниковъ. Отдавши десятильникамъ деньгами или натурою прямыя пошлины, духовенство еще обязано было: а) строить и исправлять десятильникамъ ихъ, такъ называемые, десятильничьи дворы ¹⁾; во время наѣздовъ десятильниковъ духовенство обязано было содержать ихъ со всею свитою на свой счетъ, давать имъ подводы и проводниковъ, а когда ѣхали водою, то гребцовъ ²⁾. Какъ велика была свита десятильника, во время его объѣздовъ десятины, видно изъ того, что одна жалованная грамота 1543 года велитъ имъ брать у духовенства корму только на десять коней, и подъ архіерейскую казну одну только лошадь и одного проводника ³⁾. Очевидно, что содержаніе десятильника и его многочисленной свиты и прислуги, задариваніе и подарки всѣмъ

¹⁾ Въ одной тарханной грамотѣ новгородскаго митрополита 1592 г. сказано: «а дворъ десятильничъ въ торжку они ставятъ, съ новоторжскими, посадскими и селскими попы и діаконы и съ причетники, по вытню, по своему приходомъ, по расчету (А. И. I, № 241). Въ другой грамотѣ 1592 г. да сказано: и въ дворовую подѣлку десятильничю, въ Торжокъ, даютъ по расчету съ новоторжскими посадскими и селскими попы и съ причетники, по вытню, по приходу своему Кузюдемьяновскому». (А. И. I, № 240).

²⁾ А. И. I, № 210.

³⁾ «А конскаго корму имати имъ, сказано между прочимъ въ этой грамотѣ, на десятеро коней полкоробьи овса, да острамокъ сѣна... а подъ нашу казну имати у нихъ нашимъ заволотцскимъ десятильникомъ одна подвода съ проводникомъ». (А. И. I, № 142).

имъ, кормъ болѣе десятка лошадей, доставка проводниковъ, или гребцовъ, требовали очень большихъ издержекъ, со стороны духовенства, особенно если десятильничъ проживалъ въ извѣстномъ приходѣ нѣсколько дней, что случалось, повидимому, не рѣдко, ибо грамоты не разъ предписываютъ десятильникамъ не ночевать въ извѣстномъ приходѣ болѣе одной ночи. Кромѣ этого, десятильники, уѣзжая, обыкновенно забирали себѣ на дорогу «свой и конскій кормъ», на что указываютъ грамоты, наказывающія десятильникамъ «корму своего и конскаго въ сани не положить».

Всѣ нами указанныя пошлины и повинности, которыя духовенство отбывало десятильникамъ, были законныя; но десятильники этими законными, хотя очень многочисленными и обременительными для духовенства, податями недовольствовались, но при всякомъ удобномъ случаѣ рѣшительно грабили и обирали духовенство, которому зачастую становилось совершенно не въ моготу отъ притѣсненій и поборовъ десятильниковъ. Должности десятильниковъ отдавались, обыкновенно, въ кормленіе архіерейскимъ дѣтямъ боярскимъ; архіерей ближайшимъ образомъ требовалъ отъ нихъ того, чтобы они вполне исправно безъ «недобору» собирали съ духовенства святительскую дань и въ то же время сами кормились отъ своей должности, не требуя отъ архіерея никакого другаго жалованья за свою службу у него.

Естественно, что десятильники, съ своей стороны, употребляли всѣ средства, какъ можно болѣе и скорѣе, нажитья отъ подвѣдомственнаго имъ духовенства, при чемъ всевозможныя злоупотребленія съ ихъ стороны съ цѣлю быстрой наживы были очевидно явленіемъ вполне обычнымъ; злоупотребленія необходимо вытекали изъ самой системы, на которой построено было все вообще свѣтское архіерейское чиновничество, именно—изъ системы кормленія. Повидимому духовенство ограждалось отъ излишнихъ поборовъ десятильниковъ тѣмъ, что всѣ приходы епархіи, со всѣми ихъ доходами, были подробно описаны и по этимъ описямъ распределялись пошлины съ церквей, для чего имѣлись особыя книги. Въ этихъ описныхъ книгахъ подробно обозначалось сколько пошлинъ архіерейскихъ и десятильничьихъ нужно было получить съ извѣстной церкви, и десятильники, собирая пошлины, обязаны были немедленно записывать въ книгу сколько съ извѣстной церкви они получили пошлинъ, такъ что повѣрить ихъ и усчитать, повидимому, было очень не трудно.

Но, во первыхъ, для описи церквей и приходоѡвъ и для раскладки пошлинь, получаемыхъ съ духовенства, посылались тѣ же дѣти боярскіе, которые назначались въ десятильники, а верѣдко и сами десятильники ¹⁾. Во вторыхъ, грамоты и книги никакъ не могли помочь дѣлу и были совершенно безсильны противъ хищническихъ продѣлокъ десятильниковъ, такъ какъ писать можно было одно, а брать другое (одно другому не препятствовало). Десятильники такъ хорошо были поставлены, что имъ нужно было только пожелать наживаться и обирать духовенство и они могли дѣлать это почти совсѣмъ безнаказанно, — услѣдить всѣ ихъ вымогательства было очень трудно. Они законно могли получать отъ духовенства подарки ¹⁾, и имъ легко было и все, полученное чрезъ вымогательство, выдавать за простой подарокъ, тѣмъ болѣе, что обыкновенно не опредѣлялось точно, въ чемъ должны состоять подарки десятиникамъ отъ духовенства, и потому все полученное чрезъ вымогательство и насиліе могло выдаваться за подарокъ, качество и количество котораго каждый десятильникъ понималъ по своему крайнему разумѣнію. Десятильники могли законно требовать себѣ корму и содержанія, но какъ было точно опредѣлить то и другое? Нѣкоторыя грамоты рекомендуютъ десятиникамъ требовать себѣ корму и содержанія и даровъ «не сильно», сколько было въ мочь давать духовенству, но понятно, что это не могло сдерживать десятильничьихъ вымогательствъ, и они, не смотря на увѣщаніе грамотъ, продолжали «сильно» брать съ духовенства все, что только возможно было взять съ него. Несправедливые, раззорительные для духовенства поборы десятильниковъ были очевидно вполнѣ естественнымъ слѣдствіемъ положенія десятильниковъ среди духовенства и слѣдствіемъ отсутствія всякаго контроля за правильнымъ исполненіемъ ими своихъ обязанностей, относительно низшаго духовенства. Чтобы видѣть, какого рода безчинія иногда позволяли себѣ десятильники надъ духовенствомъ и мірскими подвѣдомственными имъ лицами, мы приведемъ два примѣра, которые наглядно показываютъ, до

¹⁾ Въ одной льготной грамотѣ новгородскаго митрополита 1592 года сказано: «а какъ про тое церковь сыскъ и дозоръ десятильниковъ нашихъ у насъ будетъ, и въ тѣ поры, по тому дозору, на тоѣ церковь наша дань, подѣздъ и десятина положити намъ изъ нова, посмотри по пустотѣ и по приходу тоѣ церкви». (А. И. I, № 234).

²⁾ А. И. I, № 187.

какигъ иногда громадныхъ размѣровъ доходили злоупотребленія и вымогательства десятильниковъ. Нижегородскаго Благовѣщенскаго монастыря строитель, Симеонъ съ братією, жаловался патриарху Іову на нижегородскаго десятильника Андрея Никитина, что тотъ избилъ пришедшаго къ нему монастырскаго слугу, а бывшаго съ слугою крестьянина держалъ въ оковахъ, пока «не вымучилъ съ него два рубля денегъ», что онъ также поступилъ съ чернымъ попомъ: мучилъ его до тѣхъ поръ, пока тотъ не далъ ему денегъ. Этотъ же десятильникъ, пріѣхавъ однажды въ монастырь пьяный, сталъ грабить келью строителя Симеона, таскалъ его за бороду, грозилъ зарѣзать, билъ старцевъ и слугъ, гоняясь за ними съ пожемъ. Онъ совсѣмъ избилъ одного монастырскаго челоѡвѣка и привезъ его на свое подворье, гдѣ, обнаживъ его, велѣлъ привязать его къ сохѣ, бить плетми и кистенемъ, а въ полночь выбросилъ съ своего двора. «И имъ же впродъ, писали, въ заключеніе своего скорбнаго разсказа, игумень и братія, отъ нижегородскихъ десятильниковъ продажи и насильства безъ нашихъ жалованныхъ, несудимые грамоты прожити невозможно» ¹⁾. Другой примѣръ относится къ 1697 году, когда десятильники, въ силу постановленія собора 1675 года, юридически уже не существовали, но фактически, какъ видно, еще не вездѣ были уничтожены и продолжали дѣйствовать въ прежнемъ духѣ. Вотъ что говорить указъ Петра I енисейскому стольнику о дѣйствіяхъ десятильниковъ сибирскаго митрополита: «вѣдомо учинилось, что богомольца нашего преосвященнаго Игнатія, митрополита сибирскаго и тобольскаго, домовые дѣти боярскіе посланы во всѣ сибирскіе города и слободы, десятильниками, и тѣ де десятильники градскимъ и уѣзднымъ людямъ нападками своими ложными многое чинять раззореніе и обиды и налоги, и бивъ заставляють по неволѣ дѣвокъ и вдовъ говорить ложно на градскихъ и уѣздныхъ всякихъ добрыхъ людей блудное воровство; а по тѣмъ ложнымъ (наговорамъ) съ тѣхъ людей емлютъ себѣ взятки великіе; а иныхъ дѣвокъ разоблачаютъ нагихъ и груди давятъ до крови и всякое ругательство чинять; а иные де которые дѣвки и вдовы за такового ихъ десятильниковъ мучительства, въ томъ не винятся и тѣхъ дѣвокъ и вдовъ они продають такимъ людямъ, за какигъ никто бы дочерей своихъ не далъ, а деньги де берутъ себѣ и отъ того

¹⁾ Иванова «опис. госуд. арх.» стр. 243.

градскимъ и уѣзднымъ людямъ чинитца раззореніе великое»¹⁾. Дѣйствія, подобныя сейчасъ нами разсказаннымъ, очевидно, возможны были только при полномъ отсутствіи всякаго контроля надъ дѣятельностію десятильниковъ, при сознаніи ими возможности остаться безнаказанными за всѣ свои злоупотребленія и безчинія, только въ виду того, что подобныя этимъ случаи не разъ и не два сходили имъ благополучно съ рукъ и тѣмъ вызывали ихъ на новыя, болѣе вопіющія, злоупотребленія и безчинія. Понятно, что при такихъ порядкахъ, положеніе низшаго духовенства было крайне стѣснительное и бѣдственное, и невольно вызывало съ его стороны горькія, хотя иногда и преувеличенныя жалобы на свое бѣдственное положеніе, и стремленіе такъ, или иначе улучшить его. До насъ дошла цѣлая масса жалобъ на злоупотребленія десятильниковъ, на ихъ невыносимыя притѣсненія духовенству, въ которыхъ ярко обрисовываются какъ злоупотребленія десятильниковъ, такъ и бѣдственное положеніе духовенства, страдавшаго отъ этихъ злоупотребленій. Эти жалобы, обыкновенно, принадлежатъ или частнымъ лицамъ, или цѣлымъ соборамъ, и мы укажемъ сначала на жалобы перваго рода, а за тѣмъ и на жалобы соборовъ; а такъ какъ жалобы перваго рода очень многочисленны, то мы приведемъ только нѣкоторыя изъ нихъ. Въ 1595 году староста Третьячко Палицынъ жаловался царю на притѣсненія митрополичьихъ десятильниковъ и просилъ у царя защиты отъ нихъ; по этому поводу царь писалъ: «въ прошломъ деи въ 101 году, богомольца нашего новгородскаго митрополита десятильникъ Петръ Басаргинъ ему Третьячку и Никольскому черному попу съ братьею насильство чинили великое и кормы ималъ сильно, безъ митрополичья указу, а отъ того деи насильства Никольскій монастырь пустѣеть, и черные попы, для того, у Николы чудотворца не живутъ и церковь Божія стоитъ безъ пѣнья: и намъ бы его Третьячка пожаловати, отъ митрополичьихъ десятильниковъ отъ всякихъ обидъ и продажъ и отъ насильства ихъ беречи велѣти»²⁾. Въ 1601 году, Юсифова монастыря игумень Вассіанъ писалъ патриарху Юву, что его десятильники въ отчиной слободѣ Осташковой берутъ лишнія пошрины» и впредь деи тое церкви попамъ безъ жалованна грамоты прожити не моч-

¹⁾ П. С. З. № 1601, ноября 26.

²⁾ А. Э. I, № 306.

но»¹⁾. Въ 1601 году, игумень Кирило-бѣлозерскаго монастыря жаловался царю, что митрополичій приказный человекъ отпустилъ въ ихъ монастырь за одинъ разъ четырехъ десятильниковъ «и тѣ де десятильники прѣѣзжали къ намъ въ монастырь трижды, а дары де они свои и митрополичи передъ прежними десятильниками имали въ четверо и больши, да насъ же де безчестили»²⁾. Въ грамотѣ и. Юва 1604 года, Спасскому Арзамасскому монастырю сказано: «били челомъ игумень съ братьею: что де имъ и крестьяномъ ихъ отъ нашихъ арзамасскихъ десятильниковъ чинятся насильство и продажа великая, и на мельницѣ де ихъ монастырскаго мелютъ на себя и на друговъ своихъ насильствомъ безденежно, и впредь де имъ отъ десятильниковъ прожити и священниковъ призвати немочно, а старцы де и крестьяне отъ ихъ насильства и продажи разбрелся»³⁾. Въ 1631 году новгородскому митрополиту Киприану протопопомъ съ братьею была подана челобитная съ изясненіемъ, что въ сельцѣ Дымцовѣ, городецкаго уѣзда, церковь стояла пуста 36 лѣтъ, что призванный потомъ священникъ не сталъ служить тутъ и ушелъ, почему «нынѣ де у той церкви пона нѣтъ и боли помирають безъ причастья, а родильницы безъ молитвы, а младенцы безъ крещенья бывають многое время; а отъ иныхъ де церквей поны къ тѣмъ ихъ людемъ и ко крестьяномъ ходить не смѣють блюдася нашихъ десятильниковъ», въ заключеніе испрашивается свобода отъ вѣдѣнія десятильниковъ⁴⁾. Въ 1648 году, Елецкая благовѣщенская пустынь жаловалась царю, что вопреки царской жалованной грамотѣ «новгородскаго митрополита десятильники къ нимъ прѣѣзжаютъ и кормы и подводы съ нихъ смлютъ многіе, и пошлыны правятъ и налоги чинятъ великіе, и отъ того де они стали разорены и обнищали и одоужали великими долги, погибають до конца»⁵⁾. Новгородскій митрополитъ Іоакимъ, въ своей наказной памяти поповскому старостѣ 1673 года, мотивируетъ устраненіе десятильниковъ отъ сбора пошлынъ съ духовенства тѣмъ, «что десятильнички вѣдючи для сбору церковныя дани попамъ съ причетники чинили убытки большіе, сверхъ указан-

¹⁾ А. Э. II, № 14.

²⁾ А. Э. II, № 17.

³⁾ Ист. рос. іер. ч. III, стр. 263.

⁴⁾ А. до Ю. б. I, № 31—XXV.

⁵⁾ А. II. IV, № 24.

ныхъ десяти алтынъ имали свои десятильничі доходы лишніе, и ѣзду и подводы»¹⁾). Наконецъ, на злоупотребленія и насилія десятильничковъ духовенству жалуются и самые соборы. Такъ Стоглавъ говоритъ, что «священникамъ и діаконамъ отъ десятильничковъ и заѣззчиковъ была нужда великая и продажа», что «десятильнички поповъ по селамъ продають безъ милости, и дѣла составляютъ съ ябедники со одного и церкви отъ десятильничковъ и отъ ихъ великихъ продажъ стоятъ многіе пусты безъ пѣнія и поповъ нѣтъ». Соборъ 1675 года, совсѣмъ уничтожая десятильничковъ, постановилъ, что такъ какъ отъ десятильничковъ «объявилоса всякое безчиніе, ко священному чину налоги и обругательство и убытки, сверхъ указныхъ статей имали лишніе сборы, того ради тѣхъ мірскихъ людей не посылать, а посылать ихъ на непослушничковъ и непокорничковъ, идѣже таковіи духовнаго чина обряцутся противницы и архіерейскому повелѣнію непослушники»²⁾).

Вслѣдствіе всѣхъ указанныхъ нами притѣсненій и насильствъ, которыя десятильнички причиняли духовенству, послѣднее естественно стремилось такъ, или иначе освободиться отъ ихъ зависимости; оно обращалось, съ этою цѣлію, съ жалобами на притѣсненія десятильничковъ, то къ царю, то къ архіереямъ, испрашивая у нихъ жалованныхъ и не судимыхъ грамотъ, которыя бы освободили ихъ отъ вѣдѣнія и всякой зависимости отъ десятильничковъ. Великіе князья московскіе, а потомъ цари охотно брали подъ свое непосредственное вѣдѣніе особенно монастыри, которые обращались къ нимъ съ просьбою освободить ихъ отъ зависимости архіерейскихъ чиновниковъ, для чего они выдавали жалуемымъ монастырямъ особыя грамоты, въ которыхъ обыкновенно говорилось, что епископъ и его чиновники «братію извѣстнаго монастыря, *кромя духовныхъ дѣлъ*, ни въ чемъ не судятъ, и пошлинъ не дають ничего, владычнымъ десятильничкамъ и всѣмъ его людямъ запрещается вѣззжать въ монастырь, брать въ немъ подводы и кормъ», такъ что монастыри, получившіе такія грамоты совершенно освобождались отъ всякаго суда и вѣдѣнія мѣстнаго архіерея и его чиновниковъ, исключая дѣлъ чисто духовныхъ, которыя поступали на судъ епископа, о чемъ всегда и говорилось въ грамотахъ³⁾). Обыкновенно

лица, освобожденные царскими грамотами отъ вѣдѣнія архіерейскихъ чиновниковъ, судились во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ духовныхъ, сначала непосредственно самими князьями, а потомъ въ «Приказѣ Большаго Дворца» княжескими или царскими чиновниками¹⁾). Такъ было со времени Іоанна III до Алексѣя Михайловича. При послѣднемъ учрежденъ былъ специальный, такъ называемый, монастырскій приказъ, нѣсколько разъ закрывавшійся и открывавшійся, вѣдѣнію котораго подлежали всѣ духовныя лица и всѣ монастыри, изъятые изъ архіерейской юрисдикціи. Кромѣ монастырей, отъ зависимости архіерея и его чиновниковъ исключались еще всѣ церковныя причты царскихъ селъ на основаніи особыхъ жалованныхъ и несудныхъ царскихъ грамотъ, въ которыхъ обыкновенно писалось: «а митрополичи десятильнички и заѣззчики и всякіе пошлиннички тѣхъ поповъ и дьяконовъ и всего причту церковнаго не судятъ ни въ чемъ, ни вѣззжаютъ, ни всылають къ нимъ ни почто, ни пошлинъ съ нихъ ни которыхъ не берутъ, ни осеннего объѣзду, ни десятильничка корму, ни доводчиковы пошлины, ни сборнаго, ни благословенныя куницы, ни письменныя, ни зазывные пошлины не емлютъ; а въ духовномъ дѣлѣ судить тѣхъ поповъ и дьяконовъ самъ митрополитъ». Пошлины, которыя шли съ царскихъ селъ въ пользу архіерея, собирались царскимъ сотскимъ или посельскимъ, или какимъ нибудь другимъ лицомъ, которое и передавало ихъ потомъ архіерейскимъ десятильничкамъ²⁾). Даже выборъ и поставленіе священниковъ въ царскія села не зависѣли отъ архіерея, его дѣло было только посвятить присланнаго къ нему кандидата на священство, по крайней мѣрѣ Стоглавъ относительно этого говоритъ «тако же и дворецкіе и дьяки и во Псковѣ намѣстникъ владыченъ ставятъ сами поповъ къ ружнымъ церквамъ и на нихъ и на всемъ причтѣ церковномъ великіе же деньги емлютъ, а того не испытуютъ, который грамотѣ гораздъ и чувственнъ, и достоинъ священническаго чину, только того и пытаются, кто имъ больше денегъ даетъ». Соборъ постановилъ, чтобы «дворецкимъ и намѣстникомъ и дьякомъ избирати священниковъ и дьяконовъ къ ружнымъ церк-

1) А. И. IV, № 240.

2) А. Э. IV, стр. 261.

3) А. И. I, № III, 125, 141; III, № 94, 95, 104, 123. А. Э. I, № 54, 71, 85, 105,

176, 214, 248, 287, 293, 296; II, № 14, 16, III, № 114. А. Ю. № 24. А. до Ю. б. I, № 30 - V и др.

1) А. И. I, № 125, 141; II, № 53, 69, 77, 86; III, № 94, 104, 123, 133 и др. А. Э. I, № 259, 329; II, № 16; III, № 89 и др.

2) А. И. I, № 149; II, № 77; III, № 123; А. Э. III, № 67, 89 и др.

вамъ искусныхъ и грамотѣ искусныхъ, а отъ того имъ денегъ и мзды не имати»¹⁾). Такимъ образомъ, благодаря жалованнымъ грамотамъ высшей свѣтской власти, большая часть монастырей, и всѣ ружныя церкви были освобождены отъ вѣдѣнія и всякой зависимости десятильниковъ и вообще всѣхъ архіерейскихъ чиновниковъ. Архіереи, конечно, съ своей стороны очень неблагоприятно смотрѣли на стремленіе монастырей и приходскихъ церквей освободиться съ помощію жалованныхъ царскихъ грамотъ, отъ ихъ вѣдѣнія и суда, они видѣли въ этомъ посягательство на свои святительскія права, нарушеніе правильнаго церковнаго управления, такъ какъ чрезъ это дѣйствительно вносилось во всю церковную жизнь и отношенія запутанность, рознь и беспорядочность въ духовной жизни монастырей, отчужденныхъ отъ непосредственнаго контроля и управленія высшей духовной власти. Свой взглядъ на такое ненормальное положеніе дѣлъ іерархи высказали въ слѣдующемъ постановленіи стоглаваго собора: «а что по монастыремъ у архимандритовъ и игуменовъ и у строителейъ, царевы жалованныя грамоты, а въ нихъ пишутъ: не судити владыкамъ архимандритовъ и игуменовъ, ни поповъ, ни чернцовъ, ни всякаго причта церковнаго: и тѣ грамоты даваны кромѣ священныя правилъ, впредь такимъ грамотамъ не быти»²⁾); но это, повидимому, очень рѣшительное постановленіе собора въ послѣдующее время не имѣло практическаго значенія; царскія жалованныя и несудимыя грамоты выдавались монастырямъ и приходскимъ церквямъ, по прежнему безъ всякихъ ограниченій, до самаго конца XVII вѣка, или до реформъ Петра.

Само собою понятно, что въ виду открыто высказаннаго русскими іерархами признанія царскихъ жалованныхъ грамотъ монастырямъ противорѣчащими священнымъ правиламъ, только тѣ монастыри рѣшались просить царя освободить ихъ отъ зависимости епископа и его чиновниковъ, которые надѣялись себѣ найти поддержку при дворѣ и достигнуть своей цѣли, не смотря на противодѣйствіе архіереевъ, т. е. монастыри богатые и чѣмъ нибудь знаменитые. Что же касается бѣднѣйшихъ монастырей, и обыкновенныхъ приходскихъ церквей, то имъ оставалось или до конца терпѣть насилие и притѣсненія десятильниковъ съ клеветы, или просить жалованныхъ и несудимыхъ грамотъ у самихъ архіереевъ, которые, какъ они хо-

рошо знали, не охотно и рѣдко давали подобныя грамоты. Но такъ какъ притѣсненія десятильниковъ часто превышали возможность всякаго терпѣнія, то бѣдное духовенство, не смотря на всѣ трудности и даже рискъ подобнаго дѣла, рѣшалось наконецъ открыть архіерею свое тяжелое положеніе, вслѣдствіе притѣсненій десятильниковъ, «и впредь де имъ отъ десятильниковъ, обыкновенно писалось въ челобитныхъ грамотахъ, прожити и священниковъ призвати не мочно, а старцы де и крестьяне отъ ихъ продажи и насильства разбрелися»; другіе писали, что отъ десятильниковъ «разорены и обнищали и одолжали великими долги, погибають до конца». И эти жалобы, что отъ притѣсненій и насильствъ десятильниковъ «прожити и священниковъ къ церквамъ призвати немочно» не всегда были преувеличеніемъ, съ цѣлію разжалобить архіерея, но чаще выражали самую дѣйствительность, такъ какъ десятильники своими притѣсненіями дѣйствительно отгоняли духовенство отъ церквей, которыя по цѣлымъ десяткамъ лѣтъ стояли пустыми и никто не рѣшался поступать къ нимъ, «блюдяся десятильниковъ»¹⁾). Вслѣдствіе такихъ заявленій со стороны притѣсняемыхъ причтовъ, вслѣдствіе очевидной невозможности существовать имъ отъ насилій и поборовъ десятильниковъ, архіереи давали нѣкоторымъ изъ нихъ свои жалованныя, тарханныя, несудимыя грамоты. Однѣ изъ этихъ грамотъ совершенно освобождали извѣстный приходскій причтъ или монастырь отъ суда и всякихъ поборовъ десятильниковъ. Въ жалованной, напримѣръ, грамотѣ Ростовскаго архіепископа Кириллову монастырю 1455 г. говорится: «не надобна имъ моя дань, ни данскыя пошлины, ни десятиличія пошлины, не судить ихъ (игумена и поповъ) мои десятиницы, ни пристава на нихъ не даютъ ни въ чемъ»²⁾). Такимъ образомъ этими грамотами совершенно уничтожалась судебная и финансовая зависимость приходскихъ причтовъ и монастырей отъ десятильниковъ и они (причты и монастыри) подчинялись въ этомъ случаѣ непосредственно самому архіерею: «а кому будетъ искати чего на игуменѣ и на попѣ и на дяконѣ, ино ихъ сужу азъ самъ владыка такой то», или: «а вѣдаютъ меня владыку... игумень съ братьею сами собою», обыкновенно писалось въ заключеніе грамоты. Освобождая жалуемые

¹⁾ Стоглавъ стр. 176. Казань 1862 г.

²⁾ А. И. I, № 155, стр. 272.

¹⁾ А. И. I, № 232—238 и др. А. до Ю. б. I, № 31—XXV.

²⁾ А. Э. I, № 54, 71, 85, 168, 176, 214, 293 и др. А. И. I, № 181, 197 и др.

причты отъ суда и поборовъ десятильниковъ, архіереи въ то же время не освобождали ихъ отъ административнаго надзора по слѣднихъ,—во всѣхъ почти грамотахъ обыкновенно писалось: «а кого тотъ попь вѣнчаетъ въ роду и въ племени и въ кумовствѣ и въ сватовствѣ, или иное на него и весь причеть церковный будетъ каково дѣло духовное, и наши десятинники и недѣльщики даютъ ихъ на поруки въ тѣхъ духовныхъ дѣлѣхъ, безурочно, всегда; а отъ поруки не емлютъ же ничего»¹⁾. Иногда же архіерей не освобождали жалуемый причтъ и отъ суда десятильниковъ, а только исключительно отъ ихъ поборовъ²⁾. Кромѣ грамотъ несудимыхъ, освобождавшихъ жалуемыхъ отъ суда и поборовъ десятильниковъ, существовали еще очень разнообразныя льготныя грамоты, такъ или иначе облегчавшія бѣдственное положеніе причта. Одной изъ самыхъ обычныхъ льготъ было: замѣна всѣхъ мелкихъ архіерейскихъ и десятиничьихъ пошлинъ взносомъ опредѣленнаго количества денегъ. Такъ въ одной жалованной грамотѣ сказано: «въ нашъ подѣздъ и въ благословенную кунуцу, и за казенныя пошлины, урокомъ, по пяти алтынъ въ годъ, за все про все, а въ десятиничъ кормъ, и въ даръ, и во все десятиничъ пошлины, давати имъ по пятижъ алтынъ на годъ, за все про все»³⁾. Или: «и азъ нынѣ пожаловалъ, для игумена Кирилла съ братьею, своей дани и десятиничъ и заѣзчиковъ пошлины сложилъ тринадцать алтынъ»⁴⁾. Такая замѣна всѣхъ пошлинъ взносомъ опредѣленнаго количества денегъ за одинъ разъ существовала еще въ XIV в.⁵⁾, часто встрѣчается въ грамотахъ XV и XVI вѣка⁶⁾, но во все это время такая мѣра была только частною и исключительно, какъ льгота для бѣдныхъ причтовъ, и только съ XVII вѣка, благодаря распоряженію патріарха Іоакима, она сдѣлалась общею для всѣхъ церквей всѣхъ епархій, тогда все вообще очень мелкія и разнообразныя архіерейскія и десятиничьи пошлины были замѣнены опредѣленнымъ денежнымъ взносомъ⁷⁾.

¹⁾ А. И. I, № 142.

²⁾ А. Э. I, № 137, 294, 319 и др.

³⁾ А. И. I, № 142, 208.

⁴⁾ А. Э. I, № 272.

⁵⁾ А. Э. I № 9.

⁶⁾ А. И. I, № 170, 198, 199, 205 и др. А. Э. I, № 197, 285, 296, 319; II, № 14, 17 и др.

⁷⁾ А. И. IV, № 193, 240. Колачева «опис. арх. минист. юст.» ч. I, въ приложеніи.

Сущность разсматриваемой льготы состояла въ томъ, что одновременный и опредѣленный денежный взносъ устранялъ лишніе поборы десятильниковъ и ихъ обременительные для духовенства наѣзды за сборомъ пошлинъ, тѣмъ болѣе, что въ большинствѣ случаевъ съ упомянутою льготою соединялась и другая, именно: десятильники не имѣли права для полученія пошлинъ вѣзжать въ жалуемый приходъ, пошлины доставлялись самимъ причтомъ или въ городъ десятиникамъ¹⁾, или прямо архіерейскому казначею²⁾, въ томъ и другомъ случаѣ духовенство избавлялось отъ наѣздовъ десятильниковъ. Въ нѣкоторыхъ грамотахъ причты освобождаются отъ взноса только архіерейскихъ пошлинъ, но не освобождаются отъ пошлинъ, вѣдѣнія и суда десятильниковъ³⁾; или же и отъ архіерейскихъ пошлинъ освобождаются только отъ нѣкоторыхъ, но не отъ всѣхъ⁴⁾. Иногда грамоты даютъ свободу причту отъ архіерейскихъ чиновниковъ только на нѣсколько лѣтъ, напримѣръ, на пять⁵⁾. Въ нѣкоторыхъ грамотахъ архіереи старались ограничить требовательность десятильниковъ и ихъ притѣсненія духовенству, во время разъѣздовъ ихъ по десятинѣ, предписаніями, въ родѣ слѣдующихъ: десятинники должны ночевать въ извѣстномъ приходѣ только одну ночь, кормъ требовать только по силѣ, что случится, не брать денегъ за кормъ, опредѣляется даже количество корму для лошадей, находившихся подъ десятиниками, повелѣвается имъ «корму своего и конскаго въ сани не положить», пріѣзжать однажды въ годъ и проч.⁶⁾. Вообще жалованныя грамоты архіереевъ различнымъ приходскимъ церквамъ и монастырямъ были очень разнообразны по тѣмъ льготамъ, какія предоставлялись въ нихъ жалуемымъ причтамъ, какъ относительно пошлинъ и суда, такъ и относительно различныхъ мелкихъ повинностей. Укажемъ для примѣра еще на нѣкоторыя изъ этихъ мелкихъ льготъ. Однимъ церквамъ грамоты даютъ право вѣнчать свадьбы безъ знаменъ десятильника⁷⁾; другой церкви напротивъ поставляется въ обязанность вѣнчать свадьбы не иначе, какъ взявши знамена у десятильника⁸⁾. Одна церковь освобожда-

¹⁾ А. И. I, № 203, 205, 224, 239, 240 и др.

²⁾ А. И. I, № 170, 189, 198, 199, 208, 231; А. Э. I, № 197; II, № 14.

³⁾ А. Э. I, № 202, 294, 319 и др.

⁴⁾ А. Э. I, № 128.

⁵⁾ А. до Ю. б. I, № 31—XXIV.

⁶⁾ А. И. I, № 142, 150, 208 и др.

⁷⁾ А. Э. I, № 296, 325. А. И. I, № 241.

⁸⁾ А. И. I, № 240.

ется отъ обязанности доставлять подводы и проводниковъ посыльнымъ архіерейскимъ дѣтямъ боярскимъ ¹⁾, напротивъ въ жалованной грамотѣ другой церкви говорится: «подводы и проводники подъ нашихъ посланниковъ даютъ» ²⁾. За явку жалованныхъ грамотъ, имѣвшіе ихъ по большей части обязывались платить десятильнику алтынъ ³⁾, но нѣкоторые причты освобождались и отъ этой повинности ⁴⁾; или одни изъ причтовъ освобождались отъ обязанности ставить десятильничій дворъ ⁵⁾, другіе же не освобождались ⁶⁾. Одною изъ обычныхъ льготъ было назначеніе судебныхъ сроковъ для явки къ суду, обыкновенно сроковъ назначалось или одинъ въ году ⁷⁾, или два ⁸⁾ и очень рѣдко три ⁹⁾. Нѣкоторыя привилегіи, даваемыя архіерейскими жалованными грамотами были довольно оригинальны; въ одной такой грамотѣ указывается на примѣръ на такую привиллегію: «а съ тяглыми попы тотъ дмитріевской попь ни во что не тянетъ, и въ старосты и въ десятицкіе поповскіе того дмитріевского попа не емлютъ, дляпродажи» ¹⁰⁾. Но очевидно, что всѣ эти разнообразныя, болѣе или менѣе важныя, льготы имѣли характеръ случайный, временный и мѣстный и потому самому не достигали своей цѣли. Корень зла заключался не въ тѣхъ или другихъ злоупотребленіяхъ частныхъ лицъ, но въ самой системѣ, на которой построена была свѣтская церковная администрація, въ частно владѣльческомъ характерѣ архіерейскаго епархіальнаго управления, когда архіерей видѣлъ въ каждомъ духовномъ лицѣ, кромѣ пастыря и служителя церкви, еще своего тяглаго человѣка, обязаннаго ему взносомъ извѣстныхъ податей. Вслѣдствіе этого, всѣ частныя мѣры къ облегченію бѣдственнаго положенія духовенства, къ поднятію его нравственнаго уровня, въ общемъ не имѣли и не могли имѣть никакого серьезнаго значенія, и духовенство, при такихъ порядкахъ, всегда оставалось приниженымъ и беззащитнымъ отъ произвола и всевозможныхъ притѣсненій съ стороны архіерей-

¹⁾ А. И. I, № 233.

²⁾ А. И. I, № 240.

³⁾ А. И. I, № 181, 208.

⁴⁾ А. И. I, № 197. А. Э. I, № 248, 296 и др.

⁵⁾ А. Э. I, № 296.

⁶⁾ А. И. I, № 241.

⁷⁾ А. И. I, № 150, 170, 197, 203, 205, 208, 224, 231.

⁸⁾ А. И. I, № 189, 198, 199 и др.

⁹⁾ А. Э. III, № 178.

¹⁰⁾ А. И. I, № 205.

скихъ чиновниковъ. Безъ коренной реформы его отношеній къ архіерею невозможны были и самыя измѣненія въ положеніи духовенства къ лучшему; а такая реформа отношеній, сложившихся въ теченіи вѣковъ и въ силу своей давности сдѣлавшихся въ глазахъ всѣхъ вполне нормальными и законными, очевидно, могла совершиться съ большимъ трудомъ и очень не скоро, такъ что духовенство, естественно, и не мечтало пока и не ожидало отъ архіерея ничего большаго, кромѣ какой нибудь несудимой или льготной грамоты, тѣмъ болѣе, что и на нихъ архіереи были не особенно тароваты, получить ихъ удавалось очень не многимъ, болѣе счастливымъ, большинству же оставалось только терпѣть и ждать.

Но когда духовенству не подъ силу было болѣе терпѣть и выносить свое тяжелое положеніе, когда оно рѣшительно не могло рассчитывать получить жалованную несудимую или какую нибудь льготную грамоту отъ царя или архіерея, когда у него не доставало болѣе силъ сносить обиды и насилія властвовавшихъ надъ нимъ архіерейскихъ чиновниковъ, оно, выведенное изъ терпѣнія, рѣшалось иногда на открытое сопротивление десятильникамъ, и въ этихъ случаяхъ расправлялось съ ними и ихъ свитой собственноручно, при чемъ, замѣчательно, духовенству помогала иногда въ этомъ занятіи и паства. Такъ, митрополитъ Іона жаловался верейскому князю Михаилу Андреевичу (послѣ 1450 г.), что попь, у котораго остановился десятильникъ его съ свитою «съ тѣми твоими городскими людьми, пришедь, того моего боярина Юрія конушего (десятильпика) самаго убили въ уголь, а дворянъ моихъ перебили, а били, сказываютъ, на смерть» ¹⁾. Духовенство Устюжны Желѣзопольской не только ни въ чемъ не слушалось десятильниковъ, но и не являлось на судъ къ святителю и не давалось на поруки десятильникамъ: «вы насъ въ томъ ослушались, писалъ святитель, и наши грамоты собѣ въ презорьство положили есте», десятильниковъ за то, что они требовали духовенство на судъ и отдавали на поруки, «бъете деи и злословите ихъ неподобною лаею всегда» ²⁾. 1622 года, новгородскій митрополитъ Макарій жаловался царю, что «Колмогорскіе, и Важскіе, и Каргопольскіе и тѣхъ городовъ въ уѣздѣхъ по монастыремъ архимандриты и игумены, и по мірскимъ храмомъ попы и дьяконы, и церковные причетники и земскіе люди его богомольца нашего

¹⁾ А. И. I, № 50.

²⁾ А. И. I, № 298. (1545 г.).

и его приказныхъ людей и десятильниковъ ни въ чемъ не слушаютъ и во всякихъ духовныхъ дѣлѣхъ подь судъ не даются и ставятся сильны» ¹⁾. 1612 года десятильникъ Булата Ковезина жаловался, что «попъ Шестой былъ въ старостахъ поповскихъ во многіе годы и книги церковной дани даны ему при митрополитѣ Филаретѣ, да и прежнихъ годовъ книги у него; и тотъ попъ Шестой того наказу не послушалъ, книгъ мнѣ не далъ и церковные дани съ тое церкви, у которые онъ служитъ, и ни которыхъ пошлинъ не платилъ, учинился силенъ, и инымъ попомъ не велѣлъ платити церковные дани и всякихъ пошлинъ, и меня безчестилъ во всемъ» ²⁾. Въ одной царской жалованной грамотѣ 1688 года сказано: «той (псковской) епархіи священники и посадскіе люди, церковные старосты, противъ изложенія святѣйшихъ вселенскихъ патріарховъ и по грамотѣ святѣйшаго патріарха и по выписи, чинятся ему преосвященному митрополиту (Маркеллу) противны и во всемъ не послушны, и данныхъ денегъ съ двороваго числа и съ угодей давать не хотятъ» ³⁾. Такимъ образомъ открытое возстаніе духовенства противъ суда и власти десятильниковъ, противъ ихъ поборовъ и тяжести архіерейскихъ пошлинъ вообще, случалось всегда, начиная съ XV и до самаго конца XVII вѣка, при чемъ на сторону духовенства становились иногда прихожане и помогали ему побить десятильниковъ; иногда возстаніе противъ десятильниковъ обнимало цѣлые уѣзды; иногда во главѣ возставшихъ стояли мѣстныя духовныя власти—поповскіе старосты, возбуждавшіе подвѣдомственное имъ духовенство противъ десятильниковъ и ихъ поборовъ. Конечно, всѣ эти возстанія духовенства противъ тяжести архіерейскихъ пошлинъ и поборовъ десятильниковъ, какъ и всякія случайныя, мѣстныя вспышки приниженіяхъ классовъ, вели въ концѣ къ тому, что возставшіе усмирялось и ихъ положеніе за тѣмъ еще болѣе ухудшалось. Борьба, очевидно, была не равная и необходимо должна была кончатся всегда полнымъ пораженіемъ возмущившихся причтовъ, тѣмъ болѣе, что въ подобныхъ случаяхъ святители непрочь были прибѣгнуть къ помощи свѣтской власти, въ формѣ свѣтскихъ полицейскихъ чиновниковъ и даже воинскихъ командъ. Въ грамотѣ митрополита рязанскаго и муромскаго Иларіона

¹⁾ А. Э. III. № 123.

²⁾ А. Ю. № 49.

³⁾ А. И. V, № 172.

1657—1673 г. къ Воину Калининковичу говорится, что онъ посылаетъ въ Шацкой уѣздъ, гдѣ многіе приходы и села раззорены казаками, своего казначея старца Тарасія съ дѣтьми боярскими, чтобы они церковные приходы и села обложили данью вновь «и будетъ которые попы и дьяконы и причетники церковные казначею нашему и старостамъ нашимъ поповскимъ и дѣтемъ боярскимъ въ чемъ будутъ чинитца непослушны и тебѣ къ Воину Калининковичу, нашего ради благословенія, пожаловать: на тѣхъ ослушниковъ казначею нашему и дѣтемъ боярскимъ и старостамъ поповскимъ давать своихъ приставовъ сколько человекъ пригоже» ¹⁾. Въ инструкціи поповскимъ старостамъ патріарха Адриана сказано: «на прошлые годы по доимочнымъ книгамъ съ жилыхъ данныхъ церквей и съ пустовыхъ церковныхъ земель оброчныя и пошлинныя деньги собирать старостамъ поповскимъ неоплошно съ великимъ радѣніемъ, а буде кто въ платежѣ данныхъ или оброчныхъ денегъ учинится силенъ, и по таковыхъ, взявъ у воеводы стрѣльцовъ и пушкарей и разсылщиковъ, сколько человекъ пригоже, и посылать, и тѣ доимочныя деньги на нихъ править безъ всякія поноровки», ²⁾. Очевидно, что патріархъ, предписывая собирать недоимочныя деньги съ церквей «безъ всякія поноровки», съ помощію военной команды изъ стрѣльцовъ и пушкарей, мало походилъ въ этомъ своемъ распоряженіи на архипастыря, на духовнаго главу, отца и наставника подчиненнаго ему духовенства и врядъ ли въ подобныхъ дѣйствіяхъ руководствовался архипастырскими отношеніями къ духовенству, видѣлъ въ немъ что либо иное, кромѣ тяглыхъ своихъ людей, съ которыхъ непременно долженъ былъ получить извѣстныя недоданныя ему когда то пошлины, хотя бы для этого и пришлось употребить въ дѣло военную команду. Но понятна само собою, что обвинять за подобныя отношенія къ духовенству патріарха Адриана, или вообще какое бы то ни было опредѣленное лицо, было бы рѣшительно несправедливо, такъ какъ подобныя отношенія іерарховъ къ духовенству слагались вѣками, совершенно незамѣтно и несознательно, подъ давленіемъ независящихъ отъ нихъ историческихъ обстоятельствъ, которыя мы указали въ своемъ мѣстѣ.

¹⁾ Древн. грам. и акты Рязан. края, собр. Пискаревымъ № 82.

²⁾ Ст. 50. Древн. вивл. ч. XV.

е) **Тіуны.** Происхождение названія тіуновъ объясняютъ очень не одинаково: одни изъ изслѣдователей производятъ это названіе отъ Thungini, чѣмъ у салпческихъ франковъ назывались сельскіе судьи, и въ такомъ случаѣ тіунамъ придается чисто судебное значеніе. Розенкампфъ отождествляетъ нашего тіуна съ германскимъ Tsaena, Diener, Than, т. е. служитель, управитель, намѣстникъ, слѣдовательно признаетъ его административнымъ лицомъ. Протоіерей Сабининъ объясняетъ скандинавскимъ Tion, — вообще служитель, чиновникъ, Tingmenn — судья и Tiunen — княжескій казначей, и представляетъ поэтому тіуновъ въ смыслѣ сборщиковъ податей. Въ русской правдѣ тіуны являются въ трехъ видахъ: тіуны огнищанины, боярскій и сельскій. Подъ тіуномъ огнищаниномъ обыкновенно разумѣютъ высшую исполнительную власть князя; боярскій тіуны былъ не свободнаго сословія, но пользовался большимъ значеніемъ, какъ исполнительная власть боярина, опредѣлявшаго его обязанности; по своему высокому положенію боярскій тіуны стоялъ на ряду съ свободными людьми. Сельскіе тіуны завѣдывали судомъ между сельскими жителями въ дѣлахъ незначительныхъ ¹⁾. Г. Погодинъ, приведши всѣ тѣ мѣста лѣтописей, которыя съ 1054 по 1240 годъ говорятъ о тіунахъ, дѣлаетъ за тѣмъ такое заключеніе: хотя въ этихъ мѣстахъ (въ приведенныхъ имъ выше извлеченіяхъ изъ лѣтописей подъ годами: 1093, 1146, 1149, 1154, 1169, 1171, 1175, 1195 и 1208) не сказано положительно, чтобъ тіуны были смотрителями княжескихъ доходовъ, но по всѣмъ ихъ дѣйствіямъ, здѣсь приводимымъ, безопасно заключить можно; народъ ненавидитъ ихъ за насиліе (напр. 1146, 1175), котораго негдѣ предположить иначе, какъ при собираніи доходовъ. У нихъ было подѣ сохраненіемъ княжеское имѣніе (послѣ казна), напр. въ 1149, 1154 гг.; они взыскивали пени, что особенно ясно сказано подъ годомъ 1093. Прибавимъ къ лѣтописнымъ свидѣтельствамъ мѣсто изъ Мономахова поученія, указывающее также на домашнюю при князьяхъ службу тіуновъ: «въ дому своемъ не лѣнитесь, но все видите; не зрите на тивуна, ни на отрока, да не посмѣются приходящіе къ вамъ, и дому вашему, ни обѣду вашему». Посадникъ, заключаетъ г. Погодинъ, былъ судьей, тысяцкій — военачальникъ, — тіуна ничѣмъ больше предположить нельзя какъ казначеемъ, смотри-

¹⁾ Троцины: «исторія судебныхъ учреждений въ Россіи», стр. 10—16.

телемъ княжескаго имущества ¹⁾. Г. Куницынъ въ своемъ «историческомъ изображеніи древняго судопроизводства въ Россіи» говоритъ: князь посылалъ въ Новгородъ своихъ дворянъ для разбирательства тяжбъ, такъ и для собиранія даровъ и пошлинъ въ княжескую казну. По причинѣ соединенія этихъ обязанностей въ одномъ лицѣ слово тіуны въ новгородскихъ законахъ означало не только судью, но сборщика податей и управителя помѣстья ²⁾. Изъ различныхъ приведенныхъ мнѣніи относительно происхождения названія тіуновъ и ихъ обязанностей, въ древнѣйшее время, не трудно видѣть, особенно принимая во вниманіе взглядъ г. Погодина и указанныя имъ основанія, что въ въ древнѣйшее время тіуны были нѣчто въ родѣ княжескаго казначея или сборщика податей. А такъ какъ одну изъ главнѣйшихъ статей княжескихъ доходовъ составлялъ судъ, отъ каждаго суднаго дѣла князь получалъ извѣстныя пошлины, то вполне было естественно, что княжескій тіуны, вѣдая княжескіе доходы, отправлялъ иногда, по порученію князя, и судъ, соединенный всегда съ полученіемъ пошлинъ, и такимъ образомъ являлся въ одно время и въ качествѣ княжескаго сборщика податей и исполняющимъ судебныя обязанности по порученію князя. Эта послѣдняя обязанность тіуна съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе заслоняла первую, такъ что наконецъ тіуны стали являться исключительно только въ качествѣ судей, и притомъ всегда второстепенныхъ, — только какъ представители и намѣстники другаго, высшаго ихъ лица, по порученію котораго они завѣдывали судомъ.

Обязанности свѣтскихъ архіерейскихъ чиновниковъ складывались по образцу обязанностей такихъ же чиновниковъ княжескихъ, а потому, естественно, архіерейскіе тіуны явились съ тѣми же обязанностями, что и княжескіе. Но такъ какъ свѣтское чиновничество у архіереевъ образовалось уже въ болѣе позднѣйшее, сравнительно, время, къ концу XIV вѣка, когда княжескіе тіуны уже постоянно являются въ качествѣ судей; то поэтому и архіерейскіе тіуны являются во всѣхъ, дошедшихъ до насъ, актахъ уже только какъ судьи или вообще какъ исполнительная власть при какомъ нибудь высшемъ лицѣ. Правда, въ одной грамотѣ м. Симона 1500 года сказано: «а даетъ игуменъ Пратасей съ братьею съ тѣхъ моихъ водъ на мой погребъ

¹⁾ «О посадскихъ, тысяцкихъ, воеводахъ и тіунахъ съ 1054 по 1240 годъ. Времен. кн. 1.

²⁾ Стр. 64.

оброкомъ съ году на годъ на Николень день на осенней десять бочекъ рыбы добрые, шесть бочекъ щучины, а четыре бочки сопы; а привозять тое рыбу къ моему тіуну во Володимерь»¹⁾; но это едвали не единственный случай, гдѣ архіерейскій тіунъ является въ качествѣ управителя или эконома, тѣмъ болѣе, что этотъ случай могъ быть исключительный, особенно если взять во вниманіе обычай архіереевъ давать служилымъ своимъ лицамъ самыя разнообразныя и разнохарактерныя порученія. Во всѣхъ же другихъ актахъ какъ древнѣйшихъ, такъ и болѣе позднихъ, тіуны являются только въ качествѣ судей. Въ «спискѣ ряда и суда церковнаго, установленнаго первыми князьями», говорится: «и своимъ тіуномъ приказали суда церковнаго не обидѣти, ни судити безъ владычня тіуна»²⁾. Въ жалованной грамотѣ м. Геронтія Благовѣщенскому и Константино-Еленскому монастырямъ 1478 г. сказано: «а намѣстницы мои володимерскіе и тіуны, и десятиницы новгородскіе и ихъ тіуны, не вѣзжаютъ, ни всылають къ тому архимандриту и его попу Никольскому въ Доброе село ни по что, ни судятъ его»³⁾. Въ царской жалованной грамотѣ 1501 года новгородскому Волотовскому монастырю сказано: «архіепископъ новгородскій и его тіуны игумена и его братью не судятъ ни въ чемъ, oprичъ духовныхъ вещей, а что либо съ Волотовскаго монастыря и архіепископу новгородскому и его намѣстнику и тіуну и его людямъ и дьякамъ владычнимъ и прочимъ софійскимъ откупа и пошлинъ, и имъ откупа и пошлинъ владыцъ и его намѣстнику и тіуну и его людямъ и дьякомъ владычнимъ софійскимъ не давати ничего»⁴⁾. Въ уставной грамотѣ м. Макарія о пошлинахъ съ сельскихъ церквей Николаевскаго Пѣсношскаго монастыря 1572 года сказано: «а десятинику моему даетъ попъ на тотъ же срокъ на Рождество Христово семь алтынъ,—то ему съ тіуномъ и съ доводчики на весь годъ»⁵⁾. О тіунахъ вообще стоглавъ говоритъ: «а тіуномъ и недѣльщикомъ митрополчимъ и архіепископимъ и епископимъ, съ ябедниками и съ блудницами стовору не чинити, и по стовору священничьскаго и иночьскаго чина и всѣхъ православныхъ христіанъ не продавати.... А которые тіуны и не-

¹⁾ А. до Ю. б. II, № 146—II.

²⁾ Прав. соб. кн. 1861 г. стр. 465.

³⁾ А. Э. I, № 105, 248.

⁴⁾ Ист. рос. іер. ч. VI, стр. 475. IV, стр. 21.

⁵⁾ А. Э. I, № 197, 285. А. до Ю. б. I, № 31,—XXIV.

дѣльщики ставовся съ блудницами и съ ябедники, учнутъ дѣла составлять и продажу чинити священничьскому и иночьскому чину и всѣмъ православнымъ христіаномъ, отъ порукъ и поклоннаго денъги имати, или что насильствомъ возмутъ, и въ томъ обличени будутъ многими свидѣтели; и святители обыскавъ о томъ извѣстно, добрыми свидѣтели, и повелѣвають бояромъ своимъ доправлявати на нихъ безъ суда взятое втрое, да отдають истцомъ, по цареву судебнику; а тіуновъ изъ тіуновства измѣщутъ»¹⁾ и проч.

Изъ всѣхъ приведенныхъ свидѣтельствъ о тіунахъ видно, что тіуновство не было опредѣленною самостоятельною должностію, какъ должность, напримѣръ, десятильниковъ, но всегда тіунъ представляется находящимся въ распоряженіи высшаго его чиновника, дѣйствующимъ по его инициативѣ, а не самостоятельно, и вообще является властью только исполнительною. Всякій сколько нибудь значительный чиновникъ имѣлъ всегда своего тіуна; мы видимъ, что при самихъ архіереяхъ были особые тіуны, точно также особые тіуны были при архіерейскихъ намѣстникахъ, десятильникахъ, волостеляхъ и даже прикащикахъ. Понятно отсюда, что обязанности тіуновъ были очень различны, очень различались они по своей власти и значенію, смотря потому, исполнителями чьей власти они являлись, архіерейской ли, или десятильничьей, или прикащичьей. Впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ тіуны являются исправляющими преимущественно судебныя обязанности при архіереяхъ, ихъ намѣстникахъ, десятильникахъ, прикащикахъ и проч., при чемъ кругъ ихъ обязанностей и правъ опредѣляется всегда кругомъ обязанностей и правъ тѣхъ лицъ, представителями которыхъ они являются. Отъ этого различія положенія и обязанностей тіуновъ, происходящихъ отъ различія положенія и обязанностей ихъ ближайшихъ начальниковъ, зависитъ отчасти неопредѣленность и запутанность въ извѣстіяхъ объ ихъ обязанностяхъ и дѣятельности, неопредѣленность, впрочемъ, вполне понятная и необходимая,—тіунъ исполнялъ то, что приказывалъ ему его начальникъ, поэтому вполне естественно являться ему, то въ роли судьи, то какъ будто сборщикомъ податей, то простымъ полицейскимъ чиновникомъ, поставляемымъ на ряду вмѣстѣ съ недѣльщикомъ или приставомъ. Извѣстно, что при княжескомъ намѣстникѣ былъ всегда его тіунъ, который во всѣхъ

¹⁾ А. И. I, № 155, стр. 280.

отношеніяхъ, особенно же по отправленію суда, заступалъ намѣстника, что при княжескихъ волостеляхъ находились особые тиуны, имѣвшіе при нихъ тоже значеніе, какое при княжескомъ намѣстникѣ имѣлъ значеніе намѣстничій тиунъ. Очевидно, что тиуны при архіерейскихъ намѣстникахъ, волостеляхъ и пр. имѣли тоже значеніе, что и тиуны при княжескихъ намѣстникахъ и волостеляхъ, т. е. заступали ихъ мѣсто во всѣхъ отношеніяхъ, но преимущественно въ дѣлахъ судебныхъ,—строгая параллель въ обязанностяхъ царскихъ чиновниковъ и архіерейскихъ въ этомъ случаѣ несомнѣнна.

Свое содержаніе тиуны при архіерейскихъ чиновникахъ получали отъ тѣхъ дѣлъ и лицъ, которыя подлежали вѣдѣнію ихъ начальниковъ; какъ судьи, они получали извѣстную плату съ каждаго судебного иска, въ тоже время въ ихъ пользу собирались различныя пошлины съ духовенства. Въ жалованныхъ архіерейскихъ грамотахъ, когда опредѣляется количество пошлинъ, какія должны давать десятильнику тѣ или другія церкви и монастыри, обыкновенно говорится: «то ему десятильнику съ тиуномъ и съ доводчикомъ». Сколько именно изъ общей суммы, вносимой духовенствомъ въ пользу десятильника, тиуна и доводчика, получалъ собственно тиунъ, грамоты этого не объясняютъ. Въ соборномъ приговорѣ 1551 года, по жалобницамъ новгородскихъ священниковъ сказано: «про тиунскіе алтыны обыскати, и будетъ та пошлина тиуну съ поповъ и дьяконовъ изстари шла, ино впредь имати, а будетъ изстари тѣкова пошлина тиуну не шла, и тое пошлины впредь не имати»¹⁾. Отсюда видно, что количество тиунскихъ алтыновъ не было опредѣлено закономъ, руководились въ этомъ случаѣ стариною, сложившимся обычаемъ, который въ различныхъ епархіяхъ и мѣстахъ былъ конечно различенъ, почему тиунскія пошлины въ различныхъ мѣстахъ были далеко не одинаковы, тѣмъ болѣе, что это много зависѣло отъ личнаго договора тиуна съ его начальникомъ, такъ какъ каждый намѣстникъ, волостель и проч. самъ назначалъ себѣ помощниковъ, которые исключительно отъ него только и зависѣли и которыхъ онъ нанималъ, конечно, сообразуясь съ своими личными выгодами и интересами²⁾.

¹⁾ А. Э. I, № 229.

²⁾ Неволинъ говоритъ, что тиунъ княжескаго намѣстника получалъ слѣдующіе доходы: 1) на Рождество Христово, Пасху и Петровъ день онъ получалъ кормъ вещами или деньгами; впрочемъ вдвое менѣ противъ намѣ-

Кромѣ тиуновъ, существовавшихъ при различныхъ архіерейскихъ чиновникахъ, въ качествѣ ихъ помощниковъ или намѣстниковъ, собственно въ Москвѣ былъ другой родъ тиуновъ, совершенно отличный отъ сей-часъ разсмотрѣнныхъ нами. Въ Москвѣ, при митрополитахъ и потомъ патріархахъ, существовалъ особаго рода чиновникъ подъ именемъ тиуна, который жилъ въ митрополичьемъ дворѣ и собиралъ извѣстныя пошлины съ священниковъ и дьяконовъ, пріѣзжавшихъ въ Москву и служившихъ въ московскихъ церквахъ по найму. Объ этомъ тиунѣ стоглавый соборъ говоритъ: «да въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ митрополиче дворѣ искони вѣчная тиунская пошлина ведется глаголема крестецъ, не вѣмъ какъ уставися кромѣ священныхъ правилъ». Въ московской епархіи, еще гораздо ранѣе стоглаваго собора, образовался особый классъ духовенства, подъ именемъ крестцоваго, который состоялъ главнымъ образомъ изъ безмѣстныхъ поповъ. Они собирались обыкновенно на перекресткахъ въ большихъ городахъ и, подобно поденщикамъ на биржахъ, предлагали свои услуги,—не найметъ ли кто совершить службу или справить какія либо требы. Въ Москву же, какъ въ резиденцію митрополита, особенно много стекалось изъ различныхъ мѣстъ поповъ и дьяконовъ не только безмѣстныхъ, но и имѣющихъ мѣста. Одни пріѣзжали сюда по какому либо частнымъ дѣламъ и нуждамъ, другіе за поручаками въ духовныхъ дѣлахъ, или же за приставами по обвиненію въ преступленіяхъ. Пріѣхавшіе въ Москву священнослужители жили здѣсь иногда мѣсяць и болѣе; чтобы чѣмъ нибудь содержать себя, они нанимались за извѣстную плату отправлять службы и требы, для чего они становились обыкновенно на самыхъ бойкихъ мѣстахъ на базарѣ, на Ильинской улицѣ, потомъ у Фроловскихъ воротъ, гдѣ и предлагали проходившимъ свои услуги. Нанявшіеся служить обязаны были являться на митрополичій дворъ къ тиуну и брать у него знамя на право служить, при чемъ платили ему пошлину отъ десяти денегъ до двухъ алтынъ въ мѣсяць. Замѣчательно при этомъ, что тиунъ, давая знамена священникамъ и дьяконамъ на право совершать различныя службы и требы, «о томъ не обыскиваетъ, есть ли у нихъ ставленныя и отпускныя грамо-

стника; 2) ему принадлежали отчасти судныя пошлины и пени въ случаѣ преступленій; 3) жители должны были, въ видѣ повинности, исправлять на него нѣкоторыя работы натурою. (Т. VI его сочиненій, стр. 109, 112).

ты, или нѣтъ», почему нерѣдко случалось, что знамена на право служить получали отъ тіуна и такіе священники, которые находились подъ запрещеніемъ. Чтобы на будущее время прекратить возможность подобныхъ случаевъ, стоглавый соборъ постановилъ, чтобы тіунъ у пріѣзжихъ въ Москву священниковъ, являющихся къ нему за знаменами, осматривалъ ставленныя, отпускныя и благословенныя грамоты вмѣстѣ съ старостами поповскими, и давалъ бы знамена только тѣмъ священнослужителямъ, которые имѣли у себя упомянутыя грамоты, и при томъ пріѣхали въ Москву по своимъ частнымъ дѣламъ; пріѣхавшимъ же за поруками или за приставами, хотя бы они имѣли нужныя грамоты, знаменъ однолично ему не давать, въ противномъ случаѣ, тіунъ долженъ быть лишень тіунства.

Такимъ образомъ до стоглаваго собора обязанность тіуна митрополичьяго двора состояла въ томъ, чтобы выдавать знамена и получать за это пошлины съ священнослужителей, зачѣмъ либо пріѣхавшихъ въ Москву и нанявшихся здѣсь служить; Стоглавъ же вмѣнилъ еще въ обязанность тіуну, кромѣ выдачи знаменъ и полученія пошлинъ, осматривать еще различныя грамоты тѣхъ священно-служителей, которымъ онъ выдавалъ знамена на право отправлять службы и требы, и притомъ не единолично, а въ присутствіи поповскихъ старостъ. Съ теченіемъ времени обязанности тіуновъ значительно расширились. Въ 1604 году патріаршій тіунъ, сынъ боярскій Иванъ Чертовъ, доносилъ между прочимъ патріарху Іову: «безмѣстные деи попы и дьяконы въ поповскую избу не ходятъ и передъ божественною литургіею правила не правятъ, а садятся деи безмѣстные попы и дьяконы у Фроловскаго мосту и безчинства чинятъ великіе, межъ себя бранятся и укорины чинятъ скарденныя и смѣхотворныя, а иные межъ себя играютъ и борются и кулачки бьются; а которые наймутся обѣдню служить и они съ своею братьею, съ которою бранились, не простясь божественную литургію служатъ; а служатъ деи и мѣстные и безмѣстные попы обѣдни по церквамъ не во время, рано, и часовъ не отдають, а которые пріѣзжіе попы наймутся служить и они ему тіуну ставленыхъ своихъ грамотъ не кажутъ, а его деи тіуна тѣ безмѣстные попы не слушаютъ, лаютъ и позорятъ». Изъ этого, интереснаго для характеристики тогдашняго безмѣстнаго духовенства, доноса патріаршаго тіуна видно, что онъ въ 1604 году уже не только раздавалъ знамена служившимъ въ Москвѣ по найму священникамъ и осматривалъ у нихъ грамоты, но и на-

блюдалъ за ихъ жизнію и поведеніемъ, за правильнымъ выполненіемъ ими ихъ священническихъ обязанностей и даже считалъ себя въ правѣ контролировать дѣятельность самыхъ поповскихъ старостъ, и въ случаѣ нерадѣнія въ исполненіи ими своихъ обязанностей доносить о нихъ патріарху. Относительно обязанностей тіуна выдавать безмѣстнымъ попамъ знамена и количества получаемыхъ имъ отъ сего пошлинъ, патріаршая грамота говоритъ: «да и того старостамъ и десятицкимъ поповскимъ беречи на крѣпко, чтобы безмѣстные попы и диаконы, не явясъ патріархову тіуну, служить обѣденъ не наймовались; а явки имъ велѣти давати тіуну отъ обѣдни по денгѣ, а больши того имъ явки давати не велѣти, чтобы безмѣстнымъ попамъ продажи отъ тіуна не было; а будетъ тіунъ учнетъ на попѣхъ имати явки больши того, и имъ старостамъ про то на тіуна извѣщати Іову патріарху; а который попъ или діаконъ начнетъ гдѣ служить наймуся, тіуну не явясъ, и тіуну на тѣхъ попѣхъ имати промыты по двѣ гривны да хоженаго по десяти денегъ, а больши того на тѣхъ попѣхъ тіуну промыта неимати»¹⁾. Въ 1636 году, въ памяти тіуну Манойлову и поповскому старостѣ никольскому попу Панкратію, п. Іоасафъ, описавъ различные беспорядки въ самомъ богослуженіи московскихъ священниковъ, ихъ крайне неприличное и зазорное поведеніе въ церкви, соблазнительное поведеніе многихъ молящихся въ храмѣ и пр., повелѣваетъ упомянутымъ тіуну и поповскому старостѣ собрать всѣхъ московскихъ поповскихъ старостъ, прочесть предъ ними патріаршую память, велѣтъ имъ списать ее слово въ слово и разослать по всѣмъ московскимъ церквамъ; кромѣ того рекомендуетъ имъ во всѣ воскресные дни, въ которые обыкновенно поповскіе старосты и попы часто приходятъ въ тіунскую избу, читать имъ и здѣсь упомянутую память. Въ заключеніе памяти патріархъ пишетъ: «и будетъ тіунъ и старосты поповскіе, противу сей памяти, о благочиніи церковномъ радѣти не учнутъ и положить то дѣло себѣ въ оплошку, и тіуну за то быти отъ великаго господина Іоасафа патріарха московскаго и всеа Русіи, въ духовномъ наказаніи; а старостамъ поповскимъ быти въ запрещеніи накрѣпко»²⁾. Такимъ образомъ тіунъ является здѣсь не только раздающимъ знамена безмѣстнымъ попамъ и получающимъ съ нихъ установленную пошлину, или надзирающимъ

¹⁾ А. Э. II, № 223.

²⁾ А. Э. III, № 264.

за ихъ поведеніемъ, но уже такимъ чиновникомъ, полицейскому надзору котораго подчинено все московское духовенство; мало того, онъ надзираетъ за церковнымъ благочиніемъ во всѣхъ московскихъ церквахъ и отвѣчаетъ предъ патриархомъ за нарушение благочинія во храмѣ,—служащими въ немъ и молящимися лицами.

Первоначально, какъ мы говорили, тиунъ жилъ на митрополичьемъ дворѣ. Въ 1594 году, по повелѣнію патр. Іова, была учреждена особая поповская изба около церкви Покрова Богородицы, что на Рву; сюда должны были приходять ежедневно восемь поповскихъ старость, избранныхъ изъ московскихъ священниковъ, и четыре десятскихъ изъ дьяконовъ, чтобы наблюдать за церковнымъ благочиніемъ въ Москвѣ, за жизнь и поведеніемъ приходскихъ и безмѣстныхъ поповъ и дьяконовъ; здѣсь же сталъ засѣдать и патриаршій тиунъ ¹⁾. Въ послѣдствіи поповская изба переименована была въ тиунскую, съ оставленіемъ ея первоначального назначенія. До 1667 года тиунская изба находилась постоянно въ вѣдѣніи тиуна изъ свѣтскихъ патриаршихъ служилыхъ людей; но съ этого времени ею стали завѣдывать одинъ изъ московскихъ игуменовъ и протопоповъ, которые назначались въ эту должность самимъ царемъ. Въ соборныхъ статьяхъ 1667 года объ этомъ сказано: «въ тиунской избѣ быти Знаменскаго монастыря игумену Арсенію, да Стретенскаго собора протопопу Андрею, или кому великій государь укажетъ» ²⁾. Патриархъ Іоакимъ построилъ особыя палаты близъ собора Покрова Пресвятыя Богородицы и Василія Блаженнаго, что на Рву, повелѣвъ, вмѣсто тиунской избы, быть приказу церковныхъ дѣлъ; тиуны съ этого времени стали называться уже приказными. Такъ тиунская изба передѣлалась въ особый приказъ церковныхъ дѣлъ, тиуны—въ судей; впрочемъ, перемѣна коснулась только названія, а не существа дѣла. Въ 1701 году приказъ церковныхъ дѣлъ велѣно вѣдать судѣй духовнаго приказа монаху Іосифу Булгакову «для всякаго его скоро-разсмотрительнаго въ приказномъ поведеніи управленія и разсужденія», и такимъ образомъ приказъ церковныхъ дѣлъ былъ соединенъ съ духовнымъ приказомъ. Послѣ Іосифа Булгакова судьей въ этомъ приказѣ былъ крестовый іеромонахъ Ирнархъ. Въ 1711 году приказъ церковныхъ дѣлъ снова получилъ самостоятельное зна-

¹⁾ А. Э. I, № 360; II, № 223; III, № 264.

²⁾ А. Э. IV, № 135.

ченіе, и судьей въ него былъ назначенъ архіерейскій ризничій Трифілій Поморцевъ ¹⁾. Приказъ церковныхъ дѣлъ былъ закрытъ окончательно въ 1724 году, 20 мая. До 1720 г. въ этомъ приказѣ былъ только одинъ подьячій, такъ какъ дѣлъ въ немъ было очень мало; когда же дѣла умножились, то подьячихъ было набрано: старыхъ 4, средней статьи 3, молодыхъ 9. Окладъ имъ былъ обыкновенный: старымъ 60 рублей и 30 четвертей хлѣба, средней статьи 40 рублей и 20 четвертей хлѣба, молодымъ 15 рублей и 10 четвертей хлѣба ²⁾. При закрытіи его, составъ служащихъ въ немъ лицъ былъ слѣдующій: 2 судьи изъ духовныхъ, 1 дьякъ, 6 канцеляристовъ, 3 подканцеляриста, 15 копистовъ, 14 солдатъ, два сторожа,—всего 41 чело-
вѣкъ ³⁾.

Приказъ церковныхъ дѣлъ вѣдалъ слѣдующія дѣла: онъ наблюдалъ за церковнымъ благочиніемъ въ Москвѣ, занимался рядами духовенства въ крестные ходы; выдавалъ похоронныя памяти о скоропостижно умершихъ; выбиралъ въ Москвѣ поповскихъ старость и десятскихъ, наблюдавшихъ, между прочимъ, чтобы звонъ въ приходскихъ церквахъ не начинался ранѣе соборнаго; собиралъ съ поповскихъ старость вѣдомости о родившихся и умершихъ, съ причтовъ книги о исповѣдавшихся и неисповѣдавшихся, выдавалъ дьячкамъ, пономарямъ, просвирнямъ и сторожамъ новоявленные памяти. Къ обязанностямъ его, послѣ закрытія патриаршаго разряда (1700 г.), отнесено было вѣдать всѣ дѣла о расколѣ; производить разслѣдованіе о потаенныхъ и записныхъ раскольникахъ, взыскивать штрафныя деньги съ неисповѣдавшихся и записныхъ раскольниковъ. Въ приказъ церковныхъ дѣлъ поступали гривенныя деньги, которыя собирались по гривнѣ съ церкви, на дачу полковымъ священникамъ, посылаемымъ въ завоеванные города при посольствахъ, съ московскихъ церквей брались эти деньги уже съ 1695 г. Въ этотъ же приказъ поступали пошлины, которыя прежде собиралъ тиунъ: «кресцовыхъ службъ и годовыхъ съ поповъ и дьяконовъ и съ церковничьихъ новоявленныхъ памятей, годовыхъ съ поповъ по 26 алтынъ, 4 деньги, а съ дьяконовъ въ половину, и съ новоявленныхъ памятей по тому же». Этотъ сборъ доставлялъ приказу до 158 рублей, 6 алтынъ и 4 де-

¹⁾ П. С. З. № 2454.

²⁾ Полн. собр. постан. по вѣд. прав. исповѣд. ч. I, № 179.

³⁾ Оп. док. и дѣл. Свят. Синод. ч. I, № 586.

негъ, которыя дѣлились между судьей, пѣвчими и приказными сторожами, а остатокъ, за раздѣломъ, отсылался въ казенный приказъ ¹⁾.

Изъ перечня предметовъ вѣдѣнія приказа церковныхъ дѣлъ само собою открывается, что этотъ приказъ почти ничѣмъ не отличался отъ прежней тѣнскаго избы, что онъ имѣлъ, какъ и тѣнская изба, исключительно мѣстное значеніе, существовалъ только для Москвы, какъ церковно-полицейское учрежденіе и для нея одной только имѣлъ значеніе. Послѣ 1700 г., когда къ нему отнесены были всѣ дѣла о расколѣ, кругъ его дѣятельности значительно по этому расширился, но и тутъ, какъ видно, онъ не имѣлъ все таки сколько нибудь важнаго значенія, и продолжалъ оставаться по прежнему почти исключительно мѣстнымъ церковно-полицейскимъ учрежденіемъ.

г. **Праветчики и Доводчики.** Вмѣстѣ съ десятильниками и ихъ тѣнами въ грамотахъ обыкновенно упоминаются еще доводчики и праветчики ²⁾. Доводчиками и праветчиками назывались полицейскіе чиновники низшаго разряда. Они встрѣчаются еще очень рано; но о праветчикахъ въ грамотахъ не всегда упоминается. Въ уставной грамотѣ Василія Дмитріевича съ м. Кипріаномъ говорится: «судити митрополиту Луховца съ волостелемъ или съ доводчикомъ». Вся обязанность доводчиковъ состояла въ томъ, чтобы призывать и приводить на судъ истцовъ и отвѣтчиковъ; праветчиковъ—приводить въ исполненіе судебные приговоры по взиманію штрафовъ, судебныхъ издержекъ для удовлетворенія истцовъ ³⁾ и проч. Доходы этихъ чиновниковъ въ государственной администраціи были: а) они получали въ Рождество, Пасху и Петровъ день установленный кормъ вещами и деньгами отъ жителей участка, для котораго они были назначены; б) за отправленіе своей должности они каждый разъ получали, за призывъ къ суду, опредѣленную плату, подъ названіемъ хоженнаго или ѣзда ⁴⁾. Доходы доводчика или праветчика при архіерейскомъ десятильникѣ были тѣже, что и доходы доводчиковъ

¹⁾ Опис. докум. и дѣлъ Св. Син. №№ 126, 500, 502, 586, 761.

²⁾ А. Э. I, № 197.

³⁾ О праветчикахъ и доводчикахъ въ государственной администраціи см. Дмитріева стр. 35.

⁴⁾ Неволіна «полн. собр. его сочин.» т. VI, стр. 112.

при государственныхъ чиновникахъ, т. е. они получали вмѣстѣ съ десятильникомъ и тѣномъ кормъ и деньги съ духовенства извѣстной десятины и кромѣ того плату каждый разъ за позывъ на судъ отвѣтчика и свидѣтелей. Обязанности доводчиковъ и праветчиковъ въ послѣдствіи перенесены были на одно лицо, носившее названіе пристава или недѣльщика.

г. **Приставы или Недѣльщики.** Названіе приставъ въ древней Руси не всегда употреблялось одинаково. Въ Новгородѣ на судѣ посадника присутствовали восемь человекъ, по четыре съ каждой тяжущейся стороны, два боярина и два именитыхъ гражданина, главно цѣлю которыхъ было мирить противниковъ; они назывались пристава. Въ судѣ Одринъ каждая изъ тяжущихся сторонъ назначала одного посредника, называемаго приставомъ, который въ разбирательствѣ и рѣшеніи дѣлъ принималъ такое же участіе, какъ и прочіе члены Одрина ¹⁾. Въ Москвѣ приставами вообще назывались исполнительные чиновники, на которыхъ возлагались какія либо особенныя порученія, напримѣръ, сопровожденіе иностранныхъ пословъ; въ этомъ случаѣ приставами назначались лица важнѣйшихъ фамилій въ государствѣ. Въ болѣе же тѣсномъ смыслѣ приставами назывались тѣ чиновники по дѣламъ суднымъ, которыхъ обязанность состояла въ томъ, чтобы призывать отвѣтчиковъ и свидѣтелей на судъ и потомъ производить взысканія по опредѣленію суда. Такъ какъ въ исполненіи своихъ обязанностей они чередовались по недѣлямъ, то поэтому ихъ называли еще недѣльщиками. Приставы или недѣльщики имѣли у себя помощниковъ, которыхъ при одномъ недѣльщикѣ полагалось не болѣе семи; имена ихъ записывались въ книгу дьяками, чтобы недѣльщики не могли отказаться отъ нихъ. Эти помощники недѣльщиковъ назывались ѣздоками ²⁾.

Приставы или недѣльщики, въ качествѣ исполнительной полицейской власти у архіереевъ, появились еще довольно рано ³⁾ и съ теченіемъ времени соединили въ себѣ обязанности преж-

¹⁾ Куницына: «Ист. изоб. древн. судопр. въ Россіи», гл. V и VI.

²⁾ Судебникъ Татищева пар. 47.

³⁾ Приставъ упоминается еще въ посланіи м. Іоны верейскому князю Михаилу Андреевичу 1450 г. «и азъ, сыну, до тѣхъ поповъ своего пристава послалъ» (А. И. I, № 50).

нихъ доводчиковъ и праветчиковъ, о существованіи которыхъ съ конца XVI вѣка уже нѣтъ указаній въ различныхъ актахъ, — вездѣ съ этого времени встрѣчаются только приставы. Обязанности ихъ были тѣ же, что и обязанности царскихъ приставовъ. Стоглавый соборъ опредѣляетъ ихъ такимъ образомъ: «а изъ которыхъ градовъ изъ сель, въ митрополю, и въ архіепископьяхъ и епископьяхъ, учнутъ приходити къ святителемъ жалобники о духовныхъ дѣлѣхъ, и о всякихъ обидахъ, и о управахъ земскихъ, и по ряднымъ и по духовнымъ грамотамъ, и по кабаламъ въ займѣхъ и поглажеѣхъ, и въ боѣхъ и въ грабежѣхъ и всякихъ дѣлѣ, опричь душегубства и разбоя съ личнымъ; и святители повелѣвають своимъ бояромъ и десятиникомъ давати имъ въ тѣхъ дѣлѣхъ приставовъ и они по нихъ ѣздитъ съ приставными; а въ приставной пишутъ выти, по цареву Судебнику; а срокъ имъ по царевымъ грамотамъ, какъ въ нихъ писано. А митрополичимъ недѣльщикомъ на Москвѣ и по всѣмъ городамъ въ митрополю и отъ десятильниковъ по десятинамъ и по селамъ, ѣздити съ приставными, и на правду и на обыскъ о всякихъ дѣлѣхъ отъ жалобниковъ, саму другу, а въ долныя мѣста саму третью, а давати на поруку поповъ и дьяконовъ и всѣ причты церковныя прелъ священники десятицкыми, а безъ священниковъ десятицкыхъ ихъ на поруки не давати. А по мірскихъ людей, отъ жалобниковъ, во всякихъ дѣлѣхъ ѣздити недѣльщикомъ съ приставными, и на правду и на обыскъ потомужъ, а давати ихъ на поруку передъ земскими старостами или передъ десятицкыми. А на котораго недѣльщика придутъ жалобники, и о томъ обыскавъ, да безъ суда на недѣльщикѣ доправити втрое, по цареву Судебнику»¹⁾.

Изъ приведеннаго свидѣтельства стоглаваго собора видно, что обязанности архіерейскихъ приставовъ, какъ и царскихъ, главнымъ образомъ состояли въ томъ, чтобы призывать на судъ тяжущихся и свидѣтелей. Дѣло это обыкновенно производилось такъ: какъ скоро къ архіерею и его боярамъ подавался какой либо искъ, то за обвиняемымъ и свидѣтелями посылался чередной приставъ — недѣльщикъ съ приставною памятью²⁾, въ которой обозначался самый искъ, цѣна иска, имя истца и отвѣтчика, и которая, за подписью дьяка, передавалась приставу для вы-

зова по ней къ суду отвѣтчика и свидѣтелей¹⁾. Получивъ приставную память, приставъ самъ или его помощникъ отправлялся за обвиняемымъ, при чемъ предъявлялъ ему приставную память и назначалъ срокъ для явки къ суду. Если казалось сомнительнымъ, чтобы обвиняемый явился въ назначенный ему срокъ къ суду, то приставъ обязанъ былъ отдать его на поруки, при чемъ поручители обязывались заплатить извѣстный штрафъ, если обвиняемый не явится къ суду въ назначенный ему приставомъ срокъ. Въ томъ случаѣ, если за обвиняемаго не было поручителей, или, если онъ оказалъ сопротивление и насиліе приставу, тотъ обязанъ былъ немедленно его арестовать и держать подъ арестомъ до самаго рѣшенія суда. По предъявленіи приставомъ отвѣтчику приставной памяти и по сдачѣ его на поруки, приставъ доносилъ объ исполненіи своего порученія боярамъ, а тѣ архіерею. По опредѣленію суда приставъ производилъ расправу надъ виновнымъ и бралъ съ него слѣдующія ему пошлины подъ именемъ хоженаго и ѣзда, которыя онъ получалъ за позывъ на судъ отвѣтчика и свидѣтелей. Различіе между хоженнымъ и ѣздомъ состояло въ томъ, что если отвѣтчикъ жилъ въ городѣ, то приставъ ходилъ за нимъ и получалъ плату за свой трудъ подъ именемъ хоженаго; если же отвѣтчикъ жилъ внѣ города, то приставъ за нимъ ѣздилъ, за что получалъ ѣздъ. Количество хоженнаго и ѣзда судебникъ опредѣляетъ: хоженое недѣльщику въ городѣ 10 денегъ, а на правду вдвое, — а ѣздъ недѣльщикомъ имати, по деньгѣ на версту, а на правду вдвое²⁾. Выраженіе «на правду вдвое» означаетъ то обстоятельство, когда приставъ во время самаго суда призываетъ новаго, общаго для обѣихъ тяжущихся сторонъ свидѣтеля, за что и получалъ двойную плату³⁾. Если приставъ держалъ обвиняемаго подъ арестомъ въ оковахъ, то онъ получалъ съ него за это пожелѣзное и за содержаніе — прокормъ, за первое 1½, за второе 2 коп. на день⁴⁾. Изъ запрещенія различныхъ грамотъ и Стоглава брать приставамъ отъ порукъ и поклоннаго можно заключить, что штрафы съ поручителей за не явку

¹⁾ О приставныхъ памятяхъ и обязанностяхъ пристава см. Улож. гл. X, ст. 100, 127—148.

²⁾ Судеб. Татищева, пар. 45.

³⁾ А. Ю. № 16, 18.

⁴⁾ Улож. гл. XX, ст. 94.

¹⁾ А. И. I, № 155, стр. 278 и 279.

²⁾ Образчикъ памяти пристава: А. до Ю б. II, № 235.

отвѣтчика къ суду пристава обращали въ свою пользу и кромѣ того брали еще такъ называемое поклонное ¹⁾).

До столпаго собора, какъ это видно изъ его опредѣленій, приставы отдавали на поруки и назначали срокъ явки къ суду единолично, вслѣдствіе чего они допускали множество злоупотребленій: назначали большія пени съ поручителей, писали сроки или очень короткіе, или назначали время для явки къ суду самое неудобное для отвѣтчиковъ и свидѣтелей. На нѣкоторыя ихъ злоупотребленія указываетъ и Стоглавъ, когда говоритъ: «а которые тиуны и недѣльщики ставаясь съ блудницами и съ ябедники, учнуть дѣла составлять и продажу чинити священническому и иночьскому чину и всеѣмъ православнымъ христіаномъ, отъ поруки и поклоннаго денги имати, или что насильствомъ возмутъ» ²⁾ и пр. Въ виду такихъ злоупотребленій недѣльщиковъ столпавый соборъ постановилъ, чтобы они поповъ и дьяконовъ отдавали на поруки не иначе какъ передъ десятскими священниками, а мірскихъ людей предъ земскими старостами или десятскими. Въ случаѣ ихъ злоупотребленій и поборовъ соборъ повелѣваетъ святителямъ «доправливати безъ суда взятое втрое» и немедленно отставлять ихъ отъ должности. Въ виду указанныхъ злоупотребленій недѣльщиковъ архіереи между прочимъ давали такія привилегіи церквамъ и монастырямъ: недѣльщикъ могъ позвать на судъ пожалованныя лица только въ опредѣленные грамотами сроки. Такъ напримѣръ, въ жалованной грамотѣ м. Діонисія Кириллову монастырю объ освобожденіи отъ пошлинъ покровской церкви 1585 года сказано: «а коли кто по того пона взведетъ моего митрополича пристава, съ Москвы, и приставъ мой пишетъ ему передъ меня два срока въ году, въ той же день по крещеньи Христовѣ, да въ той же день по Петровѣ дни, а опричь тѣхъ сроковъ приставъ мой иныхъ сроковъ не записываетъ» ³⁾. Въ другихъ грамотахъ назначался одинъ срокъ въ году, въ который недѣльщики должны были ставить обвиняемыхъ передъ святителемъ, при чемъ въ грамотахъ обыкновенно писалось: «а кто на нихъ и накинеть срокъ, или безсудную на нихъ возметъ, не потому ихъ сроку, какъ въ сей нашей гра-

¹⁾ Въ одной грамотѣ новгородскаго архіепископа 1577 года говорится: «и недѣльщики и доводчики своихъ хоженыхъ и отъ поруки у нихъ не емлютъ ничего». (А. И. I, № 197).

²⁾ А. И. I, № 155, стр. 280.

³⁾ А. Э. I, № 325.

мотѣ писано, и тотъ имъ срокъ не въ срокъ, а безсудная не въ безсудную» ¹⁾. Впрочемъ, въ духовныхъ дѣлахъ недѣльщики обязаны звать были къ суду всеѣхъ духовныхъ лицъ во всякое время, когда только требовали этого обстоятельства, почему въ грамотахъ всегда писалось: «а кому будетъ до того игумена или попа каково наше духовное дѣло, и мои недѣльщики и забѣщики даютъ ихъ въ тѣхъ духовныхъ дѣлѣхъ на поруки, а срокъ имъ чинять стати передъ меня... всегда, безсрочно, какъ ся прилучить, то на ихъ наша вина духовная» ²⁾).

Кромѣ обязанности предъявлять отвѣтчикамъ приставную память, отдавать ихъ на поруки, или держать подъ арестомъ до судебного разрѣшенія дѣла, производить взысканіе по опредѣленію суда, на пристава возлагались иногда и другія обязанности. Выраженіе Стоглава ѣздитъ недѣльщикамъ съ приставными и на правду и на обыскъ о всякихъ дѣлѣхъ, такъ же свидѣтельство окружнаго царскаго наказа объ обязанностяхъ поповскихъ старостъ «коли пріѣдутъ владычни недѣльщики и десятильничьи съ суда на обыскъ» ³⁾, показываютъ, что на пристава возлагались еще обязанности судебного разслѣдованія какого либо дѣла, такъ что они являлись иногда въ качествѣ судебныхъ слѣдователей, разслѣдывавшихъ, по порученію суда, дѣло на мѣстѣ. Кромѣ этого на недѣльщиковъ возлагались еще и такія порученія, которыя вовсе не имѣли никакого отношенія къ суду и судебнымъ слѣдствіямъ,—они являлись иногда просто въ роли разсылныхъ, посылаемыхъ въ епархію съ различными архіерейскими предписаніями для сообщенія ихъ духовенству извѣстнаго округа ⁴⁾. Со времени учрежденія Приказовъ, они постоянно находились при нихъ и обязаны были, кромѣ рас-

¹⁾ А. И. I, № 231, 232, 235 и др.

²⁾ А. И. I, № 231, 232, 233, 235. А. Э. I, 296 и др.

³⁾ А. Э. I, № 231.

⁴⁾ Такъ въ наказной памяти митрополитичихъ дѣлъ приставу Митькѣ Иванову повелѣвается ему въ Соли Вычегодской и Луской Пермѣ объявить монастырямъ и приходамъ, чтобы постились и совершали молебствіе по случаю войны съ турками и крымскими татарами (А. Э. IV, № 229). Въ памяти митрополитичихъ дѣлъ Матвѣю Лобанову о запрещеніи скomorохамъ и медвѣжьимъ поводчикамъ промыслять играми въ Устюжскомъ и Соли-Вычегодскомъ уѣздахъ повелѣвается ему по всеѣмъ волостямъ и погостамъ названныхъ уѣздовъ попамъ и дьяконамъ и всеѣмъ православнымъ христіанамъ вычитать святительскій указъ «по многіе дни», «и съ памяти велѣтъ имъ списывать списки, и заказъ учинить крѣпкой, чтобъ отнюдь скomorоховъ и медвѣжьихъ поводчиковъ отнюдь не было». (А. Э. IV, № 98).

поряженій судебныхъ, доставлять по назначенію и всѣ другія бумаги, по распоряженію служащихъ въ приказахъ лицъ.

Кромѣ обыкновенныхъ приставовъ или недѣльщиковъ существовали еще, такъ называемые, «данные приставы». Они давались князьями и царями иногда епископамъ и особенно монастырямъ. Такъ, въ царской жалованной грамотѣ суздальскому епископу Варлааму 1576 года сказано: «также еси пожаловалъ епискупа Варлаама: далъ еси ему даного пристава, кому будетъ чего искати на его дѣтѣхъ боярскихъ и на крестьянехъ, и приставъ мой даной наметьваетъ на нихъ срокъ, а чинить имъ одинъ срокъ въ году Рождество Христово; а опричь того моего даного пристава, наши недѣльщики и площадные и дворцовые, владычныхъ дѣтей боярскихъ и крестьянъ на поруки не даютъ, и сроковъ на нихъ не наметьваютъ» ¹⁾. Съ своей стороны и сами епископы назначали тѣмъ или другимъ церквамъ и монастырямъ своихъ «данныхъ приставовъ». Такъ, въ жалованной грамотѣ новгородскаго архіепископа Александра селамъ Сергіева монастыря сказано: «а въ духовныхъ дѣлѣхъ даютъ ихъ на поруки изъ великаго Новгорода наши данные недѣльщики, кого азъ Архіепископъ пошлю» ²⁾. Обязанности данныхъ приставовъ очень опредѣленно высказаны въ одной грамотѣ новгородскаго архіепископа 1573 года: «кому будетъ до того игумена и до братьи, и до всего причта церковнаго и до ихъ слугъ и до ихъ крестьянъ монастырскихъ, и до ихъ прикащиковъ, каково дѣло, и азъ далъ имъ недѣльщика своего Никиту Леонтіева сына Кондагова, и мой недѣльщикъ даной вѣзжаетъ къ тому игумену и къ братьи, и ко всему причту церковному, и къ ихъ слугамъ, и къ прикащикомъ, и къ ихъ крестьяномъ по государевъ царевъ и великаго князя грамотѣ, и даетъ ихъ на поруку въ какихъ дѣлѣхъ, да срокъ имъ чинить стати въ Великомъ Новгородѣ предъ мною Архіепископомъ, одинъ въ году, на сборное воскресенье, а отъ поруки отъ нихъ не емлетъ ничего. А будетъ на того игумена и на весь причетъ церковный каково дѣло духовное, и мой недѣльщикъ даной даетъ ихъ въ тѣхъ дѣлѣхъ на поруки, да срокъ имъ чинить стати передъ меня архіепископа въ Великомъ Новгородѣ всегда» ³⁾. Слѣдовательно

¹⁾ А. И. I, № 200, стр. 368. О данныхъ приставахъ монастырямъ говорится во многихъ грамотахъ: А. И. I, № 119, 125. А. Э. I, № 82, 110, 113, 154, 159, 189, 198, 329, 368 и др.

²⁾ А. Э. I, № 296.

³⁾ А. Э. I, № 187.

данные приставы ничѣмъ существенно не отличались отъ обыкновенныхъ приставовъ, кромѣ того, что спеціально назначались для одного какого нибудь монастыря или церкви, такъ что вслѣдствіе подобнаго пожалованія только одинъ данный приставъ имѣлъ исключительное право давать обвиняемыхъ на поруки и ставить ихъ на судъ; всѣ же другіе приставы уже не имѣли права являться и вообще вѣзжать въ пожалованный монастырь или приходъ. Въ XVII вѣкѣ данные приставы уже не встрѣчаются.

Приставы или недѣльщики при архіереяхъ были уничтожены послѣ собора 1667 года вмѣстѣ съ другими свѣтскими архіерейскими чиновниками. Ихъ мѣсто заступили, такъ называемые, закащики, которые избирались всегда изъ духовныхъ лицъ и утверждались въ своей должности архіереемъ ¹⁾.

Чиновники, завѣдывавшіе управленіемъ архіерейскаго двора, земель и крестьянъ, жившихъ на нихъ.

а) Дворецкій. Когда въ первый разъ при архіерейскихъ дворахъ появились дворецкіе, и какъ именно возникла эта должность, на это рѣшительно нѣтъ никакихъ указаній. По канонамъ греческой церкви имѣніями и домами архіереевъ должны были управлять экономы изъ духовныхъ лицъ, которые дѣйствительно существовали во всѣхъ греческихъ церквахъ ²⁾. Но замѣчательно, что у насъ ни въ древнѣйшее время, ни въ болѣе позднее, экономовъ при архіереяхъ не было; вѣроятно ихъ обязанности исправляли у насъ въ древнѣйшее время казначей. Когда у архіереевъ было мало земель и когда поэтому у нихъ еще не было того многочисленнаго штата придворныхъ служилыхъ людей, то одного казначея было тогда достаточно, чтобы вести дѣла по управленію архіерейскимъ домомъ и доходами. Но когда архіереи съ теченіемъ времени приобрѣли себѣ, сравнительно, обширныя населенныя и ненаселенныя земли, когда ихъ дворъ наполнился множествомъ различныхъ слугъ и должностныхъ лицъ, тогда одного казначея для завѣдыванія всѣми архі-

¹⁾ См. о закащикахъ соборныя постановленія 1667 г. (А. Э. IV, № 161 А. И. V, № 166, 253.

²⁾ См. сочиненія Павла и Zhishman'a.